

ЛЕСЛИ ВЕДДЕР

Перевод Елены Николенко и Елены Музыкантовой

КОСТЯНОЕ ВЕРЕТЕНО

18+

фэнтези

МИФ

Red Violet. Темный ретеллинг

Лесли Веддер

КОСТЯНОЕ ВЕРЕТЕНО

Перевод с английского Елены Николенко,
Елены Мзыкантовой

Москва
«Манн, Иванов и Фербер»
2022

УДК 82-312.9

ББК 84(7Coe)6-445.13

B26

**Original title: The Bone Spindle
by Leslie Vedder**

На русском языке публикуется впервые

Веддер, Лесли

B26 Костяное веретено / Лесли Веддер ; пер. с англ. Е. Николенко, Е. Музыкантовой. — Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2022. — 416 с. — (Red Violet. Темный ретеллинг).

ISBN 978-5-00195-637-2

Как в старой сказке, все начинается с веретена. Темное проклятие заставляет молодого принца уколоть палец и уснуть беспробудным сном. Чтобы спасти королевство от чар, на опасную тропу выходят искательница сокровищ Фи и воинственная наемница Шейн. Вот только Терновый лес — наименьшая из проблем на пути к их цели...

УДК 82-312.9

ББК 84(7Coe)6-445.13

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-00195-637-2

© 2022 by Leslie Vedder

This edition is published by arrangement with HG Literary and The Van Lear Agency LLC

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2022

Моей любимой Мишель.

Ты для меня — всё

Пролог

В стародавние времена в великом волшебном королевстве Андар у последних правителей родился ребенок.

Их первое дитя было наделено необычайным магическим даром, второе — мудростью и умом, но третий младенец оказался весьма хилым; ему грозила смерть. Мать назвала его Шиповником Розоцветом в честь диких цветов, в изобилии произраставших в лесных лощинах, цветов, что распускаются даже в самой сумрачной тени.

В ту пору королевским двором заправляли четыре женщины, наделенные невероятной властью, известные как Великие ведьмы. Первая, Змея, владела даром превращений и искусством покорять зверей. Вторая, Грёза, могла без особых усилий входить в сознание спящих. Третья же ведьма, Роза, была прямым потомком первой Верховной чародейки, Авроры.

Четвертая колдунья была самой древней, поговаривали, что она старше самого королевства. Этой ведьме принадлежало веретено из сверкающей кости, им она творила темную магию, с помощью золотых нитей управляя потоками жизненной силы.

Именно она в час нужды предложила королеве сделку: спасти принца Шиповника в обмен на тайные, запретные чары Верховной чародейки, которые королевский род охранял многие поколения.

От отчаяния королева согласилась. Ведьма спряла злосчастные золотые нити и спасла дитя, но чары требовали большой жертвы, и королева отдала свою жизнь за жизнь сына.

После гибели жены король, убитый горем, разгневался на вероломство Пряхи и отказался выполнить условия сделки. Он поклялся, что колдунья никогда не получит желаемого, изгнал ее из Андара и запретил даже упоминать о ней.

Пряха обещала отомстить, ведь тайных знаний она жаждала всю жизнь. Магия, что спасла принца Шиповника, связала ее с ним. Перед всем двором и Великими ведьмами колдунья провозгласила, что в день шестнадцатилетия принц окунется во мрак и станет принадлежать ей навечно. Заполучив Шиповника, она отыщет с его помощью запретные чары и уничтожит ненавистное королевство.

Каких только способов не испробовали Великие ведьмы, чтобы разрушить связь Пряхи и Шиповника, но темная магия оказалась слишком сильна.

Несчастного проклятого принца держали взаперти в замке, но когда ему исполнилось шестнадцать, он в своем саду потянулся за розой и укололся о костяное веретено, что таилось средь колючих ветвей.

Только Пряха не успела забрать юношу: Грёза заровала принца беспробудным сном и спрятала в белокаменной башне, для защиты увитой розами.

Ярость Пряхи была велика.

Она собралась с силами и подняла армию, чтобы сокрушить чародеек Андара. Армию, сотканную

из ненависти и злобы, шквала ворон и дьявольских уродливых скелетов, которых оживила с помощью золотых нитей. Она наступала, оставляя после себя лишь разруху, и народ королевства бежал.

Уцелел единственный замок, окруженный непрходимым Терновым лесом. Пряха уже готовилась праздновать победу, но Великие ведьмы снова решились противостоять ей — в последний раз, не щадя своих жизней. Змея обернулась гигантской рептилией цвета слоновой кости и протянулась сквозь Терновый лес, чтобы вечно охранять путь к замку. Грёза наслала сон на всех его жителей, который защитит их, пока они не пробудятся вместе с принцем. А Роза покинула все, что было ей дорого, и, захватив осколки костяного веретена, укрылась в соседнем королевстве Дарфелл, чтобы посеять семена возрождения Андара.

Выжившие из поколения в поколение передавали легенду: однажды веретено найдет девушка — девушка, которая сумеет пробудить спящего принца и тем самым положит начало гибели ведьмы Пряхи.

Капля крови, капля надежды. Чары беспробудного сна разрушит поцелуй любви.

Глава 1

Фи

Прокнув дверь, Фи вошла в убогую таверну под названием «Серебряный барон». Створка с грохотом захлопнулась, распугав стаю ворон, которые клевали что-то в пыли снаружи. Тени их крыльев заслонили свет в окнах, чем привлекли внимание переполненного зала.

Посетители с подозрением уставились на вошедшую девушку поверх оловянных кубков с темным вином и тарелок с обедками. Фи надвинула шляпу пониже на лоб. Лавируя мимо столиков, она прошагала к стойке, откуда можно было незаметно наблюдать за всеми. У нее имелось здесь дело, которое могло привлечь нежелательное внимание.

— Чай с лимоном, если есть, — попросила Фи, ухватив служанку таверны за локоть.

Та, бросив «Да, милорд», удалилась.

Вообще-то Фи звалась леди Филоре Ненроа. Несколько месяцев назад ей исполнилось семнадцать, и теперь она носила официальный титул, правда, на верное, это было не слишком заметно по пыльной коричневой куртке и низко надвинутой шляпе. Шляпа должна была уберечь лицо от солнца во время

путешествия и к тому же, вероятно, помогала оставаться незаметной. До сих пор никто в Дарфелле не узнал Фи, но это был лишь вопрос времени.

Вытащив из кармана свернутую квадратом карту, она положила ее на стойку и тут же снова поспешно подняла: служанка так грохнула чашку о столешницу, что чай выплеснулся на блюдце. Фи бережно развернула карту, в складках которой прятался огрызок пергамента, — собственно, затем она и заглянула в таверну.

За тот год, что Фи сюда не заходила, «Серебряный барон» не слишком изменился. Завсегдатаи сплошь отбросы, как обычно.

Суровая дамочка поигрывала блестящим серебряным кинжалом в «ножички», вонзая клинок меж пальцами в обшарпанную столешницу; поодаль бросали кости, забава сопровождалась резким смехом и звоном переходящих из рук в руки монет.

С другого конца стойки на Фи таращился лысый господин болезненно-желтого цвета, который уже порядком набрался.

В задней части таверны плотные винно-красные занавески отгораживали укромные комнатки, где могли собраться небольшой компанией дворяне либо те, кто желал остаться неузнанным.

Фи взяла клочок пергамента и принялась задумчиво рассматривать каракули:

Встречаемся на закате в «Серебряном бароне». Есть предложение, от которого ты не сможешь отказаться.

Подпись отсутствовала.

Записку подсунули под дверь номера в гостинице «Железный фонарь», куда Фи заселилась два дня назад. Первым порывом — вероятно, самым правильным — было собрать вещи и бежать из города. Но всякий раз,

потянувшись к рюкзаку, Фи вместо этого рассматривала записку и ломала голову над загадкой. Кто знает, что она вернулась в Дарфелл? И что это за предложение, от которого нельзя отказаться?

Фи барабанила по стойке, рассматривая свою руку, затянутую в черную перчатку без пальцев. Сложенную карту усеяли нервно выцарапанные крестики — ни одна из поисковых экспедиций Фи не увенчалась успехом. Явиться в забегаловку, подобную «Серебряному барону», по зову таинственного послания было актом отчаяния.

Сняв шляпу, Фи положила ее на барную стойку. Кожу Ненроа покрывал загар, а лицо после долгих часов на солнце сплошь усыпали веснушки. Фи прошла рукой по темно-каштановым волосам — не слишком длинным, но получилось сбрить их в хвост на затылке.

Она старалась держаться незаметно, хотя и не была в бегах, да и никаких темных дел, из тех, что творились в потайных комнатушках «Барона», Фи тоже не занималась. Она просто старалась не попасться на глаза своему бывшему.

Поначалу именно *ему* она с ужасом приписала авторство послания, но загадки были не в его духе. К тому же бывший писал исключительно витиеватым почерком и только пером с серебряным наконечником.

В итоге подозреваемых почти не осталось.

Подняв чашку чая, Фи наклонила ее, внимательно изучила желтоватую жидкость и только потом отпила. Немедленно выплюнуть напиток помешали лишь хорошие манеры, которые ей прививали годами. Предполагалось, что в чашке чай с лимоном. На вкус пойло смахивало на помои, в которых вымочили старую лимонную кожуро.

— Эй, хозяин! — Фи подала знак мужчине со стриженою бородой, протиравшему стаканы за стойкой. — Это не чай. Кажется, вы плеснули воды в грязную чашку.

Выражение лица бородача подсказывало, что именно это и получают посетители «Барона», заказав чай.

— Могу выпить его для вас совершенно бесплатно.

Фи хотела. Последний год она провела в омываемом морями королевстве Писарр. Каждый день из портов доставляли экзотические чаи и специи. Фи было окунулась в воспоминания о соленом воздухе, ленивых днях в огромной библиотеке с окнами во всю стену, выходящими на побережье, лимонных деревьях с густой листвой, что покачивалась на ветру... Потом утерла грязь со лба и отряхнула руку.

Здесь не Писарр — даже государство другое. Городишко Приют Вороны, что на восточной окраине Дарфелла, нашел пристанище в Горных Пиках в двух шагах от павшего королевства Андар. Нужно снова привыкать к приграничной жизни: суровая местность, суровые условия и прочие малоприятные вещи.

Взгляд Фи скользнул к доске у бара, пестрящей объявлениями. Среди плакатов Хранителя границы с обещанием награды за поимку разыскиваемых преступников, сообщений от купцов о поиске крепких рабочих рук мелькали листовки и нарисованные от руки портреты подозреваемых в ведьмовстве. Теперь уже Фи сморщилась не из-за дрянного чая. Охотники на ведьм окончательно обнагели, раз начали открыто вывешивать свои извещения даже в таких местах, как «Серебряный барон».

Охотники на ведьм — озлобленная община, члены которой считали магию нечистой и поклялись не

допустить восстановления Андара. Прошло сто лет — наверное, они остались единственными, кто еще верил, что великое волшебное королевство можно возродить.

Чаще всего они орудовали в выжженных пустошах Андара, где царило беззаконие, разворовывали магические реликвии и гоняли оставшихся ведьм. Облавы за границей Дарфелла были редки, но в последнее время охотники стали разыскивать колдунов в приграничных городках, где стражи всегда не хватало.

Взгляд Фи задержался на изображении кудрявого мужчины с большой хрустальной серьгой в ухе. Она спрятала руку в перчатке под стойку. Ничего не поделаешь. Охотники на ведьм в Дарфелле вне закона, однако все же они здесь промышляли, хоть и тайно, улепетывая в холмы при появлении пограничной стражи.

Но самое худшее — чем тяжелее жилось в Дарфелле, тем больше людей смотрели на эти безобразия сквозь пальцы. Когда-то приграничные города были самыми процветающими — в них кишили купцы, что приезжали в Андар. Но с тех пор как от великого волшебного королевства остались одни руины, в окрестностях воцарился упадок, от голода народ ожесточился и отчаялся.

Дверь с грохотом распахнулась, в таверну с важным видом кто-то вошел и направился прямиком к Фи. Это оказалась невысокая коренастая девушка в плаще цвета ржавчины, ниспадавшем до ее колен; под накидкой виднелась серая туника и потрепанные штаны. Пепельно-каштановые волосы заплетены в косу и закручены в пучок, между лопаток поблескивал переброшенный за спину боевой топор.

Но внимание Фи сразу привлекли тяжелые сапоги на каблуках и толстой подошве. Они были пошиты на заказ и прибавляли своей юной хозяйке роста.

Это была Шейн, наемница.

Фи опустила чашку на блюдце и спрятала карту в карман, пока Шейн прокладывала себе путь локтями, вместо того чтобы аккуратно обогнуть столы. Наемница взобралась на высокий стул рядом с Фи. Тяжелый холщовый рюкзак с грохотом упал на пол. Филоре взмахнула запиской.

— Ты... — невозмутимо проговорила Ненроа. — Ты мне это отправила?

— Ага, — ухмыльнулась та.

Шейн — северянка родом с островов Несокрушимых — довольно долго околачивалась в приграничных землях. Как все бывалые следопыты и кладоискатели, она предпочитала поношенную походную одежду, покрытую толстым слоем грязи. Светлая кожа Шейн загорела на солнце.

Наемница внимательно посмотрела на Фи серыми, будто море, глазами.

— А тебя трудно выследить.

— Похоже, не так уж трудно, — пробормотала Филоре, отодвигая в сторону чай. Для питья он был определенно непригоден. — Как ты меня нашла?

— Наш общий друг шепнул, мол, ты вернулась в город, — заявила Шейн, приподняв брови.

Взгляд Фи метнулся к доске с объявлениями и отыскал мужчину с хрустальной серьгой. Шейн, пытаясь разглядеть, куда же смотрит ее собеседница, подалась вперед. А выяснив это, нахмурилась.

— Вот уж нет! — Наемница спрыгнула со стула и подскочила к доске.

За некоторыми столиками стихли разговоры. Скрепив руки на груди, Шейн возвралась на стену с объявлениями, а потом начала срывать наклеенные друг на друга плакаты. Наемница была невысока ростом даже в своих сапогах, поэтому, чтобы достать до верхних листовок, ей приходилось подпрыгивать.

Тяжело приземлившись, она бросила взгляд в зал. Непонятно, отчего она так разозлилась: вероятно, из-за висевшего на доске портрета их «общего друга», а может, в целом не выносила охотников на ведьм. Шейн славилась тем, что была скора на расправу. Похоже, таверне еще повезло, что наемница не вонзила в стену топор.

Скомкав последнюю листовку, Шейн повернулась к хозяину за стойкой.

— Ты! — предупредила она. — Не позволяй этим мерзавцам развешивать здесь свой мусор.

— Доска общая, — заявил тот.

Его не обеспокоили ни сами объявления, ни их обрывки, валяющиеся на полу.

Шейн сердито запыхтела. Поскandalить было бы приятно, да только никакой рассерженной наемнице не под силу приструнить завсегдатаев «Серебряного барона». Впрочем, этого Фи сообщать Шейн не стала. У нее не было настроения спорить. Вместе они работали всего пару раз, и хотя в тесном сотрудничестве им сталкиваться не доводилось, Фи помнила вспыльчивый нрав Шейн.

Наемница плюхнулась на свое место задом наперед, облокотившись о стойку и лицом к притихшему залу. Осмелится ли кто-нибудь что-то сказать? Все избегали смотреть ей в глаза.

— Трусы, — прошипела Шейн.

Фи укоризненно покачала головой.

— Не слишком ли ты перегибаешь палку для обычной встречи?

— Вообще-то у меня к тебе предложение, — отозвалась Шейн.

Фи закатила глаза. *К ней* — и ко всему залу, ведь завсегдатаи сразу навострили уши.

— Ты точно хочешь предложить мне что-то на публике?

Шейн хохотнула и пожала плечами, мол, ей все равно. Не она старается избежать лишнего внимания. Фи подавила волну раздражения.

— Хозяин! Мы займем одну из задних комнат. — Она вытащила из кошеля на поясе пару медяков и бросила на стойку.

Бармен убрал в сторону тряпку, которой протирал стаканы, и взял деньги. Потом окинул топор Шейн неодобрительным взглядом.

— В задних комнатах никакого оружия.

— У меня ничего! — Фи приподняла полы куртки и покружила: кроме кошеля с деньгами к ее поясу была приторочена лишь скрученная тугим кольцом веревка.

— Мой топор не получишь, — вставила Шейн.

— Или он останется здесь, или ты, — невозмутимо отрезал хозяин.

— Своего не отдам! — горячо возразила Шейн, явно собираясь устроить у всех на виду именно такую сцену, какой Фи старалась избежать.

— Тогда это сделаю я. — Фи нырнула Шейн за спину и ловко высвободила топор из ремней.

Тот оказался тяжелее, чем она ожидала, железный обух качнулся вниз, но Филоре все-таки успела перехватить его и водрузить на стойку. Теперь у нее появилась возможность присмотреться: орудие

было превосходным. Старое топорище отполировано до блеска, на кривом лезвии узор — переплетающиеся узлы.

Фи ногой запихала под стул набитый битком рюкзак Шейн.

— Все, проблема решена, — заявила она, подталкивая наемницу в спину.

— Я помню каждую мелочь, что у меня в рюкзаке, каждый катышек! — завопила Шейн через плечо. — И если ты даже вздохнешь рядом с топором, я узнаю!

Фи покачала головой и пихнула упрямницу в один из отгороженный портьерами закутков.

— Хватит устраивать представление. — По поведению Шейн и не скажешь, что она старше Фи на целый год.

В маленькой комнатке царила густая темень, мрак разгоняли лишь высокие свечи, мерцавшие в чугунных подсвечниках. У стены притулились круглый стол и стулья. Тяжелые бархатные портьеры, сомкнувшись за спинами посетительниц, заглушили звуки таверны.

— А знаешь, топор-то, конечно, остался там, — заявила Шейн, плюхнувшись на один из стульев с высокой спинкой, — но я легко могла бы прикончить тебя спрятанным кинжалом.

— Зато мебель порушить не выйдет, — хмыкнула Фи и осторожно присела на краешек стула. — Думаю, хозяина куда больше заботило это.

Шейн откинулась на спинку и хихикнула.

— Я уж и забыла, как ты остра на язык!

— Никого здесь не держу, — любезно отозвалась Фи.

— Это же был комплимент! — запротестовала Шейн. — Если я уйду, мы обе об этом пожалеем.

Ты читала мою записку? У меня есть предложение, от которого ты не сможешь отказаться.

Фи бросила на нее взгляд, но Шейн вдруг приняла серьезный вид и подалась вперед.

— Я нашла кое-что, когда лазила по развалинам у Брехливого водопада. Карту, на которую тебе точно захочется взглянуть.

Не желая заглатывать приманку, Фи хмыкнула.

— Карту вокруг полно, большинство из них описывают места давно известные. Что же такого особенного в этой?

Шейн дьявольски усмехнулась.

— Это карта Ведьминой Шкатулки, — сказала она, достала из складок туники клочок бумаги и с размаху шлепнула им об стол.

Карта выглядела очень старой, она была вся в сгибах и покрыта пятнами. Фи удалось опознать горный хребет, что возвышался сразу за Приютом Ворона. За хребтом лежала низменность, усеянная горными озерами и водопадами, сгрудившимися у реки, — казалось, будто долину прорезала вена.

Еще сто лет назад этот край принадлежал королевству Андар. Кладоискатели прозвали его Ведьминой Шкатулкой, а все потому, что за тысячу лет до падения Андара здесь обитали ведьмы, возводили тайные замки, убежища и крепости, а также башни, чтобы созерцать звезды. Строения, которые гнездились на крутых серпантинах или высоких утесах, ныне превратились в вереницу заброшенных развалин, что усыпали ущелье, будто драгоценные каменья на цепочке. Когда Андар пал, ведьмы покинули свои жилища.

Сейчас эта территория формально принадлежала Дарфеллу. Вся долина была усеяна ловушками, иные

здания целиком предназначались для защиты реликвий и хранения сокровищ давно исчезнувших магических орденов.

Фи впилась взглядом в карту и нахмурилась, присматриваясь.

— Похоже, кто-то разыграл тебя, как дурочку. Это пустышка.

Кроме географических объектов на карте не было никаких пометок, даже дорог.

— Гляди!

Шейн поднесла карту к свече очень близко, Фи даже испугалась, что та сгорит в считаные секунды. А потом увидела... Что-то стало проявляться — под воздействием тепла на пергаменте проступили темные линии, будто вода, которая впитывается в бумагу. *Невидимые чернила!* Затем линии перестали растекаться, река в центре Ведьминой Шкатулки скрылась под густыми завитками выюющихся ветвей, и каждый был усыпан гроздьями цветущих золотистых роз.

Прижав палец к странице, Фи с изумлением вела им по сложным завиткам и петлям.

— Это не просто ветви. Это письмена на одном из магических языков. — Когда-то в Андаре существовало бесчисленное множество магических орденов. Некоторые изобретали собственный язык, чтобы сокрыть свои заклинания в тайне. — Это орден Священной Розы.

— Я так и думала, — заявила Шейн. — Розы — явный знак.

Возможно ли это? Орден Священной Розы был старейшим и древнейшим, каждая ведьма королевской крови состояла в нем. Шейн права. Это необычная карта.

— Теперь понятно, почему я принесла ее тебе? Что там написано? — спросила наемница.

Фи придвинулась ближе и стала изучать замысловатые буквы, вдыхая аромат старой бумаги.

— Здесь написано: «Среди роз».

— Так себе намек, — проворчала Шейн. — На той ветке десяток цветов. Хочешь сказать, карта указывает на любой из них?

— Нет, цветы ни при чем. — Фи с трудом сдерживала волнение в голосе. — Видишь на самой верхушке ветки бутон, который еще не распустился?

Она указала на край скалы, притулившейся на северо-западе ущелья.

— Иногда что-то тайное — слишком важное, чтобы подписывать прямо, вдруг попадет не в те руки, — ведьмы ордена Священной Розы обозначали бутоном.

Шейн, прищурившись, уставилась на пергамент.

— Но до той скалы лишь день пути отсюда — она даже не в долине! Как же ее за все это время не нашли?

— Думаю, выясню на месте. — Фи покачала головой. От предвкушения заурчало в животе, но она старалась не подавать вида. — Сколько ты за нее хочешь? — спросила она, вспомнив о своем похудевшем кошеле.

— «Сколько»? — фыркнула Шейн. — Я ее не продаю. Мне нужен компаньон. *Когда-то* ты была кладоискательницей и неплохо в этом разбиралась. Вряд ли за время своих грандиозных путешествий ты растеряла навыки.

— Ничего я не растеряла, — огрызнулась Фи.

— Отлично. — Шейн хлопнула ладонью по столу. — Я тебя нанимаю! Соглашение обычное: все сокровища — мне, книги и прочая историческая муть — тебе. И чур не трогать магические реликвии.

Фи подобный расклад вполне устраивал, главное, найти не только сокровища. Хотя она догадывалась, что Шейн огорчится не меньше, если они отыщут одни книги.

— Постой, — воспротивилась Фи, — я еще не согласилась.

— Согласишься, — самодовольно ухмыльнулась Шейн. — Ты глаз с моей добычи не сводишь!

Фи почувствовала, как щеки заливает жар. Она гордилась своей выдержкой, но Шейн видела ее насквозь.

«Вот тебе и выдержка», — с досадой подумала Фи.

— Ладно. — Она протянула через стол руку. — Один заказ, а потом расходимся каждая своей дорогой.

— Принято, — согласилась наемница, пожимая ладонь. Пожатие вышло жестким, как и все в Шейн.

— Встречаемся на перекрестке у старой сторожевой башни за два часа до рассвета, — сказала Фи, уже обдумывая, что понадобится в походе.

Шейн издала страдальческий стон.

— «За два часа до рассвета»? Ясно, почему напарники у тебя не задерживаются.

У Фи что-то болезненно скжалось в груди. Это была лишь шпилька, как и другие колкости, которыми они обменивались, однако Ненроа приняла ее слишком близко к сердцу. Напарник у нее был всего один, ну а теперь... Что ж, теперь его нет.

Вероятно, что-то все же отразилось у нее на лице, поскольку Шейн вдруг пошла на попятную.

— Извини. Забудь, я просто проголодалась. Ах да, если интересно, как к тебе попала записка, — вообще-то

я живу по соседству с твоим номером в «Железном фонаре». Потому и нашла тебя так легко. — Шейн схватила бесценную карту, свернула ее и снова припрятала. — Пойду еды себе раздобуду. — Уходила она так поспешно, что едва не запуталась в портьере.

— Я бы порекомендовала другую таверну, — окликнула ее Фи. Во рту еще не прошла оскомина от кислого чая. Есть здесь она бы не рискнула.

Порттьеры с шорохом закрылись, и Фи осталась наедине со своими мыслями. Видимо, у нее снова появится компаньон, хотя она поклялась больше никогда не ступить на эту кривую дорожку. Зато Шейн совершенно не похожа на ее бывшего — теперь уже бывшего во всех смыслах — партнера.

Фи медленно сняла перчатку без пальцев и отложила в сторону. Поднесла руку к трепещущему пламени свечи и в тысячный раз посмотрела на знак Бабочки, выжженный у нее на ладони, — стилизованный бабочка-парусник, чернильно-черная, с длинными хвостиками на остроконечных крыльях, обвивающими запястье и загибающимися назад.

Метка проклятия — подарок от бывшего партнера, которым тот наделил Фи год назад перед тем, как она сбежала из Дарфелла.

Ненроа сжала кулак. Вернулась она только по одной причине: найти способ снять заклятие Бабочки. Фи обыскала множество развалин, рылась в давно забытых томах старых библиотек, однако нигде не нашла ответа. Возможно, и карта Шейн — всего лишь очередной тупик.

Но ведьмы ордена Священной Розы мастерски владели охранными и защитными чарами. Может быть, это шанс начать все с чистого листа и избавиться

от уродливой отметины. За прошедший год Фи сильно изменилась и повторять свои ошибки вовсе не хотела.

Никаких больше напарников. Так куда безопаснее — особенно для ее сердца.

Глава 2 Шейн

Шейн встревоженно приподнялась на постели. Заморгала, пытаясь сбросить остатки сна. Она очнулась в своей комнатушке в «Железном фонаре». Судя по темноте за окном — было или еще слишком поздно, или чересчур рано.

Разбудил ее какой-то шум. Шейн не сумела определить, что это, однако звук раздражал. Она насторожилась. В тех местах, где она обычно останавливалась, было слышно даже, как возятся крысы и снуют по стропилам тараканы, но «Железный фонарь» — более респектабельное заведение, с каменными стенами и толстыми дубовыми дверями.

Тишина звенела в ушах. А потом Шейн услышала скрип шаткой половицы под чьей-то ногой, будто кто-то крался в глубине гостиницы. Может, конечно, ерунда, но... Чертыхнувшись, она отбросила одеяло. Натянула носки, сунула ноги в сапоги, метнулась к двери, но запнулась о собственную поклажу и выругалась себе под нос.

От удара о топорище нога ныла. Шейн подхватила оружие и, прихрамывая, выскочила из номера.

В коридоре без окон царила кромешная тьма. Шейн прижалась к стене, железный обух топора холодил бедро. Дверь Фи была плотно закрыта. Шейн подумала, не разбудить ли напарницу, но если выяснится, что она гонялась по гостинице всего лишь за перепуганным енотом, Фи лучше об этом не знать.

«Железный фонарь» — огромный постоянный двор на окраине Приюта Вороны. Свое название гостиница получила в честь двух больших фонарей, что выселились по обе стороны парадной двери и горели всю ночь. Шейн уже близко подобралась к выходу: сквозь окна в холле лился красноватый свет.

Снова шаги. Звон разбитого стекла. Шейн занесла топор. Кто бы — или что бы — ни разбудил наемницу, он находился в передней.

От стены отделилась тень и бросилась вперед, склонившись в проеме двери, ведущей в холл. Шейн застыла. Потом силуэт склонил голову, и в тусклом свете Шейн разглядела свою новую напарницу. Каштановые волосы Фи рассыпались по плечам, белая ночная сорочка помялась со сна.

Ненроа ее опередила. Зато Шейн додумалась вооружиться. Дотянувшись, она тронула Фи за локоть. Та от неожиданности аж подскочила,бросив на Шейн дикий взгляд. Рассмотрев, кто стоит сзади, Фи облегченно вздохнула, а затем нахмурилась и поднесла палец к губам — будто Шейн так старательно пряталась тут, только чтоб все испортить, заорав: «Вот это встреча!» Она скрчилась рядом с Фи и осторожно выглянула в переднюю.

Фонари озаряли помещение жутковатым светом. Среди теней высилась облаченная в черное фигура с отброшенным за плечи плащом. У его локтя переминался с ноги на ногу лысый коротышка, нервно сжимая

руки. На полу блеснуло стекло — взломщики разбили окно в двери, чтобы отпереть замок. Именно этот звук разбудил Шейн. Она навострила уши, прислушиваясь к резкому шепоту.

— Она точно здесь, та девчонка с топором?

У Шейн скрутило живот.

Коротышка кивнул, в тусклом свете была видна его болезненная, желтоватая кожа.

— Шейн. Не знаю, кто вторая, в шляпе, но я слышал, как они говорили о большом каше.

Тут наемница и узнала доносчика. Этот лысый горбился за барной стойкой в таверне, пока она срывала со стены объявления. Фи нахмурилась, и, хоть не сказала ни слова, Шейн догадалась, что Ненроа осуждает ее за сделанное *во всеуслышание* предложение.

— Найди их. — Человек в плаще повернулся, мрачные глаза над крючковатым носом блеснули, на бледной шее сверкнул амулет с желтым топазом.

Шейн похолодела, увидев длинный зазубренный меч, притороченный к его ремню, железная рукоять тоже была увенчана отвратительными на вид шипами. Наемница выругалась.

Ей была знакома шварль, которая так вооружалась.

— *Охотники на ведьм*, — сказала Шейн напарнице одними губами.

Фи окаменела. Впервые за все время она выглядела встревоженно. И Шейн ее не винила. Когда сама она только появилась в Дарфелле, на охотников за ведьмами ей было плевать. Теперь же, три года спустя, при одной мысли о них у Шейн внутри все переворачивалось.

Среди кладоискателей существовал негласный кодекс: добычу получал тот, кто первый пробрался в развалины.

Но охотники на ведьм считали иначе. Сбившись в стаи, будто шелудивые псы, они рыскали в окрестностях границы, предъявляли права на все магические реликвии и прочие ценности из Ведьминой Шкатулки и не гнушались взять их силой. В своих развеивающихся черных плащах они напоминали Шейн стервятников, которые обчищали руины до последней мелочи, брали что хотели, а остальное зачастую сжигали. Она не представляла, для чего охотникам реликвии, — продают они их, уничтожают или прячут где-то под замком. Зато знала, зачем им эти безобразные мечи — чтобы люди опасались встать у них на пути.

Шейн окончательно проснулась, кровь ее тревожно бурлила, каждый мускул готовился к бою.

— Что делать будем? — прошептала Фи. Она сидела так близко, что Шейн почувствовала на своей шее дыхание напарницы.

Шейн сжала топор. Доносчик уже обнаружил книгу записи постояльцев и с рвением водил пальцем по строчкам. Секунда — и он все узнает.

Шейн схватила Фи за плечо и оттащила от дверного проема.

— Хватай наши вещи, а потом выбирайся через окно на той стороне и жди меня там.

— Зачем? — прошептала Фи и метнула взгляд в холл. — А ты что будешь делать?

— Задержу их.

Филоре хотела было возразить, но посмотрела на Шейн и предпочла промолчать.

— Главное, сама не убейся, — пробормотала Ненроа и улизнула, бесшумно ступая босыми ногами.

Шейн дала напарнице десять секунд форы. Затем поднялась и вышла в проем двери. В мерцающем красном свете блеснуло лезвие ее топора.

— Не меня ищете?

Незваные гости вздрогнули.

— Это она! Наемница! — прошипел доносчик из таверны. Он попятился к двери, не отрывая взгляда от топора.

Отсюда Шейн могла лучше рассмотреть охотника на ведьм.

Грубого вида широкоплечий мужчина оказался примерно на фут выше нее. Он шагнул к ней, бряцнув тяжелыми сапогами. Охотник вытащил меч и плашмя ударил им о ладонь.

— Говорят, ты нашла что-то ценное в Ведьмацких развалинах, малышка. Отдай-ка это.

— Или что? — уставилась на него Шейн, забросив топор на плечо.

Охотник на ведьм ухмыльнулся и покосился на топор.

— Ты хоть обращаться-то с ним умеешь?

Шейн расплылась в улыбке. Он увидел ее и явно недооценил. Так делали все с тех пор, как она впервые взялась за топор, но была слишком мала, чтобы его поднять. Шейн обожала доказывать, как они ошибаются.

— Умею, — кивнула она. — Но ради такого, как ты, и утруждаться не стоит.

В один миг Шейн крутанулась и пнула табурет конторщика в ноги охотнику за ведьмами. Тот свалился на пол и не успел поднять меч, как Шейн уже схватила высокий канделябр и бросила в упавшего. Латунь звякнула о камень, наемница свирепо оскалилась и помчалась обратно, размахивая топором.

Позади отплевывался и ругался, поднимаясь на ноги, охотник. Шейн заскочила в свою комнату, захлопнула дверь и заперла ее.

По коридору загрохотали тяжелые шаги. Охотник уже не скрывался. Как раз в тот миг, когда Шейн распахнула окно, об дверь ударилось тело, намереваясь ее выломать. Наемница выскользнула во тьму и шумно приземлилась в заросли сорняков.

Фи притаилась внизу с поклажей. Увидев свою новую напарницу — все еще в ночной сорочке, но в решительно надвинутой на голову поношенной шляпе, — Шейн едва не засмеялась. Фи окинула ее взглядом.

— Шейн, ты...

— Вперед, вперед, — прошипела та, подталкивая Ненроа в кусты.

Девушки помчались в ночь, и последний звук, что они услышали, был скрип распахнувшейся в пустую комнату двери.

— Думаешь, мы уже оторвались?

Прислонившись к сучковатой сосне, Шейн смотрела, как лесную мглу прорезают первые лучи рассвета, и похрустывала найденным в рюкзаке яблоком. Между визитом нежданных гостей и бегством времени для завтрака не нашлось.

— Похоже на то, — отозвалась Шейн. — Но лучше все равно держаться настороже.

Избежав смертельной опасности в гостинице, они мчались со всех ног, пока, выбившиеся из сил и задыхающиеся, не очутились в предгорьях. Преследователей не было видно, но охотники на ведьм никогда не путешествовали в одиночку. Словно тараканы — видишь одного, значит, где-то поблизости кишат другие.

Шейн бросила взгляд в заросли, в которых скрылась Фи.

— Хотя, если ты будешь переодеваться еще дольше, они нас догонят.

— Поверь, я смогу бежать куда быстрее, если моя ночнушка не будет цепляться за каждый сучок отсюда и до Ведьминой Шкатулки.

— Спала бы в одежде, и проблемы бы не было, — хохотнула Шейн.

— Звучит так, будто ты миллион раз выпрыгивала из окна среди ночи. Не хотелось бы обзаводиться подобными привычками.

Шейн предпочла не возражать.

Фи появилась из кустов полностью одетой. Голубая рубашка, коричневая куртка, волосы забраны в хвост. Шейн оценивающе посмотрела на свою напарницу. Фи была довольно привлекательна — карие глаза с прозеленью, загорелая кожа, — но не во вкусе Шейн. Та предпочитала женственных девушек, а не начитанных всезнаек, особенно выше нее ростом.

Среди кладоискателей Фи слыла одной из лучших, в основном потому, что изучила все существующие книги о павшем королевстве Андар. Но кроме этого, у Ненроа имелся какой-то знаменитый бывший, с которым она разругалась не на жизнь, а на смерть. Ходили слухи, мол, вражда так разгорелась, что Фи бросила поиски сокровищ и уехала из страны. Шейн знала: в такое лучше не встречать.

Пока Ненроа убирала вещи в мешок, Шейн достала карту. Наемница хмуро посмотрела на сложенный пергамент — роз не было видно, и это раздражало.

— Подержи. Зажгу факел, нужно понять, куда идти. Вечно эти ведьмы все усложняют...

— Не стоит, — сказала Фи, достала из кармана кусок бумаги и развернула его. Шейн увидела, что поверх собственной карты Ненроа набросала выющиеся ветви роз, а на месте бутона нарисовала кружок.

— Ты скопировала мою карту! — накинулась с обвинениями Шейн. Она сама не ожидала, что будет так раздосадована. Фи всего лишь пару минут видела оригинал.

— У меня хорошая память, — пожала плечами напарница.

— Да уж, довольно хорошая, чтобы увести добычу прямо у меня из-под носа! — проворчала Шейн.

Фи не обратила на нее внимания. Достав компас, она склонилась над картой, покрутила прибор несколько раз и наконец удовлетворилась результатом.

— Нам туда! — заявила Фи и, не дожидаясь Шейн, зашагала вперед.

Развалины находились вроде бы совсем близко, но идти все же пришлось почти целый день. Невысокие холмы сменились горами, Шейн карабкалась за напарницей по узкому серпантину, вырубленному прямо в скале. На склонах шумели кедры и пахло серебристо-зеленым шалфеем. Судя по тому, что успела увидеть Шейн, королевство Дарфелл состояло сплошь из одних гор. Казалось, ты то взбираешься на холм, то скатываешься с него. Небо было ясным, солнце палило, обжигая светлую кожу северянки.

В такие минуты она скучала по мглистым островам Несокрушимых с их звенящими водопадами, изумрудными лесами и бурными волнами, что бьются о скалистые берега. Родное королевство Шейн — цепочка островов туманного архипелага, каждый остров был приютом для одного из восьми кланов, которым правил Военный вождь.

Сейчас как раз наступил сезон дождей, и остров Рокриммон сверкал от серебристых капель, усыпавших листву. Шейн представила, как ее бабушка сидит на кольце поросших мхом валунов на поляне у болота

и хриплым голосом поет «О, быстрые воды» — народную балладу о духе утонувшей девушки, что стала хранительницей ивой рощи.

У Шейн и ее брата это была любимая песня. В детстве они, держась за руки, подначивали друг друга заглянуть в водную гладь в надежде увидеть привидение. Но там отражались только они сами: близнецы, которых отличали лишь по длинным нечесанным волосам Шейн.

«Моя маленькая одичавшая воительница», — называла ее бабушка. Шейн с рождения так спешила покорить мир, что опередила брата на три с половиной минуты. Но вместе со сладостными воспоминаниями всплыло и то, что она предпочла бы забыть. Ожесточенные драки. Нарушенные обещания. Годы, когда она наблюдала, как брат становится отстраненным и холодным. Ее положение первенца, что вбило между ними клин. Все причины, по которым Шейн навсегда покинула семью и острова Несокрушимых.

Она была не просто воительницей с севера, как позволяла всем думать. Шейн была дочерью Военного вождя, правителя острова Рокриммон, и наследницей его трона. Три с половиной минуты подарили ей право первородства, которого она никогда не хотела.

— Кажется, можем срезать путь здесь. — Голос Фи прервал раздумья Шейн.

Она отмахнулась от давешних мыслей и зашагала вслед за напарницей к колючим зарослям можжевельника.

В теории идея срезать путь Шейн понравилась. На практике же выяснилось, что это означает прорваться через туннель из колючек, которые вцепились в нее, будто в долгожданную жертву. К тому времени, когда она выбралась с противоположной стороны,

Шейн, похоже, успела познакомиться со всей ползающей фауной королевства.

Она поднялась на ноги. Фи стояла и глазела на отвесную скалу. Впереди возвышался утес, сосновый лес полнился густыми тенями. Выглядело все это тревожно — будто тупик.

— Это оно? — спросила Шейн.

— Это та точка на карте, — уклончиво ответила Фи.

Шейн огляделась.

— Не вижу никаких роз.

Вообще-то она не видела ничего. Ни развалин крепости. Ни таинственных статуй. Старые карты порой бывали ненадежны, но если кто-то приложил столько усилий, чтобы спрятать всего лишь излюбленное мечтчко для пикника королевских ведьм, Шейн бы ужаснулась!

— Среди роз... — рассеянно пробормотала Фи и резко подняла голову. — Розы растут на солнце. Нужно забраться выше!

— Это я могу. — Шейн пошла вдоль скалы, изучая трещины и выступы, чтобы подыскать опору для рук. Увидев странный знак, она прищурилась. — Эй! Взгляни-ка.

Шейн счистила корку желтого лишайника, под ней показалась высеченная на камне схематичная розетка, а потом еще одна и еще. Цепочка роз указывала путь к вершине скалы.

Они начали карабкаться вверх, и в груди Шейн забурлило волнение. Наконец она ощутила его — воссторг от покорения развалин, каждые из которых опасны и непредсказуемы. Из-за него в первую очередь она и решила стать кладоискательницей. К тому же Шейн нравилось получать вознаграждение — уж она, как

человек, который явился в Дарфелл с пустыми руками, знала цену деньгам.

Но риск — когда не знаешь, чего ожидать, и ради выигрыша целиком полагаешься на свои навыки — был смыслом ее жизни.

Шейн первой достигла вершины и обернулась посмотреть на напарницу. Фи отступилась, нога скользнула, но Шейн не дала ей упасть и втащила на плато.

Филоре искоса взглянула на нее.

— А ты сильнее, чем кажется, — неохотно сказала она.

Вероятно, это самый большой комплимент, на который была способна Ненроа.

Шейн запрокинула голову.

— Похоже, нам удалось!

Впереди высился замок, построенный прямо на скале, с видом на сверкающее озеро. Каменные стены сплошь заросли плющом и дикими розами — Шейн легко прошла бы мимо.

Издалека замок был неотличим от скальных выступов. Определенно, такое могла придумать ведьма, они грешили скрытностью — неудивительно, что замкнутая Фи, сама ревностно оберегавшая свои тайны, легко находила ответы на их загадки.

Шейн почудилось, будто она рассмотрела даже башню, которая когда-то вздымалась над громадой дворца, но давно обрушилась. Казалось, добрый порыв ветра легко снесет все сооружение.

Фи направилась ко входу, и Шейн поспешила за ней. Она помогла напарнице очистить стену от зарослей роз и плюща, под которыми скрывалась деревянная дверь, вся покореженная и почерневшая от гнили. Створка скособочилась под странным углом. Над ней тускло поблескивало пыльное полукруглое оконце.

Фи с кусочком угля склонилась над своим блокнотом, перерисовывая замысловатые знаки, вырезанные на двери. Они очень походили на обозначения на карте.

Шейн заглянула напарнице за плечо и увидела, что страница блокнота сплошь до самых полей исписана такими же древними символами.

— Снова закорючки Священной Розы? И что они значат?

Фи зачарованно водила пальцем по резьбе.

— Подожди минутку...

— Может, просто взять и попробовать открыть дверь? — предложила Шейн и толкнула вычурную железную ручку.

Удивительно, но створка скрипнула на ржавых петлях и распахнулась внутрь.

Фи возмущенно вскрикнула. Она быстро встала и отряхнулась.

— Там было написано «Капля крови, капля надежды», — сердито пробормотала Ненроа и убрала блокнот в мешок.

— А теперь даже лучше — проход открыт!

Надпись довольно зловещая, да еще на двери обители ведьмы, но Шейн видела и похуже.

Фи бросила на нее взгляд.

— Готова?

— С рождения готова, — отозвалась наемница, а потом они обе нырнули в дверной проем.

Они прошли лишь несколько шагов, и Фи вдруг встала как вкопанная. Шейн хотела высказаться о *невоспитанных напарницах, которые не дают прохода*, но, увидев обстановку замка, проявившуюся во мраке, умолкла.

Через проем сзади лился солнечный свет, бросая тени вошедших на каменный пол мрачного холла.

На ржавой цепи медленно вращалась хрустальная люстра.

Бросив на нее взгляд еще раз, Шейн рассмотрела, что кристаллы сделаны в форме роз, а железное кольцо напоминает клубок шипов. Красивая люстра, не будь она еще оплещена толстым слоем паутины с дохлыми мухами.

— Уютно-то как, — пробормотала Шейн.

Фи переступала через разбросанные по полу, будто кости, куски гнилого дерева. Она раздвинула завесу паутины, что затянула зев коридора, и остановилась стряхнуть с плеча мохнатого паука.

У Шейн внутри все перевернулось. Пришлось напомнить себе, что рубить пауков топором несподручно, лучше затоптать каблуком. И все же она с радостью пропустила Фи вперед.

— Итак, как считаешь, куда мы попали? — спросила наемница.

— Точно не знаю... — Фи погладила орнамент в виде розы, высеченный на стене. — Замок простоял много веков, но у меня такое чувство, будто кто-то побывал здесь совсем недавно.

Шейн настороженно замолчала. Если кто-то *недавно* здесь побывал, в тени могла затаиться угроза. Неужели охотники на ведьм нашли замок без карты? Или еще хуже — опередили их с Фи? Шейн прищурилась, вглядываясь в мрачный коридор. Под тяжестью строения стены покосились, и из щелей меж камнями веяло затхлостью. Наверное, это гнила в трещинах плесень.

— «Недавно» — это сколько? — прошептала Шейн.

Фи вытерла пыльные руки об штаны.

— Надписи на двери определенно меньше ста лет, — почти воодушевленно заявила она. — Значит, кто-то побывал здесь уже после падения Андара.

— Именно это я и называю «недавно», — ехидно пробормотала Шейн.

Никто не просидит в засаде столетие. Она подавила желание пнуть Фи каблуком в затылок. «Это только работа», — напомнила себе Шейн. Потом каждая пойдет своим путем, просто станет богаче. Она представила, как стоит, утопая по пояс в груде золота, и вертит на пальце усыпанную драгоценными каменьями корону.

Казалось, единственный путь вперед — дверь в стене. Шейн нахмурилась. Она не выносила, когда ее водили за нос, как крысу в лабиринте. Словно в насмешку по паутине скользнул мерзкого вида паук, мелькнули членистые лапы, и он скрылся под дверью.

Фи достала платок и смахнула паутину с ручки. Толкнула дверь и осторожно прокрались в помещение. Комната оказалась узкой, стены конусом сходились к потолку, и чудилось, что они вот-вот обрушатся на вошедших. Внутри царил все тот же полумрак. На одной стене располагались шесть маленьких окон в форме полумесяца, благодаря им повсюду разливались странные сумерки.

Шейн поразилась: *если уж ты потрудился прорубить окна, почему бы не сделать их побольше, чтобы они давали достаточно света?*

Дверь со щелчком закрылась, и Шейн от неожиданности вжалась голову в плечи. Из мебели в комнате был лишь один предмет: небольшой каменный постамент, на котором возвышались четыре статуи, каждая высотой с руку Шейн.

В дальней стене помещения скрывалась еще одна перекошенная дверь.

— Я ее проверю, — заявила Фи.

— Отлично. А я займусь жуткими болванчиками, — пробормотала Шейн, подходя к столу.

Вблизи стало видно, что статуи изображали одинаковые фигуры в длинных мантиях с низко надвинутыми на голову капюшонами, скрывающими черты. У каждой в протянутой ладони лежал сверкающий ключ.

— Заперто, — констатировала Фи, покрутив ручку.

— Не переживай. У одной из этих статуй есть ключ. — Шейн нахмурилась и принялась их разглядывать.

Если один из ключей подходит, то другие — точно нет! Наемнице не хотелось выяснять, какие жуткие ловушки расставил орден Священной Розы.

Шейн тронула пальцем каменную руку, стирая грязный слой пыли, чтобы лучше рассмотреть первый ключ. Но стоило коснуться прохладного металла, как ключ выскоцил из углубления в руке статуи и со звоном ударился о подножие. Шум тут же утонул в оглушительном стоне древних механизмов, оживших за стенами. Комнату тряхнуло, Шейн схватилась за постамент. С потолка, лязгнув о камень, обрушились железные решетки.

Фи стояла у стены, осматривая дверь, и едва успела отскочить — решетки упали как раз там, где была она. От удара брызгами разлетелись каменные осколки.

Теперь все стены были отрезаны — открытым осталось лишь место возле перекошенной двери.

— Фи! — окликнула Шейн, против собственной воли переживая за напарницу.

Та, тяжело дыша, поднялась на ноги и наградила северянку злобным взглядом.

— Следи за тем, что делаешь! — рявкнула Ненроа.

Шейн нервно рассмеялась.

— Кажется, ключик не подходит.

— Шутишь, что ли? — Фи наклонилась, подняла упавший ключ и потрясла им перед носом Шейн: — Зачем ты его вытащила?

Нет, это просто несправедливо!

— Я его не вытаскивала. Я к нему едва притронулась.

— Тогда лучше вообще ничего не трогай, — раздраженно посоветовала Фи.

Вряд ли Шейн это заслужила. Она славилась вспыльчивым нравом, а не тупостью.

— Да пожалуйста, — пробурчала она. — Уж сделай одолжение, научи, как выбрать одну из четырех одинаковых статуй.

Фи не уловила сарказма, она не отрывала взгляда от вычурного бронзового ключа. Покрутив его в руках, она повернулась к постаменту; загадка комнаты ее явно увлекла. Шейн не представляла, что именно ищет Фи. Та осмотрела статуи под разными углами, заглянула под капюшоны и даже достала свой испачканный паутиной платок и протерла каменное основание. «Возможно, это какая-то изощренная месть», — подумала Шейн, когда Фи заставила поднять ее повыше, чтобы взглянуть на крошечные окна, и каблук ботинка безжалостно впился наемнице в спину.

Теперь же Фи стояла посреди комнаты, закрыв глаза и рассеянно поглаживая мочку уха. Классический вид «Я думаю». Шейн же предпочитала вид «Меня озарило».

Она нетерпеливо постучала ногой по полу.

— Можно просто угадать, — предложила Шейн. — Шансы — один из трех. А я чертовски везучая.

— Я не собираюсь доверять свою жизнь твоему везению, — фыркнула Фи.

Шейн хотела сказать, что напарница преувеличивает, но, скорее всего, та была права. Подобные ловушки могли расправиться с вами сотней разных способов. Дверь заперта, комнату в любой миг засыпает песком или затопит водой, пол развернется и сбросит узниц в яму с пиками, а то и еще что-нибудь похуже.

С другой стороны, тут того и гляди помрешь от скучки, пока Фи примет решение!

— Ну так что? — настойчиво напомнила о себе Шейн.

— Тсс, я думаю, — отозвалась Фи, зажмурившись. — Андар славился могущественными ведьмами. Наверное, статуи изображают их. Четыре статуи, четыре ведьмы.

— Пропустим урок истории, — отрезала Шейн. — Справа, слева или посередине?

— …Великие ведьмы служили последней королевской семье Андара, — торопливо продолжила Фи, отлично понимая, что терпение наемницы на исходе. — У дворца стояли гигантские статуи, они смотрели сверху вниз на главную площадь, а люди на них соответственно — снизу вверх! — воскликнула она. Тот самый знак, которого ждала Шейн. Фи принялась рыться в кармане, возбужденно приказав: — Доставай факел!

— Раскомандовалась, — проворчала северянка, довольно ухмыляясь.

Ведь какой смысл ввязываться в партнерство с такой, как Фи, если не собираешься ее слушаться?

Когда Шейн отыскала в набитом битком рюкзаке факел, Ненроа достала трут и кремень. Расправив тяжелую парусину, в которую был обернут светильник, Шейн увидела железную палку, обмотанную с одного

конца промасленной и просмоленной тряпкой, чтобы огонь разгорался быстрее. От резкого запаха заслезились глаза. Фи с привычной легкостью высекла искру — и тряпка занялась.

— И что мне нужно сделать? — не успела Шейн спросить, как Фи выхватила факел и повернулась к статуям.

Когда одолевает такое любопытство — не до обид, поэтому наемница пошла следом. Фи поднесла огонь к первой статуе, той, у которой уже не было ключа. Из тьмы под капюшоном показалось лицо.

Шейн с шипением втянула воздух сквозь зубы. Жуткие черты изваяния исказила чудовищная грифина, каменные глаза будто воззрились прямо на нее. Шейн безотчетно ущипнула складку кожи между большим и указательным пальцем, как учила бабушка на случай, если встретишь одного из бродячих духов островных туманов. Говорят, те наводят морок, чтобы заманить заблудившихся путников к скалистым утесам. Шейн не верила в их существование, но привычку переняла. Боль приводит тебя в чувство как ничто иное.

Фи выразительно на нее посмотрела.

— Это не магия, — сказала она. — Просто такая конструкция. — Ненроа сунула факел под капюшон второй фигуре. Показалась еще одна омерзительная физиономия с оскаленными зубами. — Это копии гигантских статуй из дворца Андара. Рассмотреть лица можно только снизу.

— Ненавижу ловушки, где условие выхода — знание истории, — пробурчала Шейн. Каменные глаза, которые будто следили за ней, очень ее тревожили.

— Нет же, — покачала головой Фи, — здесь кругом подсказки.

— Ну конечно, я просто преувеличиваю, — кивнула Шейн, многозначительно обводя взглядом пустую комнату.

Фи досадливо вздохнула.

— Окна высоко и в глубине стены, поэтому света мало, скульптуры не разглядеть, и все же не настолько темно, нет нужды зажигать факелы. И еще — когда ты привела в действие первую ловушку, вся комната сотряслась, однако статуи не шелохнулись. Они прикреплены намертво, их нельзя поднять. — Фи пожала плечами. — К тому же постамент...

Шейн не верила своим ушам.

— Постамент? — повторила она, а Фи поднесла факел к капюшону третьей статуи.

— Да, — пробормотала Ненроа, почти не обращая на напарницу внимания.

Пламя озарило женский лик, гладкий и безмятежный, ресницы опущены, взгляд устремлен на ключ в протянутых руках.

— Отполированный камень отражает свет, чтоб тот падал на лица статуй.

Это произвело на Шейн впечатление, и она присвистнула. За несколько лет северянка сменила множество напарниц, но впервые ей показалось, что они и правда подходят друг другу.

— Ага. Нюансы старых ловушек просто потрясающие, — согласилась Фи, совершенно не догадываясь, что же произвело на ее напарницу такое впечатление.

Шейн качнула головой.

— Теперь можно взять ключ?

Фи моргнула, словно совершенно забыла, что они делают и зачем. Для верности она провела факелом под капюшоном четвертой статуи — показался краешек демонической усмешки.

— Кажется, нашелся победитель, — согласилась Фи, кивая на третью фигуру.

Рассуждала она вполне здраво, а по мнению Шейн, так и вовсе безупречно. И все же, когда пришла пора взять ключ из рук статуи, северянка затаила дыхание. От легчайшего прикосновения железные зубцы сразу высвободились, но на сей раз шестеренки ловушки не лязгнули. Шейн облегченно выдохнула. Может, худшее осталось позади...

Предстояло еще повернуть ключ в ржавом замке, но когда она вставила его в скважину, он легко поддался. Услышав щелчок, Шейн осторожно надавила на ручку, однако от времени и сырости дверь перекосилась и застряла в раме. Наемница снова толкнула створку. Не повезло.

— Поможешь? — бросила она через плечо.

Фи встала рядом, и они поднажали вдвоем.

Створка с громким треском распахнулась, и кладоискательницы ввалились в следующую комнату. Кованная дверь же захлопнулась позади, оставив их в темноте.

Фи выронила факел, и он покатился по полу. В мечущихся тенях Шейн заметила проблеск натянутой через всю комнату проволоки — как раз в тот миг, когда Фи запнулась об нее и они рухнули на пол.

«Растяжка!» — догадалась Шейн. Напарница запустила ловушку.

Глава 3

Фи

Фи вскрикнула, тяжело ударившись о каменный пол. Опомнилась она с трудом, от темноты и запаха гнили и плесени кружилась голова.

— Растижка! Растижка! — придавившая ее Шейн вопила прямо ей в ухо.

Фи буквально чувствовала, как по телу в нескольких местах наливаются синяки.

Растижка?

Выпутавшись из ремней рюкзака, Филоре лихорадочно провела рукой по полу. В красных отблесках факела ничего невозможного было рассмотреть.

Когда дверь распахнулась, Фи в суматохе успела окинуть помещение взглядом: комнату заполняли деревянные стулья с обгрызенными ножками, груда скшившихся корзин, сломанный ткацкий станок, а у стены — прядлка. Швейная мастерская? Похоже, если кто-то и собирался устроить здесь ловушку, она должна быть в дверном проеме.

— Я не могу нашупать никакую *растяжку*, — проговорила Фи.

— Ты уже ее сорвала! — рявкнула Шейн, тоже отбрасывая рюкзак.

— Тогда почему ты мне не сказала? Твои крики меня только запутали, — недоуменно заморгала Фи.

— Мы сейчас спорить будем? — огрызнулась Шейн.

Фи с трудом поднялась на ноги. Она насторожилась и услышала странный щелчок, а за ним шипение и пронзивший тьму выстрел. Внезапно ее обхватила Шейн и повалила на пол.

Бац! Что-то острое ударило о стену сзади.

— Что это было? — Фи пригнула голову.

Стреляют из лука или арбалета! — предупредила Шейн, и следующая стрела просвистела у них над головами.

Фи заставила себя сосредоточиться, пытаясь по свисту угадать, откуда идет стрельба.

Краем зрения она уловила металлический блеск: короткая железная стрела мелькнула в свете факела и скрылась во тьме. Они вылетают откуда-то из стены.

— Похоже, их растяжка запустила. Если бы мы стояли, наверное, были бы уже все в дырочку. Повезло, что ты уронила нас прямо на пороге.

— Я не... ой, знаешь, плевать! — Шейн поползла вперед. — Если мы тут в безопасности, может, стоит выждать?

Только она это сказала, как рядом вновь просвистела стрела и вонзилась где-то неподалеку. У Фи по коже разбежались мурашки.

— Безопасность лишь относительная, — пробормотала она. — Стрелы летят отовсюду.

— Тут еще одна проблема! — охнула Шейн.

Упавший факел подкатился к остаткам плетеной корзины — и та загорелась. Пламя лизнуло опрокинутый стул, температура стала накаляться.

— Дай подумать, — прошипела Фи. Стрела впилась в пол рядом с ее локтем.

Шейн выругалась и отползла.

— Сколько угодно, напарница!

Фи сосредоточилась и принялась напряженно размышлять. Она слышала алчный треск пламени, свист стрел, тяжелое дыхание Шейн... и за этим всем — странное щелканье. Для стен звук был слишком громким и раздавался явно где-то в комнате.

Щелк-щелк-щелк — будто вращалось колесо.

И тут она поняла, что удивило ее, когда они ввалились в мастерскую. Вся мебель была старым обветшальным хламом, а прядка — совершенно новой. И вряд ли из дерева. Упав, они сорвали проволоку, та привела в движение колесо, а оно соединено со стрелами. *Каким-то образом.* Ладно, это можно выяснить и позже.

— Приготовься по моей команде...

Фи поднялась на колени и быстро сняла и размотала веревку с пояса. Старый шнур на ощупь был гладким и мягким. Правой рукой она взялась за кольцо на одном конце. Возле уха просвистела стрела.

В мгновение ока Фи вскочила на ноги, раскручивая тяжелое лассо. Она запустила веревку туда, где должна была стоять прядка, — если Филоре правильно запомнила. С привычной легкостью кольцо полетело вперед, а потом Фи услышала отчетливый звон металла о металле. В темноте она едва различила, что веревка зацепилась за спицы колеса. Прядка резко остановилась.

От облегчения сердце Фи забилось быстрее. Она была права — колесо оказалось связано с механизмами в стене (и уже натягивало лассо, пытаясь высвободиться). Филоре обмотала веревку вокруг запястья. Ослабь она ее хоть на секунду — стрелы полетят снова. Но что самое плохое — дым начал обжигать горло, грозя удушьем.

— Давай, Шейн, открай окно! — Фи подняла напарницу за плащ и толкнула к слабой полоске света, что проникал из щели окна в наружной стене. Не будь ставни такими ветхими, Фи ничего бы не заметила.

Шейн вскрикнула, запнувшись о сломанный ткацкий станок.

Внезапно Фи окутал столб дыма, и она начала задыхаться. Пламя перескакивало с одной старой корзины на другую, и вскоре Ненроа оказалась в горящем кольце. Продолжая тянуть веревку, она бросилась к растущему огню и принялась отбрасывать от факела деревяшки. Щелкнуло колесо. Мимо просвистела стрела, задев рукав Фи.

— Шейн! — в отчаянии крикнула она.

— Да знаю я, знаю! — послышался в ответ сердитый голос. — Проклятая защелка застряла...

Фи натягивала веревку, а колесо упрямо тащило ее к себе.

— Ладно, сейчас я его разрублю! — завопила Шейн.

Свист в воздухе. Фи пригнулась. Стрела впилась в горящую корзину, в жадном пламени сверкнул металл.

Филоре буквально разрывалась. Если отпустить лассо и попытаться спрятаться, Шейн останется беззащитной. Поэтому Фи крепче обернула веревку вокруг запястья, стиснула зубы и потащила лассо к себе двумя руками. И на этот раз, когда веревка натянулась, Фи всем весом повисла на ней, чтобы остановить механизм.

— Вот тебе!

Крик Шейн раздался за секунду до того, как топор врезался в ставни и с ужасным треском расколол дерево. В комнату ворвались лучи солнца и озарили

полное решимости лицо Шейн. Она второй раз взмахнула топором — створки упали на пол.

Наконец Фи удалось разглядеть, с чем они имеют дело. Лассо запуталось в спицах прялки. Из центра ее колеса в отверстие в стене уходил металлический прут — несомненно, он-то и приводил механизм в действие при каждом обороте. Стены в комнате были испещрены дырочками, откуда торчали кончики железных стрел.

Веревка обжигала кожу Фи. Долго не продержаться! Взгляд ее упал на железную рукоятку факела. Упершись ногами в пол и удерживая лассо одной рукой, другой Фи попыталась дотянуться до факела. Она напряглась изо всех сил, мускулы спины и плеч разрывались от боли. Но удалось лишь коснуться рукоятки кончиками пальцев.

Вдруг прялка повернулась, и Фи тут же встала.

Две стрелы полетели в Шейн и вонзились в расколовое дерево над головой наемницы. Теперь Фи была еще дальше от факела, а пламя тем временем разгоралось. Решение она приняла быстро.

— Шейн, пригнись! — предупредила Ненроа и отпустила веревку.

Освободившееся колесо прялки крутанулось, выпустив лавину стрел. Фи нырнула вперед. Обмотав рукавом куртки кисть, она схватила факел, и ладонь обдало жаром сквозь толстую ткань. Фи помчалась к колесу и воткнула факел в зазор между спицами и железным штырем, заклинив механизм навеки.

Над головой просвистела последняя стрела, она пролетела через всю комнату и вонзилась в рюкзак Фи, который и без того напоминал игольницу.

Ненроа с облегчением опустилась на пол. Шейн пыталась выпутаться из развалин ткацкого станка. Без

подпитывающего пламя промасленного факела огонь быстро прогорел и угас в остатках корзин и заплесневелых деревяшек.

Фи с наслаждением опустилась ушибленной спиной на каменный пол, растянулась на нем и вдруг с удивлением нашупала серебряные пяльцы. Она с любопытством подняла их. Пяльцы оказались крошечные, меньше ее кулака.

— Знаешь, — рассеянно сказала она, глядя в кольцо, — а ведь орден Священной Розы славился не только магией, но и шитьем. Среди их реликвий много прекрасно сотканых gobelenov.

— Серьезно? — возмутилась Шейн, которая тушила последние очаги пламени. — Нас чуть не прикончила старая заплесневелая прялка, а ты хочешь поболтать о рукоделии?

Фи села.

— Прялка вовсе не заплесневелая, — смутилась она. — Вообще-то железная. Вот почему я...

Шейн подняла руку.

— Забудем. Я просто хочу убедиться, что больше нам ничего не грозит. — Наемница пробиралась вглубь комнаты, отшвыривая с дороги сломанные стулья, будто те нанесли ей личное оскорбление.

Фи покручивала пяльцы, сопротивляясь желанию рассказать северянке о тонкостях этого ремесла.

Ведьмы ордена Священной Розы были знамениты своими связующими чарами, и многие из них умели вплетать заклинания в вышивку — во что угодно, от изысканных одеяний и gobelenov до небольших медальонов на удачу.

Вплетенные в ткани или в вышитые завитки стеблей и розы часто представляли собой мощные заклинания, замаскированные под украшения. Интересно, какие

чары вышили на этих серебряных пяльцах — их размера хватит, чтобы сделать узор на кармане или носовом платке.

Отложив пяльцы, Фи поднялась и стала распутывать веревку, которая намоталась на прядлку. Она все еще пыталась вытащить кольцо из тугого узла, когда сзади послышался взбудораженный крик Шейн.

— Фи, иди сюда, посмотри скорее!

— Сейчас, — отозвалась она, натягивая веревку.

— Ты должна взглянуть немедленно.

— А это не может... — Тут веревка внезапно освободилась, и Фи плюхнулась посреди комнаты на задницу.

«Как изящно!» — выбранилась она про себя, надеясь, что щеки у нее не пылают столь же жарко, как тлеющие корзины.

К счастью, Шейн ничего не заметила. Когда Фи подняла голову, напарница дергала изъеденную молью портьеру, за которой скрывалась кладка из желтого камня.

Вся стена была испещрена письменами — строчка за строчкой ее покрывали руны, начертанные изящным почерком ведьм ордена. Когда лучи заката падали на завитушки рун, они светились розовым. Фи изумленно уставилась на стену, забыв о смущении. Шейн дергала портьеры, и наконец те оторвались и упали на пол.

Ненроа обмотала лассо вокруг руки, закрепив кольцо под веревкой, и подошла к стене.

— Скажи, что это не самая длинная загадка в мире, — протянула северянка.

— Нет, — выдохнула Фи, водя взглядом по строчкам. — Это похоже на отрывок из книги. «Когда принцу исполнилось шестнадцать лет, все королевство пришло в отчаяние, ибо даже Великие ведьмы при всей

своей власти были не в силах его спасти». — Фи замолчала. Она знала эту историю и могла бы рассказать ее наизусть. — Это легенда о Шиповнике, спящем принце. Или только ее окончание.

Оставался лишь один вопрос: зачем она здесь, в заброшенном замке, на стене? Это какое-то испытание? Или послание?

Шейн снова начала ворчать об уроках истории, но Фи, не обратив на нее внимания, присела на корточки, чтобы прочесть последнюю строчку.

— «Ради безопасности принца заперли в замке. Но все оказалось напрасным. Принц Шиповник уколовся о колючку в своем розарии... — Что-то здесь было не так, но Фи пока не стала задумываться и прочла до конца. — Он уснул зачарованным сном в ожидании поцелуя, который его разбудит». — Фи нахмурилась, опираясь о колени. — Кажется, тут чего-то не хватает.

— Ага, — кивнула Шейн. — Рассказа о том, как перед бегством из королевства невероятно богатая ведьма спрятала здесь все свои сокровища, чтобы мы их отыскали.

— Нет, — поморщилась Фи. Ее тревожило что-то другое — что-то связанное с принцем Шиповником.

И тут краем глаза она заметила прялку. *Вот в чем дело!* Впервые историю принца Шиповника Фи услышала в детстве, когда была совсем маленькой. В тот вечер она подергала маму за ночную сорочку и спросила: «Что такое веретено?» Мать показала картинку — принц в своем саду тянется к какому-то предмету, похожему на сверкающий белый клинок, спрятанный среди роз, — и пояснила: «С помощью веретена прядут в нитки лен и шерсть. Выглядит оно как длинный стержень, на который наматывают

пряжу. Но в руках злой ведьмы веретено было грозным оружием».

— Вот что неправильно, — сказала Фи, указывая на строчки. — Шиповник проткнул палец не колючкой, а веретеном.

Ненроа пощупала слова, и те впитались в камень, будто песчинки. Она ахнула и отдернула руку, потом нерешительно прижала ее к другой строчке. Та осталась невредима, вырезанные бороздки букв не шелохнулись под прикосновением. Шейн стукнула по стене кулаком с тем же результатом.

Фи посмотрела вниз, где исчезало затейливо выписанное слово «колючку». Она помедлила немногол, а потом смахнула оставшиеся буквы. Те рассыпались, лишь несколько сверкающих песчинок упало на пол. Фи и Шейн обменялись ошеломленными взглядами.

— Это же настоящая магия? — спросила наемница, снова щипая кожу на руке.

На сей раз Фи не стала ее за это укорять. Она и сама едва верила глазам.

— Кажется, да, — прошептала Ненроа.

Настоящая магия в заброшенных замках встречалась крайне редко. Немногие чары могли пережить своих создателей, вот почему ловушки в Ведьминой Шкатулке были механическими, а не волшебными. В древности некоторые могущественные колдуны умели наделять магией предметы — те самые вожделенные магические реликвии, — но их осталось крайне мало.

Место, откуда Фи смахнула слова, было мягким, точно песок, и будто чего-то ждало.

— Возможно, следует заполнить пропуск? — предположила Шейн.

Фи подняла палец, осторожно прижала кончик к песку. Свободной рукой оперлась о стену и застыла, уставившись на свою перчатку. Она и правда решится? Ей уже приходилось сталкиваться с могущественными чарами.

Даже сквозь перчатку Фи ощущала предупреждающее покалывание бабочки на кисти.

— Что с тобой? — спросила Шейн. — Забыла, как пишется? Как по мне, эти закорючки смахивают на бред.

Фи подавила желание поспорить — ей-то язык Священной Розы не казался *бредовым*. Сердце колотилось о ребра точно молоток, но в глубине души она знала, как сильно пожалеет, если сейчас отступится, если не выяснит, что спрятано за той стеной и что оберегали там ведьмы ордена.

Фи закончила выписывать длинные петлеобразные символы, обозначающие «веретено», и отступила на шаг, рассматривая получившееся. На миг ей показалось, словно буквы затвердели, превращаясь в гравировку на камне, как и все остальное. А затем послание задрожало, превратилось в песок и ливнем осыпалось на пол. И упали не только буквы...

Отшатнувшись, Фи наткнулась на Шейн. Стена растворялась, прямо на глазах превращаясь в золотистую пыль. Сверкающее облако повисло в воздухе, а когда осело, то стены уже не было, на ее месте появился проход в комнату, залитую закатным светом.

Кладоискательницы ступили в проем, и им показалось, будто они попали в совершенно другой замок. Отсюда открывался вид на озеро и долину, пейзаж обрамляли резные арки желтого камня, которые вели на полуразрушенный балкон. Перила — ряд витых бронзовых роз — сильно потускнели; Фи заметила

по меньшей мере одно место, где деревянные половицы полностью выпали. В провал виднелась озерная гладь.

Фи сделала зарубку на память: смотреть, куда идешь. Она могла лишь представить, как прекрасен был замок всего сто лет назад, пока не сбежали последние ведьмы. Его построили так, что он простоял бы еще тысячу, если бы за ним ухаживали.

В вечернем свете парящие пылинки от разрушенных чар горели, словно крупицы золота, и озаряли полки, что тянулись от стены до стены. Они были уставлены безделушками, которые кто-то здесь спрятал: старые флаконы цветного стекла, изящные фарфоровые чашки, вручную расписанные пышными розами, рулоны дорогих тканей — бордовые и кобальтово-синие, фирменный знак производителей шелка из южного Андара. Последний раз столь тонкую работу Фи видела в антикварных лавочках Писарра. Дарфелл был богат рудой, деревом, вином и на экспорт в основном поставлял сырье. Все эти вещички должны быть из Андара. Полки прогибались под тяжестью древних книг с плотными тканевыми закладками в пожелтевших страницах.

— Ну, это куда больше похоже на сокровища!

Фи взглянула на Шейн, которая направилась к самому ценному. В дальнем углу притаился потертый сундук, заваленный золотыми цепями и драгоценностями. На голове напарницы уже красовалась надетая набекрень серебряная корона с розовыми бриллиантами. Фи вздохнула. В этом смысле Шейн была просто олицетворением всех кладоискателей.

Ненроа как раз обходила дыру в скрипучих половицах, направляясь к книгам, когда вдруг заметила тесный альков в стене возле балкона. Там виднелся невысокий длинный стол с наброшенной на него черной тканью.

В центре лежало нечто, похожее на осколки белого мрамора. «Нет, — поняла Фи, подходя ближе, — это кость».

Она уставилась на обломки костяного веретена, гладкие и белоснежные, словно только что отполированные. Филоре не могла оторвать от них взгляда. На острие краснели пятна, и Фи задумалась: а вдруг это то самое веретено из сказки, что было спрятано в саду принца Шиповника?

Рука Фи будто сама по себе устремилась вперед. Почти против собственной воли она потянулась к обломкам и тут же зашипела, когда что-то вдруг впилось ей в палец. Ненроа отскочила от стола, только теперь заметив острый, как игла, осколок, спрятанный среди прочих частей.

Внезапно мысли затуманились. По краям поля зрения подступала чернота, вся кровь в теле будто отхлынула от головы, грозя обмороком. Фи попятилась и оказалась на полуразрушенном балконе. Ноги дрожали, словно трясясь сам пол. На кончике пальца выступила кровь. Фи завороженно уставилась на нее, вспоминая слова, которые были начертаны на двери: «Капля крови, капля надежды...»

— Берегись, Фи!

Услышав крик Шейн, она быстро пришла в себя. Такого Фи и вообразить не могла — иссохшие доски под ногами дрожали и скрипели. Балкон рушился под ее весом. Послышался громкий треск — это опорные брусья выскочили из пазов в каменной стене.

Фи хотела было отпрянуть в сторону, но опоздала. В животе закрутился тугой узел, балкон полетел вниз, прихватив с собой большую часть комнаты. Фи попыталась набросить лассо на одну из резных арок, но кольцо отскочило, а потом она сорвалась.

Наемница рухнула на край провала, стараясь дотянуться до падающей в озеро Фи, но расстояние было огромным. Ненроа слышала лишь эхо собственного имени, которое выкрикивала Шейн.

«По крайней мере, ни одну из бесценных книг я с собой не взяла», — вот о чем подумала Фи, прежде чем ударилась о воду.

Глава 4

Фи

Фи едва не задохнулась, когда провалилась в ледяное горное озеро. Сначала туда рухнул балкон, разрушив поверхностное натяжение воды, поэтому Филоре хотя бы ничего себе не сломала. Однако это было наименьшей из проблем.

В озеро сыпались осколки камня и обломки дерева, все они устремлялись в черную глубину. Совсем рядом в воду угодил тяжелый кирпич. В тело впился холод, но Фи сдержала рвущийся из груди крик, понимая, что нужно беречь воздух.

Она работала ногами, изо всех сил пробиваясь к поверхности, где слабо мерцал солнечный свет. Вдруг Фи потеряла его в облаке пузырьков, когда в озеро свалилось что-то большое и темное. Это оказался кусок затейливо выкованных перил, увитых розами и колючками, и летел он прямо на нее. Фи рванулась в сторону, пнув перила ногой, чтобы их оттолкнуть. Один из острых шипов впился в штанину, и Ненроа захлебнулась, глотая ледяную воду. Фи дернулась, стараясь вынырнуть, кончики пальцев на миг коснулись воздуха, а затем что-то резко увлекло ее обратно во мрак.

Фи заглушила панику. Нога застряла в железных розах. Она попыталась вывернуться, но голень зажало между стеблем цветка и острым обломком перил. Тусклый шип впился в плоть над краем ботинка, из ранки брызнула кровь и, словно чернила, растворилась в воде. Как ни старалась Фи выпутаться из завитков, тяжелые перила утаскивали ее все глубже и глубже.

Она никак не могла освободиться. Грудь сжало, будто тисками. Сердце отбивало тысячу ударов в секунду, но все тело словно застыло. Фи посмотрела вверх — там, далеко, мерцала поверхность озера. Вода была мутной, вокруг плавали белые пузырьки. Легкие вот-вот сдадутся и вдохнут воду, и все будет кончено.

Фи закрыла глаза.

Но вскоре снова открыла их — когда вдруг ее окутала вспышка света и ладони Фи коснулась теплая рука.

Она моргнула, пытаясь понять, что же видит. Рядом парил юноша — Фи никогда в жизни не видела такого красивого парня. Его бледная кожа была нежной, золотистые волосы ореолом развевались у лица, тонкий, как дымка, локон парил у мерцающих синих глаз. Темные брюки и свободная белая рубашка колыхались в воде, будто с ними заигрывал шаловливый летний ветерок. Тяжелый плащ синего бархата мантией ниспадал с плеч. А еще юноша улыбался — улыбался Фи, спокойно глядя на нее, отчего и она успокоилась, а в ушах ее затихло биение сердца.

Фи снова моргнула, стараясь избавить затуманенное сознание от чужого образа. Ходили слухи о предсмертных галлюцинациях, но разве в таком случае она не должна видеть кого-то знакомого? Родителей, друзей... Бывшего — если судьба решила бы обойтись

с Фи поистине жестоко. Но этого юношу — Ненроа точно знала — она не встречала никогда. Не подумав, Фи приоткрыла рот спросить, кто же он такой, и сразу задохнулась — внутрь хлынула ледяная вода.

«Не вдыхай, — уговаривала она себя. — Вдохнешь — и конец всему».

Фи давилась, отчаянно стараясь не пустить воду к легким. Юноша взял ее за руку, переплел бледные пальцы с пальцами Филоре и притянул к себе, каким-то неведомым образом одним легким рывком освободив от железных пут.

Фи видела лишь головокружительную синеву его глаз.

Он забил ногами, поднимаясь к поверхности, и в тот же миг его розово-красные губы накрыли рот Фи. Поцелуй, от которого у нее перехватило бы дыхание, если бы она давным-давно его не потеряла.

Губы юноши были мягкими и манящими, а самое главное — Фи обрела способность дышать: ее грудь снова вздымалась.

Ненроа вцепилась в бархатный плащ, забываясь в теплом и сладком поцелуе. У него был цветочный вкус, словно в рот попала капля нектара жимолости.

Фи с громким всплеском вынырнула, взметнув серебристые капли воды, сверкнувшие в последних лучах закатного солнца. Она покружила, ища юношу, который ее спас. Никого.

В голове Фи пронеслась мысль, но не успела она ее додумать, как нырнула снова и приняласьглядеться в мутные глубины. Взвесь ила щипала глаза, но златовласого юноши нигде не было. Он просто исчез.

По спине Фи прошла дрожь. Юноша — это не галлюцинация, ведь галлюцинации не могут спасти тебе

жизнь или потрогать. Фи, сама того не сознавая, поднесла пальцы к губам. Если бы она так не замерзла, лицо обдало бы жаром.

Из упрямства ей хотелось оставаться на месте и во всем разобраться, но тут очередной приступ дрожи настиг Фи и заставил двигаться. Хоть пора стояла летняя, в высокогорье темнеет рано. Если не выбраться из озера и не обсохнуть, ей грозят большие неприятности.

К счастью, Фи — дитя родителей-историков; еще прежде чем научиться ходить, она научилась разбивать лагерь и исследовать забытое прошлое в разных негостеприимных местах. В отличие от большинства аристократических семей Дарфелла, Ненроа были приграничными жителями до мозга костей. Навыки выживания в семье прививались как базовые, наряду с чтением и письмом.

Она покрутилась в воде, пристально рассматривая скалы, что окружали озеро, а потом, про себя извинившись перед Шейн, поплыла в обратную сторону. Фи была уверена, что с напарницей все в порядке, ведь пол обрушился только на ее стороне, но вскарабкаться наверх по отвесной скале под замком было невозможно. Поэтому она поплыла к противоположному, пологому берегу, поглядывая на зазубренные утесы, которые словно щерились на нее, ухватилась за большой выступ и выбралась из озера; несколько длинноперых рыб дернулись в стороны.

Было лишь одно место, куда она могла обратиться за помощью, — туда, скорее всего, направится и Шейн. Они встретятся там или не встретятся вовсе.

Склон оказался невысоким, но подъем на трясущихся ногах вышел долгим и трудным. Фи ухватилась за кустик полыни и отдернула руку — в кожу

впилась колючая ветка. Сразу вспомнилось костяное веретено — как оно странно сверкнуло, как жутко притягивало к себе против ее воли. Фи погладила подушечку пальца, куда веретено ее укололо. В закатном свете казалось, что рана кровоточит опять, крошечный алый завиток закручивался на кончике пальца, будто нитка.

Фи тряхнула головой, прогоняя прочь мысли о веретене, магических реликвиях и юноше с розовыми губами, что исчез, словно призрак. Времени на размышления не осталось. Вдобавок ко всему прочему, где-то среди этих холмов, должно быть, бродят охотники на ведьм. Одной Фи против них ни за что не выстоить.

Ей хотелось выкрикнуть какое-нибудь изощренное ругательство, которое она узнала от Шейн, но даже в полном одиночестве леди Ненроа не могла позволить себе подобной непристойности.

Фи уже добралась до вершины холма, и тут показалась луна. От ветра, что в жаркий полдень так приятно охлаждал, стучали зубы. Придется пойти на риск и развести огонь. Быстро, как только могла, Фи набрала хвороста и сложила в сосновых зарослях костер. Порывшись в кармане, она достала единственное, что всегда носила с собой, а не в походном мешке, — трут и кремень.

Фи уселась, прислонясь спиной к большому валуну, и напомнила себе, что бывала в передрягах и похуже и выбиралась из них. Она потрогала бороздки на труте — почерневшем кусочеке железа, который когда-то принадлежал ее отцу. Если закрыть глаза, можно представить, как большие теплые руки отца обхватили ее маленькие дрожащие ладони, когда он впервые учил ее разжигать огонь. В тот раз они искали древнюю

хрустальную комнату и в итоге свалились в шахту. Тогда у них тоже не оказалось с собой поклажи, только содержимое карманов.

— Кремнем по железу, Филоре, а не наоборот, — подсказывал отец, а Фи снова и снова упрямо била по кремню.

Она не понимала, почему папа так спокоен. Вокруг возвышались серые стены каменной шахты, глубокой и холодной, будто могила. Шансов выбраться никаких — невысокой ростом Фи было всего восемь лет, веревки при себе не нашлось, а у отца ступня оказалась вывернута под странным углом. Он старался прикрывать изувеченную ногу краем пальто, но Филоре уже заметила. Отец сломал ее при падении.

Обычно суровое лицо Дома Ненроа смягчала улыбка, но тогда оно было пепельно-серым, густая шевелюра, усыпанная грязью и ветками, напоминала птичье гнездо. Одно из стекол проволочных очков треснуло.

— Не получается! — стояла на своем Филоре. Трут и кремень она стиснула в кулаках.

Отец и дочь вывернули карманы, но нашли лишь компас, несколько погнутых медяков, дневник Дома в кожаном переплете и кусочек угля, при помощи которого Филоре копировала резьбу и руны. А еще трут и кремень. Ничто из этого не могло их спасти.

В стене напротив была ржавая зеленая дверь, испещренная символами какого-то древнего магического языка, который Фи еще не выучила. Считалось, что стены внутри комнаты покрыты тысячами дымчато-серых кристаллов, горевших собственным светом.

В любое другое время находка очаровала бы Фи, она бы осматривала замок и требовала объяснить значение рун, символ за символом. А в тот миг ей хотелось

только вернуться в лагерь и оказаться в окружении ученых из исторического общества, в котором состояли родители, слушать, как они спорят, какой из орденов ведьм оставил миру самые могущественные реликвии. В душе Филоре всегда отдавала предпочтение любимцам матери, ведьмам, умевшим вторгаться в сны. При мысли о маме у Фи защипало глаза.

Она попробовала высечь искру еще раз, и у нее получилось, но искра затухла, не успев упасть на кучу сухой листвы. Фи подумала, как же далеко они забрели от сосняка, где ученые поставили палатки, и у нее перехватило дыхание. Никто их здесь не найдет.

— Мы никогда отсюда не выберемся, — пробормотала Фи, слатывая слезы.

— Конечно выберемся, — улыбнулся отец. — У нас есть все необходимое.

Он осторожно разжал ее кулак и вытащил почерневший трут.

Филоре запыхтела.

— Потому что ты тайный чародей и можешь превратить это в крюк?

Отец рассмеялся. Он собрал ее волосы в хвостик и слегка потянул. Филоре этого терпеть не могла.

— Что есть самое величайшее магическое достижение? — спросил Дом. Это был обычный для него вопрос.

Филоре закатила глаза, но ответила, как учили:

— Изобретение слов.

— Верно, — кивнул отец. Он снова обхватил ее руки и приставил кремень к гладкой стороне трута. — Это просто другой язык. Мы можем передать послание с помощью дыма. Как только разведем огонь, твоя мать увидит дым и придет нас спасти. Если, конечно, снова какой-нибудь книгой не зачиталась.

— Не зачиталась, — сказала Филоре. В голосе привилось уверенности. — Она цокала языком и листала страницы взад-вперед. Так мама делает, только когда ей не нравится книга.

— Ну, будет знать, как хвататься за хроники Риваррчи об основании Андара, — подмигнул отец. — Хорошо, что Лилия родилась спустя два века после него, а то у них дошло бы до драки.

Филоре изумленно ахнула, когда наконец-то загорелась искра и из кучи листьев и веточек заструился тонкий дымок. Отец наклонился и стал дуть на костер, пока в сердцевине не зажегся яркий уголек. Филоре смотрела, как серебристые завитки поднимаются в небо.

Она хотела вернуть отцу трут и кремень, но Дом покачал головой.

— Лучше оставь себе. Кто знает, когда они пригодятся.

Услышав, как потрескивают в костре сухие иголки, Фи открыла глаза и улыбнулась. Отец, подобно большинству ученых, научил дочь многим вещам, не имеющим практического применения, но навык добывания огня выручал ее не раз.

— Спасибо, — пробормотала она воспоминаниям, убирай кремень и трут в карман.

Когда пламя перекинулось на длинные ветки, Фи сняла влажную одежду и разложила на камне для просушки. Потом стащила легкое исподнее, отжала его и принялась махать над костром, чтобы белье согрелось. Она собиралась снова надеть его, пусть и сыровое, — нельзя рисковать и дать застать себя в подобном виде, чтобы потом не пришлось бежать нагишом. Впервые она пожалела, что доверила нести рюкзаки Шейн.

Фи уселась, обняв руками колени. Вся исцарапанная, измученная, она проголодалась и хотела пить, пусть и нахлебалась воды в озере. При малейшем шуме — треске веток в костре или щелчках — ей мерещилось, что из гущи деревьев на нее вот-вот выскочат закутанные в плащи фигуры. Фи все еще никак не могла опомниться после произошедшего и не знала, стоит ли вообще верить собственным глазам.

Было куда проще представить, что прекрасный юноша, который скрывается в озере и исчезает после поцелуя, — это лишь плод буйного воображения, а не реальность. Фи уткнулась лбом в колени и навсегда выкинула юношу и тот поцелуй из головы. «Держи сердце под замком», — напомнила она себе. И все же заснула Фи далеко не сразу, она еще долго глядела на кривой серп луны в обрамлении темных сосновых веток.

Той ночью Ненроа приснилась белокаменная башня, увитая розами. Сияющие стены покрывала густая листва. Дикие розы, будто морская вода, просачивались в полуокруглое оконце, забирались так высоко, что пробивались сквозь перекладины конической крыши.

Комната изнутри тоже вся заросла цветами, но здесь они были кроваво-красными. В каждом углу клубились розы, свисая со стен и потолка, словно яркие рубины.

А в самом центре цветы окружали широкую кровать, завешенную прозрачными драпировками, раздвинутыми там, где ткань цеплялась за шипы. Ворвался ветер, зашелестел розами, и те стали трепетать и вздыхать.

Посреди цветов спал парень с золотистыми волосами и розовыми губами, облеченный в великолепный

бархатный плащ. И хоть сонный вид юноши был безмятежен, а глаза закрыты, Фи почему-то знала, что они яркого синего цвета, от которого захватывает дух.

Ее спасителем оказался Шиповник Розоцвет, спящий принц.

Глава 5

Шейн

Шейн пробиралась по лесу, закрываясь рукой от сосновых веток, которые так и норовили хлестнуть по лицу. Все ее тело покрылось шишками и синяками, потому что ей пришлось бродить после заката по кустам, камням и ручьям. Густые сосны превратили солнечные лучи в тонкие, будто паутина, нити. Шейн выругалась, в очередной раз споткнувшись о поваленное бревно, и переполошила какую-то ночную живность, чья трескотня была подозрительно похожа на смех.

Северянка считала себя опытным лесным жителем. Увы, первое правило лесных жителей гласило: *не броди ночью по незнакомым горам*, особенно без света. Это правило она уже нарушила. Шейн скривилась, когда под каблуком что-то странно хлюпнуло. Непонятно, наступила она на мокрый гриб или нечто более мерзкое.

— Главное, что не живое, — пробормотала Шейн.

Опершись о ствол, она поправила поклажу. Ремень небольшой сумки Фи все время соскальзывал, а ее собственный туго набитый рюкзак все время впивался в плечо. Сверху болталась шляпа Фи.

Шейн уже жалела, что взяла с собой сокровища. Ну, не по-настоящему, но определенно жалела, что пришлось тащить их в такую даль. Просто мысль уйти с пустыми руками была невыносима, особенно после потери напарницы.

— Ну конечно, — проворчала она. — «Будь осторожна, Шейн, ничего не трогай, Шейн, я сама посмотрю. А когда посмотрю, захвачу с собой половину замка».

В груди у нее все сжалось. Поздно! Зря она вспомнила потрясенный взгляд Фи, когда та тянулась к ней, а сама уже падала в озеро.

Шейн едва не нырнула следом, но тут из воды вырвалась яркая вспышка — такая ослепительная, что перед глазами замелькали пятна. Спустя миг показалась Фи, задыхаясь и кашляя. Шейн испытала столь резкое облегчение, будто ее пнули в живот. Она не представляла, что это за свет, — слишком яркий для водного блика, — но поскольку напарница уцелела, Шейн было на него плевать.

Ее облегчение быстро улетучилось, потому что Фи покрутила головой, снова нырнула и наконец направилась к дальнему берегу. И Шейн решила, что их сотрудничество подошло к концу.

Ощущение было не из приятных. Она и раньше расставалась с компаньонами, но вот так еще никого не теряла.

Большинство напарников Шейн хватало ровно на один заказ. Если, конечно, они вообще успевали продержаться так долго. Бабушка говорила, что называть Шейн упрямой как осел несправедливо по отношению к ослам — ведь ни одна живая душа на островах Несокрушимых не была столь несговорчивой, как ее внучка. Но Шейн ничего не могла с собой поделать. Она знала, чего хочет, знала, что правильно, и была не

из тех, кто пасует. Именно так Шейн заполучила своего первого и самого надежного друга: топор, который носила за спиной.

В семь лет детям Военного вождя надлежит выбрать оружие, с которым они будут связаны всю жизнь. Этот выбор имеет огромное значение, а для наследника он — провозвестник того, каким правителем тот станет. В день рождения Шейн и ее брата-близнеца отвели в оружейную, где перед ними в ряд разложили мечи, булавы и боевые топоры. Все тончайшей работы и инкрустированные сияющим серебром.

Шейден терпеливо ждал, пока оружейник оценивал его и давал советы, но глаза Шейн не отрывались от топора с кривым серповидным лезвием.

Она все еще помнила, как схватила маленькими ладонями резное березовое топорище и изо всех сил потянула. Орудие было таким тяжелым, что она и поднять его не могла.

Позади стоял отец с суровым бледным лицом.

— Боевой топор слишком велик для такой малышки, даже если подрастешь. Выбери что-то другое.

Шейн крепче сжала рукоятку. В душе разгорелся гнев, но не на отца, а на оружие.

— Это моя церемония, и я выбираю топор!

— Шейн, — предупреждающе бросил отец.

Тогда вперед выступила бабушка.

— Я разберусь.

Высокая женщина с длинными серебристыми волосами сама чем-то смахивала на старый закаленный боевой топор. Она легко подняла оружие и взвесила в морщинистой руке.

— Боевой топор — оружие завоевателя. Это символ неистового скитальца, одержимого странствиями,

кто будет нести знамя битвы далеко от дома. Есть оружие получше для человека твоего положения. Для будущего Военного вождя клана Рагналл.

— Нет, — упрямо стиснула зубы Шейн.

С другого конца комнаты за сестрой широко распахнутыми серыми глазами наблюдал Шейден. Его рука обхватила инкрустированный жемчугом меч — символ мудрости и верности.

— Ладно, — фыркнула бабушка. — Хочешь топор — научись им пользоваться. А для начала его подними. — Отойдя к стене, она взяла топор поменьше, лесорубы такие носят на поясе. — Три недели ты будешь рубить им дрова для моего очага. И только потом, если я останусь довольна, начнем заниматься.

— Это не боевой топор! — возразила Шейн.

Хриплый смех бабушки прокатился по оружейной.

— Ты еще не готова к боевому. С лихвой обойдешься старым дровяным. Но если желаешь выбрать более подходящее оружие...

Шейн выхватила топор, пока бабушка его не забрала. Он тоже оказался тяжел для нее, но Шейн забросила его на плечо и посмотрела старухе прямо в глаза:

— Ни за что.

Северянка все еще помнила, как тряслись ее маленькие руки, когда она день за днем рубила дрова, а мышцы горели так сильно, что она с трудом засыпала. Шейн не знала, специально старая карга мучила ее или хотела заставить отступить. Но через три недели детские руки покрылись мозолями, и она смогла вонзить топор в полено, даже не вспотев.

К двенадцати годам Шейн стала лучшей воительницей своего поколения. Настолько хорошей, что произвела впечатление даже на бабушку.

Шейден все время был рядом. Бросал ей бурдюк с водой с края площадки для боя. Щипал, если сестра засыпала на заседаниях совета. Он карабкался за ней по стенам крепости на вершину сторожевой башни, растягивался рядом на холодных каменных плитах и поправлял Шейн, когда та придумывала созвездия, названия которых не смогла запомнить.

— Вон гигантский морской змей, он хочет раздавить Рокриммон мощными челюстями.

Шейден откинулся с лица растрепанные волосы.

— Это не змей. Это лук созвездия Девы-воительницы. Той, что защитила острова Несокрушимых от атаки сотни кораблей, стрелы его могли пробить самый толстый корпус.

Шейн сморщила нос, разглядывая звезды.

— А мне кажется — на змею смахивает. Может, это Дева — покорительница змей? Величайшая Военная предводительница всех времен с поясом из змениной кожи и боевым топором...

— А вон там, наверное, ее большая круглая голова, — отозвался Шейден, кивая на низко висящую над горизонтом луну.

— Из лучших воинов всегда получаются лучшие Военные вожди, — засмеялась Шейн.

— Отец говорит не так. Он твердит, что быть вождем означает не только сражаться.

— Жаль, но я просто безнадежна. — Шейн показала брату язык. — Запомнить все законы, соглашения, имена всех этих душных послов...

— Может, ты запомнишь, если перестанешь звать их Лисомордым и Смердячим Барсуком, — подразнил ее брат.

Шейн засмеялась вместе с ним. Ей предстояло стать следующим Военным вождем, порой ответственность тяжким грузом давила на нее и с каждым годом была все весомее. Но здесь, наверху, с Шейденом Шейн было легче. Оставались лишь они, звезды и ночная мелодия Рокриммона — потрескивание дров в кострах дозорных, плеск волн, на которых качались корабли у причалов далеко внизу. Шейден всегда показывал ей язык, когда знал, что сестра вот-вот сморозит какую-нибудь глупость. Но та все равно ее произносила.

Каждый раз, когда ее одолевали сомнения в том, что она не годится на роль Военного вождя, Шейн вспоминала о брате — своем зеркальном отражении, кто был способен на все, чего не могла она.

— Смотри: Влюбленные, — улыбнулся брат, указывая между зубцами крепостной стены на две яркие звезды над морем, что сияли над далекими волнами. Всегда рядом.

— Это не Влюбленные, — фыркнула Шейн, приподнявшись на локтях. — Это Близнецы. Ты и я. Неважно, что я родилась первой, все равно мы близнецы. Мы должны править вместе. На мне, чур, все веселье — завоевания и церемониальные битвы, а ты займешься всякой скукотой.

— Эй! — Брат сунул ей в лицо сапог, Шейн бросилась на него, и они, смеясь, покатились кубарем.

И Шейн поверила — хотя бы ненадолго, — что они с братом неразделимы, ничто не способно встать между ними.

В ветвях деревьев негромко ухнула сова. Наемница отпустила воспоминания. Было время, когда она считала, что они с Шейденом — отличная команда

и брат — единственный напарник, который ей необходим. Но это было давно, теперь ей нужно беспокоиться о новой напарнице.

Шейн решила: если идти всю ночь напролет, то к утру она доберется до башни в ближайших горах, приюта их общего с Фи друга. Шейн надеялась, что Ненроа придет в голову та же идея.

Продираясь через заросли ельника, она остановилась на полпути. Что-то мелькнуло среди деревьев: странный красный свет, отблеск костра в рощице впереди. Почуяв запах древесного дыма и чего-то жирного, Шейн дернула носом. Она шагнула вперед и замерла, инстинкты воина велели ей не высовываться. Ночь внезапно стала оглушительной.

— Что-то заметил, Тавиан?

Шейн втянула воздух сквозь зубы. Теперь она разглядела его — высокого мужчину, который стоял у края светового круга, отбрасываемого костром, и таращился в темноту, как Шейн таращилась на него. Пламя осветило его лицо, и наемница отпрянула: это был охотник на ведьм из гостиницы, тот, от которого они с Фи едва унесли ноги.

Шейн упала на землю и прикусила язык, ударившись коленями о камни. Тавиан дернулся на звук.

— Там кто-то есть, Арис, — прошипел он.

Шейн по очереди сняла рюкзаки. Подумала прихватить с собой топор, но это слишком громоздкое оружие, от него мало пользы в тесной рощице. Придется положиться на кинжал за поясом. Она поползла вперед, не поднимая головы. В кои-то веки невысокий рост сыграл ей на руку.

— Там много кто есть, — спокойно проговорил первый голос, он был женский, тихий и равнодушный. — Белки, кролики и всякие ползучие твари, и никому из них

до тебя дела нет. Присядь и поешь. Я устала от твоего гундежа.

Шейн заглянула в лагерь сквозь густую листву дуба. Тавиан, нервно перетаптываясь с ноги на ногу, потирал крючковатый нос, а его спутница, загорелая темноволосая женщина, склонилась над чугунком. С ее шеи красноречиво свисал топазовый амулет. «Еще одна охотница за ведьмами», — подумала Шейн, подавив желание сплюнуть. Черные плащи охотников были в пятнах от пыли и лесных болот, а позади наемница разглядела пару лошадей с длинными поводьями. К дереву прислонили два устрашающих зазубренных меча.

— А вдруг это чародей Письмовник? — Тавиан сгорбился.

Шейн увидела, что он сжимает в руке листовку о розыске — ту самую, которая висела в центре доски. На скомканной бумаге виднелось мужское лицо с хрустальной серьгой.

— Письмовник теперь не самая большая проблема, — огрызнулась Арис и скривилась: — Ты же видел ту вспышку. Это были могущественные чары, возможно, даже магия Света. Вспышка полыхнула после того, как ты потерял девчонок, и это не случайность.

Магия? Шейн призадумалась. О вспышке над водой она почти забыла, но когда они виделись с Фи последний раз, та не проявляла склонности к колдовству. Так что же случилось в озере? Куда вляпалась напарница?

— Я не знал, что они ведьмы! — возмутился Тавиан.

— Неважно, кто они. — В красноватых отблесках пламени глаза Арис были безжалостны. — Магия развращает, это яд. Из-за нее погиб Андар, она навлекла на всех нас гнев злодейки Пряхи. Она порождает зло. Если позволить чародеям опять обрести

силу, все случится снова, а потом еще и еще! — В сердцах она пнула бревно в костре, и котелок закачался на цепи. — Мы не будем рисковать. Девчонки должны умереть.

Такого Шейн от охотников за ведьмами не ожидала. Она и раньше оказывалась с ними в разных лагерях, но в таком противостоянии — никогда.

— Я же сказал, что найду их! — проворчал Тавиан.

— Да уж постараися, — отозвалась Арис. — А теперь заткнись, хватит портить ужин.

Тавиан что-то проворчал, но послушно уселся на бревно. Шейн уперлась локтями в землю и принялась обдумывать варианты.

Сразу двоих одолеть непросто, к тому же Шейн еще не доводилось встречать охотника, который не пользовался бы откровенно подлыми приемчиками. С другой стороны, они все равно идут по их с Фи следу. И даже если бы она этого не знала, охотники разбили свой лагерь практически на задворках Письмовника. Шейн не верила, что они сумели бы его одолеть: Письмовник был одним из самых могущественных чародеев, но его дом служил пристанищем для зверья, других колдунов и всяких беглых отбросов. Кое-кому из них могло не повезти.

Шейн снова бросила взгляд на мечи — острые зубья блестели в свете костра, — потом на лошадей. Возможно, это шанс. К тому же сокровища на лошадях перевозить сподручнее. А еще она расчистит путь Фи.

Приняв решение, Шейн поднялась на ноги. Она старалась не издавать звуков. Всего-то и нужно было вернуться к поклаже, взять топор и заманить охотников в чащу по одному... Но вдруг что-то схватило ее за ногу, и Шейн замерла.

Она посмотрела вниз и чуть себя не выдала, так хотелось громко выругаться. Ее каблук угодил между корнями дуба и застрял. Северянка потянула изо всех сил, но нога не двинулась с места.

Шейн покосилась на костер — если охотники заметят ее сейчас, всему конец. Она дернула как следует еще разок. Сердце забилось — ей показалось, что удалось вырваться. Но это всего лишь ее нога выскользнула из сапога, Шейн поняла это, шлепнувшись в подлесок, когда пятилась через колючие заросли можжевельника в одном сапоге. Раздался грохот — охотники вскочили, позабыв про свой ужин.

— Это не белка! — рявкнул Тавиан.

— Останься здесь, — прошипела Арис. — Я проверю.

Шейн приподнялась на руках и убрала волосы с лица. Топор по-прежнему оставался далеко. Можно успеть добежать, но с такой же вероятностью все закончится кинжалом в спине.

Она встала и укрылась в тени дерева, сняв тяжелый плащ и держа его за ворот. Шейн вжалась в ствол, застилала дыхание и прислушалась. В лесу царила мертвая тишина. Даже сверчки и совы умолкли. Она чувствовала, как по затылку течет древесный сок и какой-то многолапый жук карабкается по ее руке, но усилием воли осталась неподвижна.

Краем глаза наемница заметила, как что-то мелькнуло — это сверкнуло отполированное лезвие. Арис уже была поблизости, она пробиралась сквозь лес с мечом на изготовку. Шейн подождала за деревом, пока охотница поравняется с ней, выскочила и хлестнула ее плащом по лицу.

Потрясенная и ослепленная, Арис упала навзничь, плюясь ругательствами и вцепившись ногтями в ткань.

Она яростно взмахнула мечом, но Шейн перехватила костлявые руки охотницы и воткнула рукоять меча ей в живот. Арис с криком упала и скорчилась на земле.

«Одна в минусе, еще один остался», — ухмыльнулась Шейн, наклоняясь, чтобы забрать плащ. Возможно, он спас ей жизнь. И тут в ствол дерева, где пару секунд назад был затылок Шейн, вонзились острые зубья меча.

Брызнули в стороны щепки коры, в воздухе повеяло резким запахом сосны. Тавиан был слишком подозрителен, он не подчинился приказу и не стал дожидаться у костра. Тяжелым и длинным мечом здоровяк владел лучше, чем думала Шейн. Взгляд у него загорелся лихорадочным огнем, как у всех охотников.

— Ведьма! — выкрикнул Тавиан, замахиваясь обеими руками и нанося ей удар клинком. — Теперь ты не уйдешь!

У Шейн не было времени спорить о ведьмах. Она могла лишь уклониться и бросить плащ. Наступив босой ногой на иголки, наемница споткнулась. Она выхватила из ножен кинжал, но ни одному кинжалу не совладать с таким огромным мечом. Судя по тому, как противник на нее бросился, он тоже это знал.

Значит, нож послужит приманкой. Шейн сделала обманное движение, будто бы блокируя удар, а сама присела и подставила охотнику подножку. Тавиан уклонился, но зубья меча зацепились за дерево, что дало Шейн несколько секунд. Арис застонала — значит, скоро снова будет двое на одного. Отойти бы немногого — тогда Шейн могла бы неожиданно пнуть Тавиана и выбить у него меч.

Охотник вырвал клинок из ствола и потерял равновесие. Пора! Шейн взмахнула ногой и тут же оказалась

на земле: босая ступня соскользнула с поросшего мхом бревна. Кинжал вылетел из руки.

Шейн зарычала. Ее прикончат не охотники на ведьм, а этот мстительный лес!

Тавиан победно вскрикнула. Шейн на локтях отползла назад и наткнулась спиной на сосну. Схватка с лесом подала ей идею. Когда Тавиан навис над ней, она оттянула толстую ветку и резко отпустила. Острые иглы будто гвозди впились охотнику в лицо. Он пошатнулся, Шейн вскочила и с наслаждением врезала сапогом ему по физиономии. Меч Тавиана отлетел куда-то в темноту, а сам он упал на колени, завывая и зажимая нос. Шейн для верности пнула его в ребра и испытала громадное удовлетворение, когда враг затылком ударился о замшелое бревно.

Тяжело дыша, Шейн подняла кинжал, улыбнулась, подбросила клинок и убрала его в ножны. В качестве предупреждения она водрузила ногу на спину Арис.

— Я одолела вас почти босиком и с одним кинжалом, — заявила Шейн.

Глаза охотницы полыхнули ненавистью.

— Ты еще пожалеешь, что связалась с колдунами! От магии один вред...

Шейн пнула ее, и Арис осеклась, закашлявшись.

— Ну да, ну да, — пробормотала наемница.

Она сняла с пояса мерзавки моток веревки. Слышала хоть одного фанатичного истребителя ведьм — слышала их всех. Шейн быстро связала охотников и подтащила поклажу к огню. Отыскала слетевший сапог и как раз зашнуровывала его, когда позади раздался негромкий голос:

— Какое неожиданное зрелище...

Шейн рванулась к топору и уже схватилась за рукоятку, когда в круг огня ступила фигура в мантии

и отбросила капюшон. Это оказалась девушка, примерно ровесница Фи, загорелая, с водопадом длинных, струящихся волос. На ней была красная туника с подчеркивающим округлости корсажем и свободно расходившаяся от бедер. Яркая малиновая подкладка плаща горела, будто искры в ночи. От нее было сложно отвести взгляд.

— Кто ты такая? — спросила Шейн.

Девушка примирительно подняла руки.

— Лишь та, кто ищет этих охотников на ведьм.

Шейн сжала рукоять топора.

— Ты не похожа на стражей границы. И, надеюсь, ты не одна из этих, — добавила она, ткнув в сторону пленников.

— Нет, — дерзкие губы незнакомки, напомаженные красным, изогнулись в улыбке, — если желаешь доказательств, просто взгляни, какой прием они мне оказывают.

Шейн обернулась. Тавиан широко распахнул глаза и побелел от страха. Он пытался кричать сквозь кляп и вырывался из пут.

Девушка рассмеялась нежным смехом.

— Он хочет предупредить тебя, что я опасная ведьма.

В ушах Шейн отдавался пульс.

— А это так?

— Опасная? — нахально повторила девушка. — Разумеется. Но сегодня я хочу лишь забрать кое-что у этой парочки. Нечто им не принадлежащее. — И в ответ на удивленный взгляд Шейн добавила: — Или я помешала их ограбить и ты уже присвоила пожитки?

— Я не воровка! — запротестовала Шейн, глядя, как девушка пробирается к седельным сумкам, аккуратно обходя стороной извивающихся охотников

на ведьм. — Должно быть, ты очень храбрая, раз посреди ночи гоняешься за такими типами...

Шейн помедлила, надеясь, что очаровательная неизвестка назовет свое имя.

— Зови меня Рэд, — сказала она. — Ты мне льстишь. Я собиралась только пробраться в их лагерь, когда они заснут, а не нападать на охотников в одиночку.

Мантия Рэд зашуршила по земле, девушка опустилась на колени и принялась рыться в седельных сумках охотников.

— Но я сражена. Мало кто решится противостоять охотникам на ведьм. Ты, наверное, и сама чертовски опасна.

— Я — Шейн. Наемная кладоискательница.

— Шейн, — повторила Рэд. — О, нашла!

Она быстро поднялась, держа небольшую железную коробку.

— Что это? — поинтересовалась Шейн.

— То, в чем охотники на ведьм перевозят магические реликвии.

Шейн отпрянула, внезапно насторожившись.

— Какие магические реликвии?

— Ничего *чересчур* опасного, — успокоила ее Рэд. Она открыла коробку, вытащила нечто, похожее на стромодное украшение, пять глянцево-черных колец, соединенных тонкой блестящей цепочкой, и объяснила: — Их носят на каждом пальце левой руки, вроде перчатки.

— А для чего?

Рэд многозначительно на нее посмотрела.

— Если знаешь, как ими пользоваться, они помогают почувствовать магию, даже если та скрыта.

Звучало не так уж страшно. Вообще-то Шейн могла назвать десяток способов применения этой реликвии кладоискателем.

Но Рэд явно была не из их братии. Шейн снова посмотрела на нее испытующим взглядом.

— А тебе оно зачем?

— Я расскажу... — Рэд подошла ближе, взирая сквозь темные ресницы на наемницу. Если бы не высокие каблуки Шейн, они, должно быть, сравнялись бы ростом. — Скажи, что ты здесь делаешь, а я поведаю свою историю. — Северянка не ответила, и Рэд засмеялась. — Я так и думала.

Она махнула рукой — кольца зазвенели.

— Вот тебе мой совет совершенно даром: уноси-ка ты отсюда ноги. Сюда вот-вот нагрянут охотники.

— С чего ты взяла? — подозрительно спросила Шейн.

— А ты не видела ту вспышку? Это была магия Света. Она привлечет много непрошеного внимания.

У Шейн заныл живот.

— Да неужели, — пробормотала она, покосившись на пленников.

Рэд вдруг внимательно и с интересом ее оглядела.

— Ты как-то с этим связана?

Правда едва не сорвалась с губ, но что-то помешало ее высказать.

— Нет.

— Жаль, — встряхнула головой Рэд. — Магия Света чрезвычайно редка. Большинство чародеев Света принадлежат королевскому роду Андара. Настоящее чудо — повстречать кого-то из них.

Она повернулась к лесу.

— Постой, — выпалила Шейн, даже не успев понять, что делает. — Если тебе нужно где-то переночевать, я знаю безопасное место.

Она не понимала, чародейка ли Рэд, но та точно была врагом охотников, довольно и этого.

— Как мило! Но со мной все будет хорошо, —
оглянулась Рэд. — Я ведь опасна, помнишь?

Голос звучал игриво, но отчего-то Шейн бросило
в дрожь и перехватило дыхание, когда Рэд посмотрела
ей в глаза.

— Шейн... — снова сказала она, будто пробуя имя
на вкус. — Я запомню.

А потом зашагала прочь с пламенеющей мантией,
что развевалась у нее за спиной.

— Увидимся, Рэд. — Имя вспыхнуло будто искра.

Тайна и опасность — так любимые Шейн в поиске
сокровищ, и все это в облике прекрасной девушки.
Наемница тоже не собиралась ее забывать.

Глава 6

Фи

Фи сбросила куртку, наслаждаясь теплом утреннего солнца, которое ласкало лицо. Ночь прошла беспокойно, и проснулась она рано, хоть и измученная, но довольная, что сны остались позади.

В серых предрассветных сумерках Фи дрожала. Одежда была все еще влажной, от костра остался лишь пепел, и Ненроа казалось, что ей никогда не согреться. После нескольких часов подъема по горе все изменилось. Она внимательно присматривалась — нет ли следов погони, сломанных веток или отпечатков ног на земле, — но ничего не заметила. Теперь Фи оглядывала широкую котловину, поросшую лиловым чертополохом и полевыми цветами, а также настолько высокими и тонкими деревьями, что от легкого ветерка качался весь лес. В верхушках сосен порхали темные силуэты птиц.

По грубым подсчетам, Фи уже должна приближаться к башне. Узел, затянувшийся внутри, наконец ослаб. Здесь она в безопасности.

Фи завязала куртку на талии и пошла сквозь посевы небесно-голубого льна, согнав облако пчел. При свете дня златовласый юноша, который ее спас, казался

просто сном. Она прочла столько историй о Шиповнике Розоцвете, о великом королевстве Андар, уничтоженном злой ведьмой, и спящем принце, который ждет поцелуя, — неудивительно, что веретено навеяло ей все эти грэзы. «Похоже, я более романтична, чем думала», — пришла к выводу Фи, соскребая плоским камнем олений помет с башмака.

Ей почти удалось себя в этом убедить, когда впереди показался знакомый кривой силуэт башни, строения столь высокого, что оно даже затмевало качающиеся сосны.

Наверное, хорошо, что Письмовник забрался так далеко в лес, решила Фи, соседи жаловались бы на его эстетический вкус. Дом являл собой странное сочетание деревенского сруба и величавой каменной башни. Та сама по себе была произведением искусства, с каждым этажом она расширялась, верхушка казалась удивительно тяжелой. На третьем этаже была устроена круглая мастерская. С конической крыши курился тонкий серый дымок. Значит, Письмовник дома.

Фи перепрыгнула через невысокую, до колена, деревянную изгородь, испугав пару оленей, которые жевали горох с грядок у дома. Письмовник был убежденным вегетарианцем, и местное зверье вовсю угощалось в его заросшем саду. Фи помнила, как играла здесь в детстве: она гонялась по двору за кроликами, пока родители советовались с колдуном.

При мысли о семье Фи сжала рукой знак Бабочки и поборола волну горечи. В ту пору она еще не знала, насколько опасно для Письмовника обитать в приграничье, где охотники на ведьм с каждым годом все больше наглеют.

Большинство чародеев Дарфелла оставались в столице, далеко за пределами деятельности охотников,

или уезжали в шумные порты Писарра — там людей с подобными талантами привечали охотнее.

На дубовой двери жилища Письмовника были вырезаны чернильница и длинное перо. Как всегда, не заперто. Фи толкнула створку.

— Привет! — крикнула она.

— Эгей! — послышался голос.

Фи шагнула внутрь. За порогом пространство было обустроено как одна большая комната, которая просматривалась вся сразу: маленькая кухня, светлая от пыли, разноцветные тканые коврики на каменном полу и очень знакомая фигура за кухонным столом, накрытым по меньшей мере на троих.

— Письмовник сказал, ты скоро явишься, — пробубнила Шейн с набитым ртом. — А то я хотела отправиться на поиски.

Под ноги наемница придвинула ящик с дровами и выглядела до крайности довольной собой. В конце стола возвышалась шляпа Фи.

— Я за тебя волновалась, — закончила Шейн, когда ей наконец удалось проглотить то, что она жевала.

— Да уж, — пробормотала Фи, глядя на тарелку с горкой ломтиков дыни и свежей клубникой. Она надеялась на встречу с Шейн, но при виде напарницы, поглощающей печенье, густо намазанное джемом, Фи подумала, что несколько иначе представляла себе их воссоединение. — Как ты очутилась здесь раньше меня?

Шейн осталась на другом берегу озера. Ее путь должен был занять больше времени.

Северянка с усмешкой облизала палец.

— Повезло раздобыть лошадей.

Похоже, за ее словами таилась какая-то история — из тех, что Фи наверняка не хочет слышать, — однако

это подождет. Как и пустой желудок. Фи тоскливо посмотрела на стол, но все же опомнилась.

— Мне нужен Письмовник. Он здесь?

Шейн ткнула пальцем в сторону витой лестницы, которая вела в башню.

— Кажется, он там что-то сжигает, — сказала она, потом спохватилась, торопливо вытерла руки об рубашку и взяла что-то со стола. — Эй... тут для тебя послание. От твоих родителей. А чего это Письмовник получает твою почту?

— Открывала? — сердито спросила Фи, в груди ее все сжалось от гнева. Она подскочила к столу, выхватила письмо, сложив конверт вместе со сломанной печатью, и сунула в карман.

— Да ты не волнуйся. Там одна скуча смертная, я уже все забыла, — отмахнулась Шейн, словно это могло хоть сколько-нибудь сгладить ее полную невоспитанность.

— В будущем изволь избавить себя от унылого чтива и не ройся в моих вещах! — огрызнулась Фи.

Брови Шейн взлетели вверх, и Ненроа мысленно выругалась. Разозлившись, она показала больше, чем хотела. С усилием Фи сделала глубокий вдох.

— Спасибо, что не придала внимания.

Она уже пошла было к лестнице, но задержалась, положив руку на спинку стула Шейн.

— Ты со мной в озере никого не видела?

— Странный вопрос, — сморщила нос наемница.

Будто Фи этого не знала! Она потянула за косу, спутанную узлом на затылке Шейн.

— Я серьезно!

— Ладно... — проворчала северянка. — Нет, я никого не видела. Была странная вспышка света, потом ты вынырнула. С тобой точно все хорошо? — Она откинулась на спинку стула, пригвоздив Фи взглядом.

— Посмотрим.

Филоре без предупреждения отпустила стул Шейн, та едва не опрокинулась, разразившись проклятиями. Фи с ухмылкой направилась по высоким ступеням винтовой лестницы в башню.

Перед дверью мастерской на верхнем этаже она остановилась.

В круглом помещении повсюду царили стопки бумаг. Свернутые пачки листов кремового цвета были прислонены к стенам, на трех небольших письменных столах были расставлены всевозможные чернила и лежали все письменные принадлежности, какие только можно вообразить, — длинные перья хищных птиц соседствовали с короткими белыми перышками и шелухой сухого тростника.

На сером оловянном блюде валялись короткие угольные палочки. У дальней стены изящная винтовая лестница спиралью поднималась к люку на крышу. Весь пол покрывали наложенные друг на друга листы бумаги: на некоторых были странные символы, на других — плавные магические строки, Фи их узнала. Как большинство чародеев, Письмовник творил магию с помощью посредника — выводил замысловатые заклинания. *Скромные пожелания*, как назвал их колдун, когда впервые рассказывал о своих способностях. Фи — девчушке с широко распахнутыми глазами в огромной мастерской, полной шелестящих листов бумаги и перьев.

Ей хотелось, чтоб Письмовник владел могущественными чарами, как в старых сказках. Он опустился на колени и улыбнулся. «Магия во всем, — сказал колдун, — в растениях, в животных, даже в людях. У чародеев ее просто немного больше, чем у остальных. Заклинания позволяют использовать эту природную магию для

каких-то задач, но чем сильнее чары, тем выше риск непредвиденных последствий. Моя магия лучше всего справляется со скромными пожеланиями — заклинаниями-оберегами от болезней, для защиты от темных чар или просто чтобы все в саду цвело. Скромные пожелания».

Фи вошла в дверь, покосившись на бумажные фонарики ручной работы, которые свисали с потолка. Письмовник стоял у жаровни в центре комнаты, одетый в свою обычную белую мантию с серебристым поясом. На плечо свисала длинная прядь седых волос, перевитая голубой лентой со звенящим серебряным колокольчиком. Чародей держал горящие бумаги. Наклонившись, он подул на скрученные рулоны листы — огонь вспыхнул, вихрем поднялся пепел. Красные искры и обгоревшие клочки бумаги взметнулись вверх и вместе с дымом вылетели в трубу.

— Филоре, ты пришла постоять у порога и рассмотреть меня? — поинтересовался Письмовник, даже не повернувшись.

«Как он это делает?» — гадала Фи. Сколько бы чародей ни рассуждал о скромных пожеланиях, она давно подозревала, что тот способен на большее.

Фи смущенно откашлялась.

— Я не хотела мешать.

— Я уже закончил, — сказал хозяин, стряхивая пепел с ладоней и поворачиваясь к гостью.

Бледное лицо выглядело доброжелательным, он с мягкой улыбкой смотрел на Фи; хрустальная серьга поблескивала на свету.

Ненроа все утро думала о том, с чего же начать свой рассказ. Но в итоге ей и не пришлося ничего говорить. Письмовник подошел к ней, глаза его удивленно

распахнулись, он осторожно взял ее за руку, а потом раскрыл ладонь и увидел красный след, что вился на кончике ее пальца, словно нить.

— Это могущественные чары, — прошептал колдун и резко поднял взгляд на Фи, серьга его задрожала. — Во что ты ввязалась, милая?

Фи будто окаменела. Именно этого она *не* хотела слышать. Лучше бы Шейн и Письмовник просто над ней посмеялись, как бы это ни было унизительно! Она так надеялась, что все это ей привиделось. Фи постаралась успокоить нервы, что грозили захлестнуть с головой. Паника сейчас ничем не поможет. Нужно взять себя в руки.

— В одном старом замке я уколола палец костяным веретеном...

— Веретеном принца Шиповника. — Письмовник крепче стиснул ее руку.

— Наверное, да, — безжизненно согласилась Фи, заглянув в голубые глаза. — Знаю, это кажется невероятным, но вроде бы я видела его... Это что-то вроде проклятия?

Когда она произносила эти слова, левую руку Фи, которая была отмечена знаком Бабочки, пронзила боль. Насколько надо быть невезучей, чтобы оказаться проклятой дважды?

Письмовник вздохнул.

— Это не проклятие, Филоре, — сказал он, беря ее ладонь в свои руки. — Это то, на что все эти годы надеялись мы, потомки чародеев Андара. Это означает, что тебе суждено разбудить принца Шиповника.

— Мне? Не может быть! — Фи отпрянула, выхватывая руку. — И все из-за того, что я неосторожно обращалась с веретеном?

— Это веретено то же самое, о которое укололся принц, на него было наложено особенное заклинание, — поджал губы Письмовник. — Если ты видела принца Розоцвета, сомнений нет. Ты избранная.

— Нет! — запротестовала Фи и принялась с усилием тереть палец о брюки, будто нить могла исчезнуть. Когда-то она все бы отдала, чтобы самой стать частью истории, которую изучала, и увидеть своими глазами королевство Андар. Но как Фи могла спасти принца от проклятия, если сама не в силах от него избавиться? — Я не хочу!

Письмовник сочувственно на нее посмотрел.

— Вряд ли от этого что-то зависит, милая, — не громко сказал он.

— И все? Готово? Вот так просто? — Фи щелкнула пальцами. — Теперь я разбужу его поцелуем настоящей любви?

Во всех сказаниях, на всех gobelenах, в преданиях и сказках присутствовал *поцелуй настоящей любви*. Фи была недоверчива по природе и не относилась к этому всерьез. Даже если не обращать внимания на остальное, байка о принце явно преувеличена: с какой стороны ни глянь, но как можно влюбиться в крепко спящего?

— Такого заклинания нет, — с улыбкой ответил Письмовник. — Любовь и магия — это разные силы. Твое сердце — само себе хозяин, Филоре. Иногда поцелуй — это просто поцелуй.

Пульс Фи успокоился, однако это ничего не меняло. Она ведь не героиня, не авантюристка. И даже больше не кладоискательница.

— Я не та, кто вам нужен, — подытожила Филоре.

— Точно? — спросил Письмовник. — Возможно, если ты будешь двигаться к великой цели, это пойдет

тебе на пользу. — Он многозначительно посмотрел на ее руку, затянутую в перчатку. — Проклятие может легко тобой завладеть.

— Я справлюсь, — вымученно ответила Фи, сжала кулак и спрятала в карман.

Почему все так настырно лезут в ее дела?

Письмовник покачал головой.

— Уже больше года прошло, как ты обратилась ко мне за помощью. Я не раскрою твою тайну и не предам доверие, но хотелось бы, чтобы ты поделилась с кем-то бедой. Например, с родителями...

— Не надо, — предупредила Фи срывающимся голосом. — Только их в это не впутывай.

Письмовник строго на нее посмотрел.

— Так жить нельзя — ты пытаешься угробить себя, гоняясь за слухами о проклятии Бабочки, и держишь всех на расстоянии.

— Я же не отказываюсь сотрудничать с Шейн, — сказала Фи, отводя глаза.

Прочее отрицать было сложно. Попав под заклятие Бабочки, Филоре осталась одна и перестала заниматься поиском сокровищ. Долгие месяцы она училась жить заново, а потом столь же долго пыталась отыскать малейшие упоминания об этом проклятии. Сдаться она не готова.

— Поэтому мне нужно избавиться от него, — заявила Фи, показывая палец с отметиной веретена. — Ты поможешь? Пожалуйста...

Письмовник тяжело вздохнул.

— Связующие чары Священной Розы сильны. Но я попробую.

Повернувшись к рабочему столу, он разложил на поверхности темного дерева большой лист шелковистой бумаги. Закрыл глаза, перебирая перья, наконец

остановился на большом черном, которое, должно быть, принадлежало вороне или ворону. Письмовник обмакнул перо в пузырек чернил, отбросив прядь с серебряным колокольчиком за плечо, чтобы не мешала.

Опустив перо на бумагу, он обвел им широкую дугу, оставляя красный след. Руна оказалась чересчур сложна для Фи, тем более Письмовник начертал ее, не отрывая руки от листа. Последние штрихи были тонкими, словно нити, а когда чернила иссыкли, крючковатый кончик пера прочертил на бумаге борозду.

— Иди сюда, — сказал Письмовник, поманив Фи к очагу.

Она едва успела рассмотреть сложный символ с завитушками по краям, похожий на клинопись Священной Розы, как чародей бросил бумагу в огонь. Из жаровни вылетали искры и пепел, будто прилипая к рукам Письмовника, протянутым над пламенем.

— Дай ладонь, — велел чародей.

Фи с трепетом послушалась. Письмовник взял горящий лист и подул на него. Обугленные хлопья вспыхнули ярко-красным, а потом закружились, рассыпаясь над ладонью Фи. От неожиданной острой боли она вскрикнула. С кончика пальца снова закапала кровь, будто его только укололи. Огонь, окрасившись в ослепительно-белый, взревел, и штурмовая сила разбросала Фи и Письмовника в стороны.

Несколько секунд ушло на то, чтобы проморгаться от пятен перед глазами, а потом она увидела, что в мастерской царит хаос: чернильницы опрокинуты, прекрасные перья рассыпаны по полу. В воздухе кружились клочки бумаги и пепла. Несколько фонариков сморщились, будто обгорели.

У дальней стены без сознания лежал Письмовник.

— Боюсь, так легко разорвать нашу связь не удастся.
Фи обернулась. У нее захватило дух при виде золотоволосой фигуры, которая устроилась на ступеньках, что вели на крышу. Юноша небрежно облокотился на лестницу, синий бархатный плащ ниспадал, будто искрящийся водопад.

На ткани поблескивали пять серебряных пуговиц с гравировкой розы и шипов.

— За колдуна не переживай, — небрежно махнул в сторону Письмовника юноша. — Он просто спит.

Фи разрывалась на части. Ей хотелось самой проверить, как там чародей, однако ее заворожил юноша из озера и ее сна, внезапно показавшийся очень настоящим.

— Ты Шиповник Розоцвет, — еле слышно прошептала Фи.

Принц кивнул, синие глаза сверкнули, золотистые волосы упали на лицо.

— Но ведь это невозможно! — возразила Фи. — Ты должен спать в тайном замке Андара.

— Так и есть, — подтвердил он, опираясь подбородком на руку. — Кстати, так мило, что ты зовешь меня полным именем, но можешь обращаться ко мне просто — Шиповник. Розоцветами величают всех чародеев королевской крови.

Мысли в голове неслись вскачь, но любопытство было сильнее.

— А ты не из них?

— Я этого не говорил. — Юноша поднял руку — и маленькая белая искра перескочила с кончика одного его пальца к другому. — Я очень сильный чародей Света, и ты можешь звать меня как угодно, однако... — Он склонился вперед, заглянул Фи в глаза и поймал

ладонью искру. — Это чересчур официально для наших отношений, верно?

Вспомнив, какие мягкие у него губы, Фи попыталась побороть жаркую предательскую волну, ползущую по шее.

— И что это за *отношения*? — поинтересовалась она, скрестив руки на груди.

— Ты веришь в любовь с первого взгляда? — Шиповник улыбнулся то ли дразняще, то ли многозначительно, и в животе у Фи все перевернулось.

— Считаю ее крайне маловероятной, учитывая, что увидел ты меня впервые, когда я тонула и барахталаась.

Глаза принца зажглись.

— Зато ты впервые увидела *меня*, когда я спасал тебя из омута.

Повезло так повезло — встретила самого легендарного персонажа в истории, а он оказался любителем пофлиртовать.

— Это не считается, — решительно возразила Фи. — Мне бы не пришлось тонуть, если б не проклятое веретено, так что из-за тебя я и очутилась в воде.

— И не поспоришь! — рассмеялся Шиповник.

Грациозно поднявшись, он сошел по ступеням и встал перед Фи. Принц оказался высоким — в озере она этого не разглядела, — а еще стройным и, по всей видимости, великим магом. На губах у него играла улыбка, а сам он пьяняще пах розами. Фи прикусила губу изнутри, как Шейн, которая щипала себя за кожу, пытаясь прогнать морок. Увы, Шиповник не исчез; если Фи не ошиблась, то когда он спускался по лестнице, его плащ прошел сквозь резные перила.

Вдруг ее озарило.

— Ты призрак? — спросила Фи, очарованная и немного встревоженная. На древние легенды не всегда можно положиться. А вдруг спящий принц давно умер?

— Едва ли, — фыркнул несколько оскорбленный Шиповник.

Но Фи ему до конца не поверила. Она подняла руку и провела по его груди. Ладонь прошла насквозь, Филоре ничего не почувствовала — ни давления, ни изменения температуры, было лишь странное ощущение, будто ее слегка задел разряд электричества, оставшийся в воздухе после грозы.

Волоски у нее на руке поднялись дыбом, и Фи на пробу пошевелила пальцами.

Шиповник опустил взгляд на то место, где ее ладонь исчезала в его плаще.

— Слишком интимное прикосновение для человека, который так и не представился.

Ненроа быстро отдернула руку, и щеки ее обдало жаром.

— Меня зовут Фи, — рассеянно сказала она. — Ничего не понимаю. В озере ты был таким осозаемым. Я... ощущала тебя.

От воспоминаний ей стало не по себе, но она постаралась сдержаться.

— Я же говорил, я могущественный чародей. — Шиповник рассеянно повел рукой над захламленным столом хозяина. Пальцы прошли сквозь бумаги и письменные принадлежности, ни единое перышко не шелохнулось. — С помощью магии я являюсь пред тобой, точно так же, как спас тебя в озере. Хотя должен предупредить: это отняло почти все мои силы. Боюсь, пока не восстановлю их, не смогу тебе помочь.

— Помочь мне? — переспросила Фи. — Как?

— Разрушить заклятие беспробудного сна, конечно. — Он сделал шаг к Фи, и ей показалось, будто пламя в жаровне замерцало. — Ты ведь моя спасительница!

У Фи снова что-то неприятно сжалось в груди, она ощутила тяжесть ответственности, к которой совершенно была не готова. У нее полно своих проблем — и даже имеется собственное проклятие.

— Ты хоть понимаешь, о чём просишь? — хрипло возмутилась она.

— Просто пройди сквозь Терновый лес, отыщи путь в спящий замок и разбуди меня.

Он не сказал «*поцелуй*», но Фи услышала это слово так же громко, как если бы принц его прокричал.

— Увы, твоя информация устарела, — огрызнулась она. — Во-первых, мы сейчас в другом королевстве, Дарфелле. Андар наводнили охотники на ведьм. Даже если удастся не попасть им в лапы, пустоши вокруг твоего замка полны смертельных ловушек. Почти все, кто туда забредает, просто исчезают. И еще ни у кого не получилось пройти сквозь Терновый лес.

Еще в свою бытность кладоискательницей Фи пару раз думала попытать счастья — и не ради авантюры затеи снять проклятие, а из-за книг и потрясающих исторических находок, которые должны были сохраниться в заброшенном замке. В конце концов она решила, что это слишком опасно, — а ведь тогда Ненроа часто шла на риск во имя острых ощущений.

Брови принца сошлись в одну линию.

— Сколько именно я уже сплю?

— Сто лет, — откликнулась Фи и тут же пожалела, что немного не приукрасила: Шиповник так зажмурился, будто она врезала ему по лицу.

— Мне и правда казалось, что прошло много времени, — прошептал он. — Я знал, это были долгие годы. Но сто лет?.. — Шиповник поджал губы.

— Мне жаль, — чуть слышно сказала Фи.

Ей тяжело было смотреть на принца: слишком знакомым стало выражение его лица. Такое же было и у нее в ту ночь, когда ей пришлось под проливным дождем добираться до башни Письмовника. Она стояла у него на пороге растрепанная и промокшая до нитки, обреченная на проклятие, у нее ничего не осталось и некуда было пойти. Такое же лицо смотрело на Фи из зеркала, когда она отчаянно искала способ избавиться от метки Бабочки.

Проклятая девушка встречает проклятого юношу.

Будто начало поучительной сказки, которая плохо заканчивается для всех.

— Мне жаль, — решительнее повторила Фи. — Но я не та, кто может тебя спасти. Ты должен выбрать кого-то другого.

Из синих глаз принца пропала игривая искра. В свете пламени, что отбрасывало на его лицо странные тени, он казался смертельно серьезным.

— Это невозможно. Я тебя не выбирал — выбрало веретено. Мы связаны его магией.

Шиповник отошел на другую сторону жаровни, протянул к огню руку, и Фи увидела, что по среднему пальцу струится кровь. Но потом она поняла: у него нет никакой раны, это та же красная отметина, что и у нее самой. В неровном свете она будто мерцала.

— Мы связаны, Фи, — сказал принц, и она вздрогнула, впервые услышав свое имя из его уст. — В тот миг, когда ты проколола палец, заклятие беспробудного сна, что все эти годы сковывало меня своей властью,

немного ослабло. Вот почему я сейчас здесь. Но веретено принадлежит другой ведьме — той, что преследовала меня в кошмарах и разрушила мое королевство. Она тоже должна была почувствовать, что в ее верете пробудилась магия.

У Фи пересохло во рту.

— Великая ведьма, которая предала королей Андара.

Пламя в жаровне затрепетало и погасло, будто его задушил порыв холодного ветра. О злодейке Пряхе слагали бесчисленные легенды, ею пугали детей. Бежавшие из Андара рассказывали о ее гибельной власти: что она может управлять трупами животных, отнять жизнь чародея своими золотыми нитями, что летает на стае ворон — они ее шпионы и фамильяры. А самое главное — она была почти бессмертна. Столетие назад Пряха исчезла в руинах Андара, и некоторые осмеливались надеяться, что это к лучшему. Но вдруг все это время ведьма просто скрывалась в павшем королевстве, выжиная своего часа?

Впервые Фи ощутила страх. У башни Письмовника на деревьях сидели птицы — обычные ли это сойки и малиновки или нечто более грозное под их личиной? Фи только и помнила взмах темных крыльев.

— Она будет искать меня, — сказал Шиповник. — И тебя — как девушку, которой суждено разрушить чары. Единственный наш шанс — снять заклятие до того, как она нас найдет.

— Говоришь, у меня нет выбора... — Слова гулко отдавались у нее в ушах.

Фи хотелось спорить, пока не найдется лазейка, но она слишком часто имела дело с магией и понимала: ее нет. А раз нет выхода, значит, нужно покончить с этим как можно скорее.

— Тогда я направляюсь в Андар.
— Я буду все время рядом, — пообещал Шиповник.

Фи предпочла бы обойтись без него.

— Может, мы просто встретимся на месте? — с надеждой предложила она.

— И ты лишишь меня возможности узнать тебя получше? — Шиповник снова немного повеселел. — Ты ведь, как-никак, собираешься меня поцеловать. Кстати, это будет мой первый поцелуй.

Фи бросила на него взгляд, вспоминая события в озере. Шиповник рассмеялся, словно подумал о том же.

— Мой настоящий первый поцелуй. Кроме того, это судьба. Я годами — *сотню лет* — мечтал о тебе, ожидая, когда наступит тот миг, когда я смогу в тебя влюбиться.

— В судьбу я тоже не верю, — отрезала Фи, подавив легкую дрожь, которая прокатилась по спине.

Она уже поняла: принц — ловелас, и злилась на себя, что позволила ему себя задеть.

Шиповник изогнула губы в странной полуулыбке.

— Ты не веришь в судьбу, не веришь в любовь с первого взгляда. А во что ты веришь?

Фи прикусила губу, пока не ляпнула то, о чем потом пожалеет, — не щадя чувства принца, просто боясь признаться, что когда-то верила во все это, пока ее веру не разбил юноша, почти такой же прекрасный, как Шиповник Розоцвет. Больше подобной ошибки она не допустит.

— Ясно, — кивнул принц, когда Фи не ответила. Склонив голову, он шагнул к ней. — Тогда придется убедить тебя, правда? Убедить, что любовь и судьба существуют.

Внезапно он вдруг снова превратился в того парня из озера — загадочного и ослепительного; Шиповник подошел так близко, что аромат роз едва не задушил Фи.

— Если я прав и мы с тобой *предназначены* друг другу судьбой, тогда мы полюбим несмотря ни на что. Я не скажу ни слова о *любви*, пока ты не заговоришь о ней первая. Если же права ты, тогда мы просто поцелуемся и пойдем каждый своим путем.

— Похоже, в любом случае у меня нет вариантов.

— Ну, ничего дороже любви принца я предложить не могу, — пошутил Шиповник. — Но в награду за спасение я подарю тебе любое сокровище Андара, какое ты пожелаешь.

Возможности были безграничны. Наверное, Шиповник воображал, что Фи потребует бесценных украшений или золота, но она могла попросить редкую книгу заклинаний какого-нибудь тайного магического ордена, о которых упоминалось лишь в древних сказках, или легендарную «Историю Андара» в кожаном переплете. Говорят, в ней сорок томов. Или еще лучше... магический предмет, который поможет разрушить проклятие и снять метку Бабочки.

Фи еще помнила последнюю страницу в своей книге сказок: под голубым небом высится белоснежный замок, окруженный розами. «В тот день, когда заклятие будет разрушено, Терновый лес рассыплется в пыль, которую словно песок унесет ветер, жители замка очнутся от зачарованного сна и восстанут древнее королевство чародеев». Неизвестно, что из этого случится на самом деле, а что — лишь выдача желаемого за действительное. Но если легенда о Шиповнике Розоцвете гласила правду, может, и остальное сбудется.

— Так мне всего-то и нужно поцеловать тебя, и тогда целое королевство вернется к жизни? — спросила Фи.

— Боюсь, над этим не властны даже твои очаровательные губы, — подмигнул ей принц. — Освободить мое королевство можно, лишь по-настоящему уничтожив Пряху. Но прежде чем замок погрузился в сон, Великие ведьмы старались одолеть ее. Разрушь проклятие, и сердце Андара забьется вновь — все ведьмы сбросят оковы сна и примут бой, а там не за горами и поражение Пряхи. И все начнется с тебя, Фи. — Принц выпрямился и наградил ее кривой улыбкой, сложив руки за спиной. — Решись на это ради спасения королевства или сокровищ... Или чтобы доказать мне, как я ошибаюсь насчет судьбы.

Фи прикусила губу.

— А как насчет всего вышеперечисленного? — язвительно поинтересовалась она.

Фи поклялась больше никогда не влюбляться. Пускай принц красив и считает себя неотразимым — пусть он даже окажется могущественным чародеем, — Фи больше не полагалась на решения сердца. Только на свой ум.

— Да уж, работы мне тут хватит, — улыбнулся Шиповник. — Увы, мои силы на исходе. Но я буду рядом.

— Что это значит? — У Фи мелькнуло нехорошее подозрение.

Принц пожал плечами.

— Отныне мы связаны. Когда ты будешь бодрствовать, я смогу тебе являться. Или тебя, спящую, занесет в мой сон. — Он сделал волнообразное движение пальцами и исчез в вихре бархатного плаща.

Фи отмахнулась от предчувствий. Что бы ни говорил Шиповник о судьбе, она отказывалась верить в незримые силы, которые повелевают людьми против их воли. Филоре сама будет принимать решения, нужно лишь *не* влюбляться. Это ведь несложно?..

Глава 7

Шейн

Откинувшись на стуле, Шейн сидела за столом и слизывала остатки варенья с расписанной маргаритками тарелки. Она вполглаза следила, как Фи рассовывает припасы по седельным сумкам, а Письмовник донимает ее вопросами, все ли готово для путешествия. Шейн фыркнула. Она-то точно знала: ничто в этой ветхой башне не могло подготовить Фи к тому, куда та направлялась.

Наемница все еще не в силах была опомниться от того, что поведала напарница, спустившись по лестнице. Только Филоре Ненроа могла хладнокровно рассказывать, что ее преследует призрак принца, а она стала героиней, которой предназначено избавить Андар от векового проклятия.

Шейн бы решила, что все это шутка, да только позади Фи стоял Письмовник, прижимал холодную влажную тряпку к огромной шишке на голове и глубокомысленно кивал. Все предприятие казалось по-настоящему опасным, не говоря уж о том, что поистине самоубийственным. Шейн никак не могла отделаться от одной мысли: ох и вовремя они покончили с сотрудничеством!

Вот почему она не прислушивалась к стуку каблуков Фи; та взвалила сумки на плечо, попрощалась с Письмовником, и вскоре дверь со щелчком захлопнулась за ней.

Последовавшая тишина оглушила. Шейн даже не повернулась, она и без того знала, что Письмовник неодобрительно таращится на нее, хмуря брови. Затылок от его взгляда так и жгло.

— Ты и впрямь позволишь ей уехать одной?

Шейн качнулась вперед, ножки стула с грохотом ударились об пол.

— Не мое дело. И я не настолько глупа, чтобы в это вляпаться.

Она потянулась за яблоком, но Письмовник выхватил блюдо с фруктами и убрал подальше. Шейн надулась. Эти чародеи такие лицемерные, любят всех порицать!

— Она явно не нуждалась в компании, — заявила наемница.

Рассказ Фи не изобиловал подробностями; Шейн казалось, если б Ненроа решила, что может улизнуть из башни ничем не делясь, она бы оставила все в тайне.

— И вообще, я отдала ей лошадь. Совершенно даром!

— Едва ли это можно назвать честной сделкой. — Письмовник поставил блюдо и махнул на переполненную поклажу Шейн. — У тебя — куча сокровищ, а что получила твоя напарница? Купание в озере, поддержанную лошадь и огромный груз, который ты решила позволить ей тащить в одиночку.

Шейн неловко поерзала на стуле. Она совсем забыла о шайке охотников на ведьм, в чьем списке теперь оказалась и Фи. Завтрак в желудке вдруг стал тяжелым, словно камень.

— Она не просила помощи, — проворчала северянка.

— Полагаю, тебе никогда не приходилось получать помощь, о которой ты не просила, — хмыкнул Письмовник.

Голос прозвучал тихо, но чародей пристально взирал на Шейн.

Та вцепилась пальцами в свой плащ. Даже в залитой солнцем кухне Письмовника легко вспомнились события полуторагодичной давности: как она сидела на задах шумной таверны в западном Дарфелле. Под глазом красовался синяк, Шейн таращилась на объедки на чеканной жестяной тарелке. Так низко она, похоже, еще не опускалась.

На ужин наемница выбрала такие дешевые ребрышки, что не удивилась бы, если б ей подали крысу. Хотя все равно заплатить больше Шейн не могла — не хватало денег. Осталось всего два медяка. У нее и было только потрепанный рюкзак с заплатанной одеждой да топор, поблескивающий у ног. Она вынула его из ножен: Шейн не такая глупая, чтобы оставаться невооруженной в подобном месте.

Пьянчуги толкались и перекрикивали друг друга, а один из парней за стойкой определенно не сводил с нее глаз.

Возможно, им случалось видеться, когда Шейн работала телохранителем у нечистого на руку торговца. Тот держал игорные дома в столице и нуждался в ком-то, кто разбивал бы чужие головы, если клиентура не могла платить по счетам. Или еще раньше, когда Шейн охраняла склад с яблоками и зерном, пока на соседней улице дрались за объедки. Сложно сказать. Очутившись в Дарфелле, Шейн делала многое, чем вовсе не гордилась.

Она с наслаждением шмякнулась головой на стол. Там, в таверне, среди смрада пролитого вина и немытых тел, сложно было не думать о том, на каком дне очутилась.

Пятнадцать долгих лет Шейн сопротивлялась своему предназначению — быть наследницей Военного вождя. Пятнадцать лет не оправдывала отцовских ожиданий. Пятнадцать лет смотрела, как Шейдена не замечают и оттесняют в сторону. Для отца тот по-прежнему оставался лишь запасным вариантом. Из них двоих она была лучшим воином, но Шейден обошел ее в остальном: в искусстве управлять народом, переговорах, знании законов, и оба они это понимали. Но традиции гласили, что трон принадлежит первенцу Военного вождя, а их отец был не из тех, кто нарушает традиции. Если не лишить его выбора.

Так Шейн и поступила. Покинула Рокриммон, отреклась от права первородства, пробралась на торговый корабль и отправилась строить новую жизнь куда-то в другие края. Вот только вышло все не так, как она ожидала.

Она побродила по Писарру — королевству у моря, потом направилась в Дарфелл. Шейн была уверена, что сможет пойти в наемники и так зарабатывать на жизнь. Но там это означало совсем иное, чем дома. В убогих приграничных городках наемники были просто головорезами, которым платили за кровавые побоища, пока их клиенты обстряпывали в подворотнях темные делишки. И повсюду ходили слухи об охотниках на ведьм, которые сулили золотые горы любому подонку, не отягощенному совестью. Не такой жизни Шейн искала.

Кто-то ударил по ее столу, и в распухшую щеку врезался твердый деревянный край. Она подняла голову,

невидящим взглядом уставясь в пустую тарелку. Никогда ей не вернуться на острова Несокрушимых. От нее давно отреклись, она стала позором клана Рагналл, мантию наследника передали Шейдену, как и должно. Даже если признать поражение и покончить с домом, дорогу оплатить нечем.

— Какой жалкий вид.

Шейн резко обернулась и с удивлением обнаружила улыбающегося незнакомца в белой мантии. Весь его облик — от мерцающей хрустальной серьги до дружелюбных голубых глаз — кричал, что ему не место в грязной таверне. Если у него еще не обчистили карманы, выпотрошат в следующей подворотне.

Письмовник вежливо посторонился, когда какой-то пьяница, держась за живот, помчался к двери.

— Ты — Шейн, наемница?

— Если не собираешься меня нанять, проваливай, — проворчала она.

Он засмеялся.

— Как раз хочу нанять. Я искал кого-то с твоими способностями.

Шейн развернулась так быстро, что ударилась локтем об стол.

— Для чего? — огрызнулась она. Северянка была по горло сыта той забегаловкой, незнакомцем и всем королевством в придачу. — Кто-то должен тебе денег? Хочешь, чтоб я вздула кого-нибудь, стащила что-то для тебя, сломала пару коленок?

— Ничего столь омерзительного. — При мысли о подобном Письмовник даже побледнел. Он наклонился и тихо проговорил: — У меня довольно много друзей. Иногда они попадают в неприятности с разными... темными личностями.

Шейн готова была поклясться, что он украдкой покосился на незнакомцев в черных плащах у бара.

— Я ищу кого-то вроде тебя, кто поможет им выпутаться.

— Я дорого беру, — схитрила Шейн.

Письмовник прищурился, будто разгадал ее уловку.

— Я хорошо заплачу, — кивнул он, — при необходимости у тебя будет жилье и бесплатная еда, а еще ванна, — добавил чародей, поведя носом. — Может, это не так захватывающе, как твои прочие заказы, зато не придется идти на сделку с совестью.

Письмовник протянул ей ладонь, широкий рукав всколыхнулся, будто от ветра. На какой-то миг Шейн показалось, что она снова может дышать.

И все же наемница держалась спокойно.

— Почему ты мне это предлагаешь?

— Потому что у меня есть что предложить, — не задумываясь, ответил он, его глаза сияли. — Кто способен отвернуться от попавшего в беду?

Воспоминания растаяли, но слова Письмовника все еще звенели в голове Шейн. Она вдруг поймала себя на том, что смотрит на пыльную шляпу Фи, забытую на столе. Чародей по-прежнему с укоризной взирал на нее. Шейн застонала. Она поднялась, вздохнула и взвалила на плечо небольшой дорожный рюкзак.

— Ладно. Ладно! Но ты требуешь от меня слишком много, поэтому после мы будем полностью квивты.

Письмовник лишь улыбнулся. Шейн ногой пихнула сумку с сокровищами под стол.

— Они по-прежнему мои! — бросила она через плечо, схватила шляпу и направилась за лошадью, в сердцах пнув по дороге к выходу капусту чародея.

Фи не успела уйти далеко. Когда Шейн подошла к ограде, Ненроа как раз отвязывала бурого мерина с большими черными глазами, нежно с ним разговаривая и поглаживая его белую гриву. Фи увидела Шейн, подозрительно на нее уставилась, и ласковая улыбка растаяла.

— Ты кое-что забыла, — заявила наемница, бросив Ненроа шляпу.

— Спасибо, — отозвалась Фи.

Лицо у нее все еще было кислое, будто она сосала лимон. Шейн, стараясь сохранить невозмутимый вид, привалилась к облупившемуся столбу ограды, хотя вторая, меньшая по размеру, лошадь фыркала ей в волосы.

— Я тут подумала...

— Я только пять минут как вышла, что ты там успела надумать, — проворчала Фи.

Шейн не обратила внимания на колкость.

— Может, и мне следует с тобой поехать.

Фи перестала гладить лошадь и повернулась к Шейн.

— Со мной? — переспросила она. — Разве я не объяснила, насколько опасным будет путешествие?

— А еще намекнула на то, что можно стать героем, — отозвалась Шейн. — Андар был весьма богат. Похоже, за его спасение неплохо заплатят.

— Один заказ, и мы разойдемся каждая своим путем — таков был договор, помнишь? — выплюнула Фи.

— Да, но сдается мне, заказ выполнен не до конца, — парировала Шейн. Она оседлала вороную лошадь, сменила веревку на узечку и привязала свою поклажу. — Не выношу бросать дело на полпути, а тебе, кажется, не помешает, если кто-то будет прикрывать твою спину.

Шейн заподозрила, что Фи вовсе не так спокойна и хладнокровна, как хочет показать. Она протянула ей руку.

— Так что скажешь? Напарники?

Фи смерила ее долгим взглядом, затем закатила глаза и взобралась на лошадь.

— Полагаю, остановить тебя все равно не выйдет.

— «Ух ты, здорово, Шейн! Спасибо!» — проворчала северянка и взлетела в седло. — «Что бы я без тебя делала! Благодарю сердечно, что ты по доброте душевной решила сопровождать меня в этом нелегком пути».

«Остановить тебя все рано не выйдет» — не тот ответ, на который рассчитывала Шейн, но она привыкла заканчивать начатое. Если уж присоединилась к Фи, они будут напарниками до конца, а напарники прощают колкости и неблагодарность.

Они потрусили рысью, спустились с холма и поскакали вдоль сада Письмовника. Шейн заморгала, когда Фи повернула от солнца.

— Разве Андар не в другой стороне? — спросила наемница, махнув куда-то на восток.

— Попасть в Андар можно только через контрольный пункт на границе, а туда лучше не соваться без пропуска, — не слишком-то терпеливо объяснила Фи.

— «Пропуска»? — Шейн никогда не обращала внимания на скучную бюрократию вроде получения разрешения на собственные действия. — А разве его не стражи границы дают?

Это смахивало не на приключение, а на напрасную тратау времени, которое уйдет на лобзание напыщенных дворянских зад... ботинок.

— Обычно да, — подтвердила Фи.

Шейн хрустнула костяшками пальцев.

— Ну мы-то торопимся, правда ведь? Предлагаю найти какого-нибудь завалящего кладоискателя или наемника с пропуском и *одолжить* у него документы. Силой.

— Гениально, — сухо отозвалась Фи, — вот только этот наемник сообщит о нас стражам границы, и, когда мы попытаемся вернуться в Дарфелл по *краденым* пропускам, нас арестуют. И что же мы будем делать?

Шейн сморщила нос.

— Зададим трепку стражам?

— Миленько. Если тебе все равно, предпочту план, по которому никого не арестуют, — отрезала Фи. — Род Ненроа из стражей, поэтому у нас есть постоянный пропуск. Мои родители хранили его в нашем доме в Приюте Ворона.

— А ты не могла с этого начать? — фыркнула Шейн.

Фи снова закатила глаза и пришпорила лошадь.

Цокнув языком, наемница поторопилась следом.

— Ну и ладно. Ты такая командирша... — Филоре бросила на нее пронзительный взгляд, и северянка передумала: — Командуешь — ты!

Башня Письмовника гнездилась в горах к северо-востоку от Ведьминой Шкатулки. Даже верхом до места они добрались только глубокой ночью, поднявшись на вершину холма и увидели Приют Ворона. Фи поздний час, казалось, совершенно не смущал. Да и посоветоваться с напарницей насчет многочасовой поездки без передышки она не соизволила. Теперь-то Шейн вспомнила, как мало Ненроа заботилась о нуждах других, и уже сомневалась, не зря ли согласилась продолжить сотрудничество.

На окраине города спешились. Шейн еще не видела Приют Ворона таким вымершим. Даже «Серебряный

барон» закрыл на ночь ставни; качающаяся вывеска таверны поскрипывала, кладоискательницы, ведя лошадей в поводу, пробирались по улицам, затянутым густым туманом.

Волоски на затылке у Шейн встали дыбом, она резко остановилась и оттащила Фи в тень. Тишину нарушило эхо бегущих в тумане шагов, и вскоре показались три темные фигуры. Шейн будто окаменела. Туман скрывал облик, но эти черные плащи она узнала бы где угодно.

— *Охотники на ведьм!* — прошипела она и потянулась за топором.

— Постой, — поймала ее за рукав Фи.

Охотники передвигались скрытно, определенно не желая нарваться на драку, хотя Шейн была бы не прочь помахать топором. Они сгрудились под окном таверны, постояли, а когда отошли, на стене остались помятые желтые листки. Новые объявления, развешанные прямо среди улицы. К утру их сорвут, но к тому времени кое-кто из местного сброда успеет прочесть.

Они решили подойти ближе, чтобы взглянуть на объявления; Шейн одолело дурное предчувствие. Но все оказалось даже хуже, чем она представляла. Стиснув зубы, наемница ткнула в листок, что висел прямо на уровне глаз.

— Поверить не могу! — рявкнула она, уставясь на собственное лицо на карикатуре охотников.

По крайней мере, Шейн думала, что там изображена она. На листовке красовалось ее имя, но коряво выведенная фигура на нем смахивала на злобного кренастого троля.

— И я! — выдохнула Фи. — Никогда не видела столь высокого вознаграждения за сведения.

Сведения?

Шейн снова бросила взгляд на листовку. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что охота идет не только за ней. Рисунок сопровождался посланием, обещающим непристойно громадную кучу денег за вести о местонахождении кладоискательницы Шейн и ее неустановленного спутника, предположительно — мага Света. Рядом был нечеткий рисунок, просто силуэт девушки с короткими волосами. Похоже, личность Фи пока оставалась загадкой, однако это не продлится долго, если сулят такое вознаграждение.

Вид у Филоре был глубоко обеспокоенный.

— Откуда они знают, что Шиповник — маг Света?

— Жаль тебя разочаровывать, но все, кто находился поблизости с горой, видели свет, вырвавшийся из озера. Я покажу тебе кое-что похуже. — Шейн сорвала листовку с изображением рассерженного тролля и замахала ей перед лицом Фи. — Это совсем на меня не похоже!

Охотники станут преследовать какую-то злобную старую коротышку, а она, Шейн, даже не насладится тем, что первой расквасила Тавиану нос.

— Это, по-твоему, хуже? — Фи покачала головой. — Пошли, опасная преступница. Нам лучше убраться с улицы.

Ненроа двинулась вперед, а Шейн, съежившись в своем плаще, поплелась следом. Она была немного уязвлена, но все же, не удержавшись, присвистнула, когда они остановились перед большими железными воротами. Кладоискательницы привязали поводья лошадей к ограде.

На первый взгляд дом был не похож на особняк богачей, но, наверное, в городе, где полно бродяг и смутьянов, это только плюс. Он высился на два этажа, как соседние здания, материалом постройки

служили камень и дерево, узкие окна были забраны решетками от взломщиков. Выдавали мелочи: аккуратно посаженный в маленьком дворике люпин, отполированный дверной молоток и отлично смазанные петли ворот, которые даже не скрипнули, когда Фи их открыла.

Приглядевшись, Шейн увидела, что решетки на окнах искусно выкованы в виде свитков. Семья Ненроа вложила в свой дом много труда и денег.

Она уже направилась к парадной двери, но Фи схватила ее за плечо и развернула в сторону.

— Не туда. Проще пройти сзади.

Странно.

Разумеется, Шейн — опасная преступница, но ведь она стала ей всего пять минут назад. Жители еще даже не успели проснуться и увидеть листовку.

И все же северянка помалкивала, пока они пробирались через колючие кусты на задворках дома. Наконец напарницы остановились под балконом второго этажа. Фи сняла веревку с пояса, медленно раскрутила железное кольцо, оценивая расстояние для броска.

— А я-то думала, что ты имеешь в виду заднюю дверь, — заявила, скрестив руки на груди, Шейн.

— Там есть дверь, — пожала плечами Фи.

Наёмница подняла взгляд на ту самую дверь из полированного дерева с тремя вставными панелями из скошенного стекла.

— И многие гости попадают к вам в дом этим путем?

— Говорю, так проще, значит, проще, — не отступала Ненроа, хотя Шейн заметила, что мочки ушей у нее порозовели.

Фи бросила кольцо, оно беззвучно скользнуло в узкий проем балконных перил и три раза обернулось

вокруг балясины. Ненроа потянула за веревку, та держалась крепко.

— Доверься мне, ладно? — Она посмотрела на Шейн и стала подниматься, мастерски цепляясь за шнур носками ботинок и переставляя руки.

— Сомневаюсь, что мы еще можем доверять друг другу, — сквозь зубы проворчала Шейн. Но пришлось оставить все как есть, ведь нужно было предельно сосредоточиться, чтобы вскарабкаться наверх с тяжелым топором за плечами и в сапогах с толстой подошвой, которая скользила по волокнам веревки. Шейн сделала зарубку на память: сменить обувь перед тем, как в следующий раз нанести визит к Ненроа.

Когда наемница, пыхтя и отдуваясь, добралась до балкона, Фи уже стояла у двери. Она подергала бронзовую ручку и — что бывало крайне редко — выругалась.

— Ее никогда не запирали! — пробормотала Фи лоре, оглядывая дом.

— Может, устали от гостей, которые валялись им на голову с балкона? — предположила Шейн, массируя натертые веревкой руки.

Фи не обратила на нее внимания.

Некоторое время она с хмурым видом осматривала дверь, разглядывая замок, будто сложную головоломку. Затем отошла и ударила локтем в стекло на створке, выбив с грохотом всю панель.

Шейн фыркнула.

— Да уж, так точно проще.

— Тише, — шикнула Фи, будто ничего и не ломала.

Она просунула руку в темную дыру и пошарила там. Дверь со щелчком открылась, за ней лежал толстый ковер с орнаментом, на котором мерцали осколки. Фи

скользнула внутрь, и ее силуэт мельком отразился в стекляшках.

Шейн уже начала сомневаться, действительно ли дом принадлежит Ненроа, или Фи решила стащить пропуск у какого-нибудь незадачливого дворянина. Однако напарница отлично ориентировалась в темном коридоре: она взяла пару свечей из узкой ниши в стене и ловко увернулась от угла приставного столика, который впился в бедро Шейн.

Фи зажгла свечи от маленького фонаря и нырнула в проем двери; огонь озарил комнатушку столь захламленную, что Шейн поразилась, как они в ней поместились.

— Это кабинет родителей, — сказала Фи.

— Кабинет? — переспросила Шейн. — А смахивает на лавку старьевщика.

Вокруг от стены до стены тянулись книжные полки, заполненные странными предметами — от древних кинжалов и урн с отбитыми ручками до плетеной корзины, доверху полной камней со спиральной гравировкой. Шейн едва не споткнулась о подставку для зонтиков, набитую картами, каждый пожелтевший свиток был высотой с нее саму. Казалось, здесь можно похоронить кого-нибудь заживо, и никто этого не заметит.

Фи пробралась к обшарпанному столу и принялась выдвигать ящики, будто решила все выбросить.

— Ничего, — вздохнула она. — Проверь стол в хранилище дальше по коридору.

— Напомни-ка еще раз, что я ищу?

Не все выросли в семье известных историков.

— Деревянный жетон примерно такого размера. — Фи показала руками квадрат. — С одной стороны выжжена печать Хранителя границы, с другой — имя Ненроа.

Шейн с усилиями выбралась из кабинета, едва не прихватив с собой вешалку, которая впилась ей в волосы. Ненроа махнула налево, и северянка направилась в ту сторону по коридору; толстый ковер заглушал шаги. Она гадала: почему Фи вломилась в собственный дом? О том, кто зажег фонари в нишах, Шейн старалась не думать.

Она уже нашла дверь хранилища, как вдруг что-то привлекло ее внимание. В конце коридора поблескивала от огонька свечи картина, в тусклом свете цвета словно дрожали. Шейн задержалась рядом. Перед садом стояли мужчина и женщина, положив руки на плечи худенькой девочки. Дарфелл населяли самые разные люди, многие могли похвастаться темными волосами и загорелой кожей, как семья Ненроа. У мужчины с портрета на носу сидели очки в тонкой оправе, а длинную косу женщины украшали жемчужные шпильки. *Дом и Лилия Ненроа* — Шейн запомнила их имена по корявой подписи на конверте, адресованном Фи.

Та не слишком-то походила на родителей, но у всех троих были одинаковые улыбки, не говоря уже о стопке пыльных книг у каждого. Шейн с облегчением поняла, что вломились они все-таки в особняк Ненроа.

Но чувство это не продлилось долго. Едва она начала рыться в столе, как вдруг к ее спине прижалось что-то острое и холодное. Шейн застыла — ощущение от кончика арбалетной стрелы она знала слишком хорошо.

— А ну-ка перестань, ворюга, и медленно повернись!

Шейн ужасно хотелось надавать пощечин себе, а лучше Фи. Но поскольку напарница была вне досягаемости, северянка послушно повернулась с поднятыми ладонями и увидела бледную старуху с жидкими

седыми волосами. Морщинистые руки крепко сжимали арбалет. Шейн легко могла бы ее одолеть, но ведь они *вроде бы* ничего плохого не делали, к тому же не хотелось быть в ответе за переломанные старушечьи ноги. Да и вообще, с такого расстояния даже трясущиеся руки не промахнутся.

— Хорошо, — сказала Шейн. — Согласна, выглядит все неважно. Но я не воровка.

— Кто ж еще станет рыться в вещах лорда посреди ночи? — отрезала домоправительница.

— Ну да, я рылась, но... — Наемница поняла, что от переговоров толку не будет, и покосилась на дверь. — Фи! Помоги!

И это едва не оказались ее последние слова. Старуха двигалась невообразимо быстро, у Шейн перехватило дыхание, когда костлявая рука сцепила ее за воротник и удивительно сильно дернула.

— И как я не поняла, что у тебя есть сообщники! — прошипела домоправительница.

— Стой, Нина!

Хватка на шее исчезла, старуха развернулась с арбалетом наготове. Потом оружие с грохотом упало на пол, и глаза домоправительницы вспыхнули от радости.

— Леди Филоре! Сколько же мы не виделись!

Мегера внезапно превратилась в милую старушку, которая бросилась в объятия Фи так, что подол платья взметнулся за ней следом. Филоре терпеливо снесла ласки, но через несколько секунд неловко похлопала Нину по спине, давая понять, что пора ее отпустить.

Старушка отступила.

— Вы меня напугали. Я не слышала, как вы и... ваша подруга стучали в дверь. — Нина бросила на северянку недоверчивый взгляд, который та с превеликим удовольствием вернула.

— Это моя напарница, Шейн, — сказала Фи, подходя к ней, и сообщила так, будто это все объясняло: — Мы очень спешили.

— Ну, раз уж вы так говорите... — кивнула Нина, хотя, похоже, совершенно в это не поверила.

— Нам нужен пропуск через границу, — торопливо продолжила Фи. — Он здесь?

Нина нахмурилась.

— Ваши родители забрали его в главное поместье несколько недель тому назад, когда поехали в Айделвайлд на лето. Вы не знали? Леди Лилия собиралась вам написать.

— Немного не успеваю получать почту, — нехотя призналась Фи.

Шейн потерла шею, поражаясь, что же заставляет Филоре так изворачиваться. Она успела сунуть нос в одно из посланий Ненроа в башне Письмовника — там была лишь обычная болтовня о саде леди Лилии, о большой экспедиции, которую они планируют, с завуалированным приглашением присоединиться. Шейн не заметила в тех строчках ничего такого, что могло заставить умчаться, поджав хвост. Она откашлялась, не упустив из вида, как домоправительница покосилась на свой арбалет.

— Знаешь, Айделвайлд ведь в предгорьях. Нам по пути. Можем и заскочить ненадолго.

Если бы взгляд мог убивать — тот, которым Фи пригвоздила Шейн, — наемница бы уже была мертва.

Нина от радости ахнула, вцепившись в подол платья.

— Ваши родители очень обрадуются...

— Нет! — прозвучало слишком громко и резко в мертвенной тишине дома.

Шейн уставилась на Фи. Та взяла себя в руки и натянуто улыбнулась Нине.

— Как я уже упоминала, мы торопимся. К тому же это не так уж важно.

— О чём ты... Ох! — Шейн задохнулась, когда Фи ударила её острым локтем под ребра. — Точно, — пробормотала наемница. — Я ошиблась.

Домоправительница озадаченно переводила взгляд с одной на другую, но наконец, похоже, сдалась.

— Но вы же останетесь хотя бы на ночь? Я приготовлю вашу комнату.

Старушка так смотрела на Фи, что Шейн вдруг задумалась: наверное, Нина присматривала за особняком еще в ту пору, когда Филоре была маленькой девочкой, как на картине, где ее лицо озаряла легкая улыбка.

Фи покорно вздохнула.

— Останемся. На одну ночь.

Похоже, это успокоило Нину, и она поспешила вглубь дома, довольная, что добилась небольшой уступки. Шейн и сама обрадовалась — ведь можно будет переночевать в мягкой постели. Однако стоило домоправительнице исчезнуть из вида, Фи обратила на напарницу разгневанный взгляд.

— Мы и близко не подойдем к дому моих родителей. Не лезь не в свое дело.

Удивленная Шейн шагнула назад, но вскоре вновь обрела дар речь.

— Прости. А разве не ты сказала, что главное — раздобыть пропуск, ведь без него мы никуда не сможем отправиться?

— Я знаю место, где еще можно его достать, — процедила сквозь зубы Фи. — Просто не лезь в это дело и не упоминай больше при Нине моих родителей. Или наше путешествие. Или даже принца Шиповника! И вообще помалкивай. Пойду отведу лошадей на конюшню.

Она развернулась и вылетела из комнаты; пламя свечи яростно затрепыхалось, когда Фи пробегала мимо.

— Доверие работает в обе стороны, знаешь ли! — крикнула ей вслед Шейн.

Ответа она не ожидала. Да уж, с такой напарницей, как Фи, с ответами всегда напряженка.

Глава 8

Фи

Фи смяла письмо и рассеянно уставилась в окно. Она сидела на краю кровати с балдахином, на которой столько ночей провела в детстве. Мягкие кремовые занавески наверху стягивал серебряный обруч, а внизу они были собраны вокруг четырех высоких столбиков. Комната будто застыла во времени.

Она помнила каждую книгу на полке, каждую безделушку, привезенную из семейных путешествий. В ящиках комода все еще лежала ее старая одежда, даже те вещи, что Фи не носила годами. Ее родители постоянно переезжали с места на место, гоняясь за слухами обо всех еще неизведанных развалинах и великих исторических памятниках, так что и свои-то пожитки редко перебирали.

Пройдут годы, и особняки рода Ненроа сами превратятся в памятники археологии, где станет копаться какой-нибудь нездачливый потомок. Но это будет не Фи.

Сожалея, что так грубо обошлась с письмом, Филоре развернула бумагу, положила на плотное покрывало и разгладила складки.

Письмо ничем не отличалось от тех, что она получала раньше, крохи новостей, описанных красивым почерком матери: о белках Айделвайлда, совершающих набеги на грядки с помидорами, об отце, который отрастил уродливые усы и отказывается сбивать.

Фи живо представила себе их ссоры — родители быстро вспыхивали, быстро мирились и были почти влюблены в чудесное новое место, которое для себя открыли. Письмо заканчивалось, как и обычно:

Когда ты приедешь домой, Филоре? Мы с папой очень скучаем по тебе.

Она думала: эти слова больше не в силах ее ранить; но здесь, в детской спальне, в окружении прежней жизни, Фи поняла, что от них трудно просто отмахнуться.

Прошел год с тех пор, как она последний раз виделась с родителями — самый длинный год в ее жизни. Из Филоре Ненроа, лучшей кладоискательницы в Дарфелле, она превратилась в ничтожество, которое прячется по амбарам и подбирает отбросы у трактиров. Фи в одночасье потеряла семью, лишилась защиты и уже не знала толком, кто она такая. Филоре научилась жить с гложущим ее страхом — возможно, этот год лишь первый в длинной череде лет, которые она проведет в одиночестве.

Слезы защипали глаза. Она не просто не хотела ехать домой — Фи не могла этого сделать. Она прижала руку к бесценному письму, вспоминая, как мама стояла в саду с букетиком наперстянки в одетой в перчатку руке и учила Фи разбираться в ядах. Вспомнила, с каким восторгом отец рассказывал о новом

магическом языке, потом урок лингвистики плавно перетек в урок истории и фольклора, а после в практическое занятие. Фи с отцом пришлось прорыться сквозь заросли малины к старому колодцу; молва гласила, что его воды дарили благополучие. Зимние вечера семья проводила, свернувшись калачиком в уютных креслах в библиотеке и уткнувшись в книги, иногда обмениваясь взглядами поверх страниц.

Теперь с этим покончено. Вот что означает заклятие Бабочки — у Фи больше нет дома и никогда не будет. Она сложила конверт, подошла к трюмо и сунула письмо в верхний ящик, чтобы больше его не видеть. Затем посмотрела на свое отражение: девушка с мрачным взглядом, в просторной ночной рубашке и перчатке без пальцев, которую носила не снимая. Даже на ночь.

Про Фи никогда не говорили, что она прекрасна. Зато все время называли умницей, используя это слово и как комплимент, и как оскорбление, только сама она про себя больше так не думала, особенно после того, как позволила взять над собой верх.

Они стояли в самом центре старого особняка — Фи и ее напарник, — первые люди за многие десятилетия, если не века, ступившие туда. Ботинки оставляли одинаковые следы на наслойениях песка и пыли. Их озаряло цветное сияние свисавших с потолка прекрасных фонарей с разрисованными стеклами. Свет пламени струился сквозь витражи, и на кожу ее напарника ложились отпечатки сверкающих бабочек. Они нашли потайной кабинет Повелителя бабочек, также известного как Скиталец, могущественного чародея, силой проклятия обреченного бродить по земле до скончания дней.

— Филоре, лови!

Она инстинктивно повернулась, неловко отведя фонарь в правой руке и протянув левую, пальцы схватили ручку декоративного ножа для разрезания писем, а потом что-то опалило ее ладонь — и Фи закричала. Кожу жгло и жгло, даже когда она уронила нож и тот с грохотом упал в пыль.

— Жаль, что так вышло.

Фи сумела лишь снова закричать, упав на колени и сильно, до боли в костях, сжимая запястье. Она уже не слышала своего напарника, зачарованно глядя на метку, выжженную на ладони: метку Бабочки Скитальца.

Фи уставилась на перчатку. Несмотря ни на что, она чувствовала метку, даже если бы перчатка была стальной, Фи все равно видела бы изгибы крыльев бабочки, впечатанные в ее кожу, будто клеймо. Проклятие обрекло ее навлекать несчастье на любой дом, где она останавливалась дольше, чем на три дня.

Однажды, когда Фи еще не понимала масштабов бедствия, она загостила в доме дальней родственницы — и на пятую ночь проснулась от пожара: поместье сгорело, остались лишь руины. Фи все еще помнила загнанный взгляд тети, которая стояла под снегом и смотрела на развалины, волосы ее были покрыты пеплом, на руках — двое малолетних детей. Этот миг навеки отпечатался на сетчатке глаз Фи, и порой, пытаясь заснуть, она слышала дрожащий голос тети: «Все погибло...» А в глубине души Фи отзывалось: «Ты нас погубила».

Она научилась жить в движении, ведь всякий раз, как останавливалась, проклятье словно наступало ей на пятки. В Писарре Фи заболела; она лежала

в лихорадке у друга семьи, и в доме начались мелкие происшествия: терялись сувениры, падали балки, кое-кто сильно обжегся кипятком из опрокинувшегося чайника. С хозяином во время поездки в экипаже произошел несчастный случай, он чудом выжил. Фи никто не винил, однако она и не рассказывала никому о проклятии, только все время извинялась за свое недомогание. А после поклялась самой себе больше не допускать, чтобы чары кому-то навредили.

С тех пор она гонялась за слухами о проклятии Бабочки, стараясь выяснить, что произошло со Скитальцем, удалось ли ему самому спастись от чар. Он считался исторической личностью, даже скорее легендой, и было сложно найти о нем какую-либо достоверную информацию. Наконец в Великой библиотеке Писарра Фи обнаружила заманчивое описание его тайной мастерской, спрятанной в месте огромной магической силы. Фи надеялась, что речь про Ведьмину Шкатулку, но пока ничего не обнаружила.

Между тем домой ей путь оставался закрыт. Письмовник предупредил, что заклятие Бабочки, как любые злые чары, подпитывается чувствами жертвы. Чем больше она привязана к дому, тем опаснее и сильнее становится магия. Фи не представляла, что произойдет, если она вернется в Айделвайлд, полный волшебных артефактов и полок, заваленных гримуарами*, хотя бы на одну ночь. Просто знала: она не вынесет, если из-за нее с родными случится что-нибудь ужасное.

* Гримуар — книга, в которой описываются магические ритуалы и колдовские заклинания. Прим. ред.

А еще Фи боялась встречи. Родители предупреждали ее об опасностях кладоискательства. А пуще всего советовали держаться подальше от бывшего. Она не послушалась, и родители сильно разочаровались в ней — еще до того, как все полетело к черту.

Фи решила не ехать домой, пока не отыщет способ все исправить. Исправить лично.

Она снова подошла к книжному шкафу, погладила пыльные корешки, пробежалась пальцами по бумажным закладкам, торчавшим сверху. Рассеянно выдвинула один из толстых томов: Антония Грегуар, «Орден Священной Розы», весьма смелое описание возникновения ордена королевских ведьм. Фи с улыбкой раскрыла книгу — и на пол спланировала половинка бумажного листа.

Ненроа никогда не позволяли себе писать на полях, поэтому такие записки встречались постоянно, хотя часто лежали не в тех книгах. Фи подняла листок и прочитала примечание, написанное материнским почерком: «Совершенно неправдоподобно. См. “Исторические факты...” Риваррчи, с. 1280».

Фи припомнила «Исторические факты об основании магических орденов Андара» Риваррчи. Поразительно, что самый известный историк Андара умудрился превратить столь увлекательный предмет в унылое чтиво. В двенадцать Фи провела все лето в библиотеке Айделвайлда, пытаясь прорваться через все восемь томов.

Совершенно случайно так совпало, что тем летом в Айделвайлд приехали погостить друзья матери, лорда и леди Альфиери из другого приграничного поместья. С ними были две их дочери. Фи не доводилось проводить много времени с детьми своего возраста, она чувствовала себя неловко в обществе девочек. Не раз

Ненроа укрывалась в библиотеке, усаживалась за стол розового дерева у залитого солнцем окна и окуналась в чтение пыльных старых книг.

— Филоре?

Она резко оторвалась от книги, притворяясь, что вовсе не дремала над пожелтевшими страницами, испещренными очень мелким шрифтом. Мать стояла позади нее, меж бровей пролегла морщинка.

— Разве ты не должна сейчас быть на улице с девочками? — спросила Лилия. — Ана и Томасина приехали всего на два дня.

— Здесь мне лучше, — решительно сказала Филоре, переворачивая очередную страницу. — Книга интереснее их компаний.

Лилия улыбнулась и присела рядом.

— Это просто невозможно. Всем известно, что четвертый том Риваррчи усыпляет даже закаленных исследователей. — Она наклонилась ближе, внимательно глядываясь в лицо дочери, но та избегала смотреть ей в глаза.

Поначалу, когда Ана и Томасина только приехали, Филоре старалась с ними поладить. Она уже знала четыре магических языка и могла перечислить имена правителей Андара от Авроры до Амарис, однако понять девочек Альфиери оказалась не в силах. Ни история, ни древние чародеи их не интересовали. Обсуждать они хотели лишь музыку, политику, наследник какого благородного дома оскандалился на сей раз, и прочие темы, о которых Филоре не имела представления и не желала иметь.

Когда девочки обедали в саду ее матери, Филоре предприняла еще одну попытку. Она показала им тарантула, которого прятала в ладонях. Фи нашла его

под поленницей. Отец учил ее поднимать пауков осторожно, чтобы не испугать их, иначе они могут укусить. Филоре паук казался очаровательным, а вот девочкам Альфиери — нет.

— Омерзительно! — заявила Томасина, гневно глядя на Фи; Ана, взвизгнув, спряталась у сестры за спиной. — Да что с тобой такое?!

Филоре не знала, что и сказать. До этой минуты ей казалось, все так растут: ездят в экспедиции, за обедом обсуждают историю, учатся обращаться с ядовитыми пауками и змеями. Она и не догадывалась, что остальные дети в приграничных семействах знают друг друга, ходят вместе на уроки и сплетничают. Они уже основывали союзы, заводили друзей и врагов. А Филоре осталась от всего этого в стороне.

Она посмотрела на маму. Та была в платье винного цвета и сверкающих жемчужных серьгах, лучи солнца подсвечивали веснушки у нее на щеках. Она выглядела благородной дамой до кончиков ногтей, лишь выбившиеся из длинной темной косы волоски выдавали, что госпожа Ненроа рылась в завалах вещей на чердаке. Каким-то образом матери удавалось быть и историком, и леди одновременно. У Филоре это не получалось. Более того, она и не хотела.

Почему же вопрос Томасины так ее обидел?

Похоже, мама решила, что ответа не дождешься. Она убрала темные волосы со лба Филоре.

— Что ж, ладно. Отдохнем-ка от Риваррчи — возьмем вместо него это. — Она отодвинула тяжелый том в сторону и положила на его место книгу сказок.

Филоре непроницаемым взглядом посмотрела на нее.

— Кажется, я уже старовата для выдумок.

Лилия засмеялась, и ее мелодичный смех разнесся по отделанной панелями красного дерева библиотеке.

— Ты никогда не постареешь! Половина работы историков — просматривать старинные сборники легенд, подобные этому. — Она раскрыла книгу, показалась сверкающая иллюстрация: колдунья призывает большой поток воды. — Люди рассказывают истории, чтобы объяснить загадочные события: землетрясения, чуму, может быть, какое-то невероятное магическое воздействие. — Мама помолчала, покосившись на Филоре, слушает ли та, радостно улыбнулась, перелистнула страницу к следующей главе и продолжила: — Любая сказка начинается с крупицы правды. Да ты только взгляни на эти рисунки! Дай-ка лупу...

Филоре невольно рассмеялась, увидев красавицу-маму, которая смотрит в лупу с латунной ручкой: один глаз с помощью линзы стал большим, будто блюдце.

Прищурившись, она рассматривала картинку: букет карминно-красных роз, золотой песок и на этом фоне белая змея, чье длинное тело представляло собой замыслованную первую букву классического зачина сказки «В давние времена...»

Эти три символа она бы узнала где угодно: песок, роза и змея, знаки последних Великих ведьм.

И хотя Фи видела их сотни раз, она не смогла удержаться и принялась рассматривать красочное изображение трех женщин на лицевой странице. Первой была Змея, высокая, строгая, с намотанной наподобие браслета на загорелую руку серебристой рептилией. Затем шла Грёза — темнокожая красавица с буйными кудрями, она прижимала палец к губам, будто хотела поделиться огромным секретом. Грёза была любимицей Лилии Ненроа. Последней стояла Роза — почти подросток, с нежными чертами лица и венком из розовых бутонов в золотистых волосах.

Филоре провела пальцем по странице, мягкой и истрепанной, так часто ее открывали. В детстве истории о Великих ведьмах она любила больше всего. Фи читала о них и думала, что если будешь умной, храброй и сообразительной, то сможешь преодолеть все. Вероятно, это работало только в сказках.

Она не осознавала, что мать обнимает ее, пока та не прошептала ей на ухо:

— Филоре, ты именно такая, как нужно. И что бы ни случилось, ты всегда сможешь вернуться домой.

Фи не осмеливалась на нее посмотреть, боясь, что пощипывание в глазах превратится в ручьи слез.

Они листали страницы, пока она не забыла обо всем: о своей неловкости и смятении и лице Томасины с гримасой отвращения. Порой быть не такой, как все, очень одиноко, но сидя рядом с матерью и читая сказки о ведьмах, Филоре чувствовала себя на удивление замечательно.

Фи убрала записку обратно в книгу, поставила том на полку и отряхнула руки от пыли. Любопытно, станет ли когда-нибудь ее история частью истории Андара, превратятся ли они с Шиповником однажды в маленькие иллюстрации детской сказки? Мама была бы в восторге.

Возле книжного шкафа висел небольшой портрет Лилии. Фи обвела взглядом ее лицо, дружелюбно улыбающиеся губы и глаза, которые смотрели куда-то за пределы холста.

— Моя мама была красивее, но на портретах редко улыбалась.

Фи резко развернулась. Шиповник лениво прислонился к столбику кровати, задумчиво взирая на картину.

— Не смей подкрадываться к людям! — прошипела Фи, стараясь унять сердцебиение.

Шиповник совершенно не изменился: тот же бархатный плащ ниспадал с его плеч, правда, в тусклом свете луны, проникавшем через панорамное окно, казался почти черным.

— Прости, — сказал он, искренне смутившись. — Полагаю, я совсем забыл, что нужно как-то подавать знак о своем присутствии. Хотя я предупреждал, что загляну к тебе.

«Я хочу узнать тебя получше», — эхом отозвались в голове Фи слова принца, которые он произнес в башне, но она отмахнулась от этой мысли, пригвоздив духа пристальным взглядом. Конечно, Фи не забыла о своей новой волшебной обузе, но сейчас была не в настроении для светских визитов.

— Что ж, в следующий раз — стучи, — предложила она. — Или вообще не являйся.

Шиповник прижал руку к сердцу, словно она нанесла ему смертельную рану. Блеск в синих глазах выдавал его.

— Похоже, я оставил о себе плохое впечатление. И если хочу получить шанс тебя покорить, то должен выяснить, что же тебе во мне не нравится.

— Может, я просто не люблю тех, кто вламывается ко мне в спальню и оскорбляет мою мать? — огрызнулась Фи, стараясь не краснеть.

Шиповник рассмеялся.

— Я ее не оскорблял. По крайней мере нарочно.

Он шагнул вперед в пятно лунного света. Фи сдержала порыв провести рукой по его руке. Странное ощущение — стоять рядом с кем-то, кто кажется таким осязаемым, и при этом находиться в полном одиночестве.

Принц кивнул на картину.

— Моя мать была невероятно красива. Говорят, я весь в нее. — Он дерзко улыбнулся Фи, и та в ответ закатила глаза, хотя знала, что это только подстегнет его. — Она умерла вскоре после моего рождения, так что больше я о ней почти ничего и не знаю.

— О... Верно.

Фи не представляла, что и сказать. Легенда была ей хорошо известна, но впервые она задумалась о ней не просто как о сказке. Шиповник — настоящий, а значит, родные, которых он потерял, тоже настоящие. Он лишился всего. Когда Фи снова на него посмотрела, принц показался ей совсем юным, тоскующим и грустным, просто парень шестнадцати лет, который делится секретами с незнакомкой, потому что она единственная, с кем ему удалось поговорить за целый век. Такой же одинокий, как сама Фи.

Внезапно ей показалось, что она догадалась, зачем явился Шиповник. Может быть, дело не в том, чтобы узнать ее получше.

Может быть, это связано с желанием не оставаться хоть какое-то время в одиночестве.

— Шиповник, ты...

«Все ли с тобой в порядке?» — вот что она намеревалась спросить. Но желание исчезло, как только Фи поняла, что его больше нет рядом, он стоит у нее за спиной, у книжного шкафа, и рассматривает сувениры на полках.

— Ты роешься в моих вещах? — возмутилась она, скрестив на груди руки.

Шиповник дернулся, потирая затылок.

— Любопытство одолело! — заявил он, и это вовсе не напоминало извинения. — Я еще никогда не покидал замок.

— Ты имеешь в виду целый век?

Принц мотнул головой.

— И даже до того. Мне с детства было предназначер-тено пасть от злых чар. Было слишком опасно куда-то выходить.

Фи такого и представить не могла. В детстве у нее было предостаточно свободы делать что только взду-мается.

«И вот как я ей распорядилась», — не сдержав-шись, с горечью подумала она.

Шиповник снова отвернулся и склонился к пол-ке, едва не уткнувшись в маленькую деревянную ста-туэтку.

— Что это? — поинтересовался он.

Фи сдалась и встала рядом с ним у подножия высо-кой полки.

— Сувенир на удачу, его вырезал умелец с острова у побережья Писарра, — объяснила она. — Он обе-щает хорошую погоду, но у нас шесть недель кряду шли дожди.

— Не сомневаюсь, ты прекрасно выглядела по уши в грязи, — поддразнил принц. Он обвел взглядом полку и уставился на нож с костяной рукояткой. — Как красиво!

— Этому клинку почти пять сотен лет, — сказала Фи, погладив вырезанные на рукоятке стебли и бутоны. Это была семейная реликвия, предположительно изготовленная собственноручно одним из предков Ненроа.

— А я-то думал, сто лет — это очень долго, — за-смеялся Шиповник.

— По сравнению с большинством этих вещей ты младенец, — заявила Фи, невольно успокоившись. Тяжесть в груди куда-то исчезла, и спальня снова

превратилась в обычную комнату, наполненную добрыми воспоминаниями, которыми Фи хотелось поделиться.

— Держу пари, именно это тебе во мне и не нравится. Мой возраст. Думаешь, я для тебя слишком стар, — дурашливо заявил Шиповник. Он склонился над полкой и взглянул на Фи в прорези разрисованной маски шута с длинным крючковатым носом.

Филоре подавила смешок.

— Кажется, для ста шестнадцати лет ты слишком незрелый.

Принц выпрямился и дерзко улыбнулся.

— А ты для своих семнадцати слишком опытная, так что мы превосходно друг другу подходим. — Прежде чем Фи успела возразить, он снова повернулся к шкафу, указывая на что-то наверху. — А это что за приспособление?

Обрадовавшись перемене темы, Фи наступила ногой на нижнюю полку, подтянулась и облокотилась на ряд покосившихся атласов. В лунном свете блеснул какой-то предмет из полированного металла.

— Хм, это... Это походный фонарь. — Фи взяла его и спрыгнула на пол. — Он складной, видишь?

Она расправила одну за другой маленькие железные детали — и у нее в руке оказался небольшой фонарь, перекрещенные прутья которого образовывали замысловатую клетку.

— Его изобрел мой отец.

— Твой отец делал фонари? — восхищенно предположил принц.

— Мой отец — историк, — поправила Фи, закусив щеку изнутри, чтобы не рассмеяться.

— Тоже благородная профессия, — заверил ее Шиповник. — Можно?

Фи не успела спросить, что он имеет в виду. Принц поднял руку — и во тьме вспыхнула искра чистой белой магии, она потрескивала на кончике его пальца. Фи ахнула, когда искра перескочила в фонарь. Внезапно она поняла, что стоит лицом к лицу с Шиповником, глядя в его синие глаза и на нежный изгиб губ. Фи не помнила, как они очутились так близко. Золотистый локон упал ему на глаза, которые в свете фонаря почти светились, будто снова ожили после долгого пребывания во мраке.

Принц склонил голову и засмеялся так тихо, что Фи ощутила вибрацию смеха, а не услышала его.

— У тебя и правда улыбка твоей матери.

— Что? — недоуменно заморгала Фи.

Шиповник пожал плечами.

— Ну, раньше я не был уверен. До этого ты мне не улыбалась.

Фи почувствовала, как знакомый румянец заливает лицо. Чтобы не выдать себя, она опустила фонарь.

Мысли ее прервал гулкий звон колокола. Фи повернулась к окну. Звонил колокол в центре Приюта Ворона, Филоре насчитала двенадцать ударов до того, как звук затих. Она и не подозревала, что уже так поздно. Шанс отдохнуть несколько часов улетучивался. На миг, пока Шиповник ее поддразнивал, Фи забыла обо всем: о проклятии, Пряхе и даже объявлениях охотников на ведьм, расклеенных по улицам.

Когда она повернулась к принцу, он смотрел на нее с тоской, будто что-то изменилось в самом воздухе. Шиповник сжал кулак — белая искра погасла, и наступила темнота.

— Остальное покажешь в другой раз, — негромко проговорил он.

Фи убрала фонарь на место. У нее перехватило горло, и по пути к кровати она постаралась аккуратно обойти принца — Филоре и помыслить не могла пройти сквозь него, когда он в таком опустошенном состоянии.

Она опустилась на кровать, и только тогда Шиповник снова заговорил:

— Хочешь, я уйду?

Фи вцепилась в мягкую белую простыню. Она ясно слышала, что он говорит на самом деле: «Пожалуйста, не прогоняй меня». Фи глубоко вдохнула, пахло знакомым ароматом лаванды и розмарина — травами в саше, которые ее мать всегда прятала под подушку.

— Можешь остаться, — наконец сказала она. — Хотя во время сна компания из меня так себе.

— У меня уже давно и такой не было, — ответил принц.

Фи натянула одеяло до подбородка. Она находилась под воздействием проклятия всего год, а уже успела почувствовать, как ее сердце иссыхает в груди. Фи знала, каково лежать в темноте и отчаянно желать услышать звук чужого сонного дыхания — доказательство того, что ты не одна.

Шиповник подошел к окну, уселся на широкий подоконник, оперся рукой о колено и устремил взгляд на спящий город.

— Лучше не быть одному, — сказала она, не зная точно, кого имеет в виду, принца или себя. Фи не пожелала задумываться об этом всерьез, откатилась от края и уткнулась лицом подушку.

— Тогда, может быть, я буду приходить чаще, — засыпая, услышала Фи шепот принца.

Ночью ей снова приснилась сияющая белая башня, но на сей раз ее скрывал туман из-за дождя, тяжелые

капли повисли на лепестках роз, словно слезы. Фи смотрела на спящего юношу, а комната становилась будто заброшеннее, розы теряли цвет, пока вокруг не остались голые холодные стены, острые шипы и единственное окно, залитое серым дождем.

Глава 9

Шиповник

Шиповник прислонился к окну и уставился в темноту за стеклом. Луна серебряным луком висела над безмолвными строениями города, который казался принцу слишком маленьким, окутанным туманом и со всех сторон окруженным сосновым лесом.

Подрастая, он смотрел на пестрый сад замка, по ту сторону стен его растянулись мощеные улицы процветающей столицы Андара — города Леонеса; в воздухе звенели крики торговцев, громыхал стук колес, а на каждой крыше разевался синий королевский флаг. По ночам в окнах загорались свечи, их было так много, что город перемигивался внизу, будто море светлячков. Но все это старые воспоминания. Уже давно из башни открывался единственный вид — на лабиринт шипов.

Услышав шорох простыней, принц посмотрел на девушку в противоположном конце комнаты. Спящая спрятала одну руку под подушку, а другой обхватила себя, она дышала медленно и ровно, будто мечтала о чем-то далеком. Мягкий полог кровати слегка покачивался. Шиповник опустил подбородок на руку.

Он так часто воображал эту девушку, но почти все оказалось неправдой. С раннего детства принц знал то же, что и весь Андар: Пряха явится за ним, он попадет в плен ее злых чар и превратится в злобное существо, покорное ее воле.

Уколов палец о веретено, Шиповник подумал, что вот и все, пришел его конец. Но перед ним в последний раз появилась волшебница Грёза. Она погрузила его в беспробудный сон, сказала, чтобы не отчаялся, проклятие Пряхи можно разрушить, и пообещала, что придет девушка, которой суждено разбудить его поцелуем.

Оказавшись в каменной башне, он жил лишь обещанием, что к нему придет эта девушка. Сестра всегда говорила ему: только любовью можно сдержать проклятие, и в глубине души принц верил, что любовь к спасительнице способна раз и навсегда разрушить чары Пряхи. Он мечтал о той минуте, когда они встретятся, о любви столь сильной, что ей подвластно стереть сто лет одиночества.

Когда наконец в башне чародея он посмотрел в глаза Фи, то просто сразу выложил все начистоту: о любви, судьбе, разрушенных чарах, обо всех желаниях, что таились в его сердце столетие. А Филоре посмотрела на него, будто он выжил из ума. Вероятно, это было худшее признание в любви всех времен и народов.

Шиповник подавил желание уткнуться головой в руки. Он не знал: удалось ли ему добиться успеха своими громкими обещаниями завоевать Фи или он окончательно ее оттолкнул. Принц не представлял, что делать. В тот миг в башне, когда Фи решительно его отвергла, он отчаянно хотел, чтобы ему представился шанс — малейший шанс — изменить ее мнение.

Но теперь Шиповник еще больше, чем прежде, надеялся, что не испортил все. Не из-за судьбы, одиночества или призрачной мечты о девушке, а потому, что никогда не встречал такой, как Филоре Ненроа.

Фи была проницательной, и на нее оказалось несложно произвести впечатление. Он-то думал, что сразит ее наповал своей внешностью, магией или тем, что он принц из легенды. Но вместо этого его самого будто сшибли с ног: в груди зажглось что-то пьяняще-теплое, когда она провела сквозь него рукой и начала спорить о любви с первого взгляда. К тому же Фи такая умная, она выпаливала факты, будто целиком заглотила энциклопедию; Шиповник пожалел, что за эти сто лет не провел больше времени в библиотеке замка. Фи покинула свой дом и отправилась путешествовать по миру, узнала столько всего, о чем принц даже не слышал, видела то, что он отчаянно жаждал увидеть. А еще она была замкнутой. Шиповник гадал, сделали ли ее такой люди, или Фи от природы так подозрительна ко всему, через что могла прокатиться рукой, но ему не терпелось выяснить.

Из-за проклятия принц нечасто выходил в свет, но всегда считал, что когда пробьет час, то он будет обаятельным и очаровательным, это у него в крови. Но Фи вовсе не казалась очарованной. В основном хмурилась, будто перед ней жук и она никак не решит — раздавить его или нет. И несмотря на это — а может, и благодаря этому, — было немыслимо приятно добиться от нее первой улыбки.

И он попался. Ему захотелось большего. Принца переполняли чувства, которых он не испытывал уже сотню лет. При мысли, что им с Фи предстоит путешествие, его захлестывало безудержное ликование. Он воображал, как они станут обмениваться колкостями

и Фи посмотрит на него пристальным, спокойным взглядом, потому что будет стараться сдержать улыбку. А еще, когда он думал о проклятии, в животе у него появлялась сосущая яма. Вдруг, спасая его, Фи окажется в опасности? Почему это раньше не приходило ему в голову? Почему за все время, пока он мечтал о спасительнице, ни разу не додумался пожелать, чтобы ей не пришлось спасать его?

В нем зародилось крошечное зерно сомнения. Шиповник крепко стиснул в кулаке одну из серебряных пуговиц в виде розы. Он попросил Фи дать бой темной магии — магии, которая сразила Великих ведьм и уничтожила королевство Андар на пике его могущества, магии, которая гладила принца сто лет, терзала его, пыталась к нему пробиться. Что, если у Фи не выйдет спасти его? Если ни у кого не выйдет? Вдруг она умрет и он снова останется один, только на сей раз уже на века?

Поднимающийся туман погасил фонарь на той стороне улицы. Комната вдруг показалась Шиповнику темной и холодной, тени тянулись к нему, будто уродливые пальцы.

«Не думай об этом, — напомнил себе он. — Не думай о проклятии».

Сестра в детстве сказала ему, что магия — это как желание. Что она откликается на намерение. Шиповник так глубоко увяз в темной магии Пряхи, что в самые отчаянные минуты порой сомневался, сможет ли когда-нибудь вырваться. Иногда он готов был поклясться, что чувствует, как Пряха издалека тянется к нему, соблазня сдаться проклятию, позволить ему себя поглотить.

Принц жил в страхе, не зная, что произойдет потом — какие гнусности он способен натворить, когда

окажется в ее власти. Лишь одно всегда помогало ему прогнать тьму, и теперь он видел ее прямо перед собой, более осязаемую, чем когда-либо.

Шиповник повернулся к Фи, рассматривая ее черты. Во сне она перевернулась, бормоча, что у нее закончились чернила. Губы принца изогнулись в улыбке. Она — та самая, кто снимет проклятие, Шиповник точно знал. Фи оказалась не такой, как он представлял, но, возможно, это в ней самое прекрасное.

Глава 10

Шейн

Шейн прислонилась к стене под навесом небольшой аптекарской лавки, раздраженно подергивая капюшон одолженного у Ненроа плаща. Фи разбудила ее за несколько часов до рассвета, чтобы выехать из Приюта Ворона под покровом темноты.

Шейн была уверена, что их не заметили, ведь даже птицы в это время спали. Проведя весь день верхом, они наконец остановились в Вистбруке, чтобы пополнить припасы, это было последнее торговое поселение. Затем они собирались направиться в Горные Пики, а оттуда взять курс на герцогство Беллисия.

Фи, как обычно, немногословно сообщила, что они получат пропуска в Беллисии, и больше ничего. А еще она наотрез отказалась арендовать комнаты с мягкими кроватями в местной гостинице — похоже, эта роскошь оставалась для тех, за чьи головы не назначена награда. Шейн велели держаться незаметно и не вляпываться в неприятности, то есть, по сути, слоняться у лавок, задыхаясь под тяжелым плащом, пока Фи рядалась с торговыми.

Меньшее, что Ненроа стоило сделать для своей напарницы, — это поторопиться!

Шейн сквозь пыльное окно заглянула в лавку аптекаря, где скрылась Фи. Полки внутри были уставлены снадобьями в сотнях ярких стеклянных бутылочек, сверкавших на солнце. Набрав предметы первой необходимости, Фи решила задержаться, чтобы раздобыть информацию.

Твайла, аптекарша, приятельствовала с Письмовником. Предполагалось, что Фи разведает о деятельности местных охотников на ведьм, но больше смахивало на то, что Ненроа и аптекарша увлеклись дискуссией о сравнительной гербологии. Глаза Фи зажглись, когда смуглая хозяйка аптеки с готовностью указала на свисающие с потолка сушеные травы.

Шейн рассматривала седую прядь в густых русых волосах Твайлы и гадала: не ведьма ли она? В Дарфелле ведьмы старались слиться с толпой, поэтому определить сложно. На островах Несокрушимых магией владели деревенские знахарки и мудрецы из Зеленых святилищ. Самыми могущественными были пожилые мужчины и женщины с вытатуированными на тела созвездиями и изображением всех восьми островов архипелага. Наставники, целители и странники, они рассказывали о зове древних лесов, всегда знали, где найти источник пресной воды и какое зловонное варево снимет жар у ребенка. Даже надменный отец Шейн уступал силе мудрецов. Письмовник напоминал Шейн знахарку из родной деревни. Возможно, поэтому, когда они впервые повстречались, ее так тянуло ему довериться.

«Еще пять минут, — решила она. — А потом плевать, разыскивают меня или нет, я захожу».

За аптекой улицы становились шире и превращались в рынок под открытым небом, где звенели голоса

торговцев, а с крыш раздавались крики петухов. Большинство покупателей обходили Шейн стороной. Уж слишком она казалась подозрительной, прячась в тени и надев капюшон в прекрасный солнечный денек. Однако в этих местах карманники встречались часто, так что, скорее всего, наемница вписывалась в картину. Следующему прохожему, кто окинул ее настороженным взглядом, Шейн выдала самую злобную ухмылку. Юноша побледнел и поспешил прочь, крепко сжимая в руках сумку, набитую сочным фиолетовым инжиrom.

Шейн подавила смешок, и тут возле одной из рыночных лавок поднялся переполох.

— Ворюга! — пробился сквозь гвалт возмущенный мужской голос, а следом раздался женский визг.

Быстро столпился народ, и Шейн никак не могла рассмотреть, что там происходит. Люди останавливались поглязеть на зрелище возле ювелирной лавки.

— Отпустите! — требовательно воскликнул женский голос.

Шейн бросила взгляд на аптеку, Фи выдаст ей за это на орехи, но... Она отошла от стены и принялась пробивать себе путь локтями сквозь толпу, чтобы разглядеть происходящее получше, но вдруг замерла при виде знакомой фигуры.

— Рэд! — вырвалось у нее.

Рэд обернулась и удивленно распахнула глаза, встретившись взглядом с Шейн. Высокий мускулистый крепыш — судя по виду, наемный охранник — схватил Рэд за руку, а разодетый торговец за прилавком выкрикивал обвинения.

Туника и корсаж на Рэд были прежние, те же, что и в лесу, но теперь у ее щиколоток развевалась изящная малиновая юбка. Волосы уложены вокруг лица локонами, и в них сверкали самоцветы. В свободной руке

она сжимала зонтик от солнца и, судя по ее выражению лица, готовилась в любой миг воспользоваться им как оружием.

— Руки убери, скотина! — Рэд попыталась высвободиться, но крепыш вывернул ей запястье, и она зашипела от боли.

Что ж, Шейн достаточно насмотрелась.

— Эй, а ну отпусти ее! — рявкнула она, шагнув вперед с тем же злобным видом, который недавно испробовала. Охранник ничуть не испугался, но торговец выглядел ошеломленным.

— Тебя это не касается! — возмутился он. — Девчонка украла с моего прилавка очень дорогое кольцо. Обыщи ее, — приказал торговец охраннику.

Тот уставился на Рэд, оглядев ее с ног до головы.

Шейн внутри будто закаменела. Ей вдруг стало совершенно плевать, пусть та украла хоть десяток колец. Ухмыляющийся громила, который лапает Рэд под предлогом обыска, — этого нельзя допустить.

— Тронешь ее — и я переломаю тебе пальцы, — предупредила Шейн.

Рэд со вздохом отвращения выдернула руку. Взгляд, который она через плечо бросила на свою спасительницу, был одновременно благодарным и расчетливым. Сзывающим видом она повернулась к ювелиру.

— Вели своему вышибале держать грязные руки при себе, и я позволю ей... — она кивнула на Шейн, — меня обыскать.

— Что? — пробормотала удивленная наемница.

— Неужели откажешься? — Рэд приподняла бровь.

Шейн порадовалась, что вопрос не требует ответа.

— Ладно. Выверни ее карманы, но только у меня на глазах, — раздраженно согласился торговец.

Громила отступил, пытаясь разглядеть лицо Шейн под капюшоном.

Оставалось надеяться, что он не из тех, кто читает объявления охотников на ведьм.

Рэд положила зонтик и подняла руки, играво улыбаясь подошедшей наемнице.

— Уверена, что это хорошая идея? — тихо спросила Шейн.

В последний раз, когда они виделись, Рэд пыталась что-то украсть.

— Давай же! Не заставляй народ ждать, — подразнила плутовка.

Толпа напирала, всем хотелось увидеть, как это будет происходить. Шейн смерила зевак неодобрительным взглядом, провела руками по бокам Рэд, похлопала по складкам на юбке, стараясь не думать о том, что именно трогает. В животе зародился трепет, она подавила это ощущение, сунула руки в карманы Рэд и вывернула их.

Первый карман оказался пуст. Во втором лежал бархатный мешочек и украшенная рубинами заколка, такая же, как в волосах Рэд. В мешочке было полно монет — выходит, с ролью воровки Рэд справляется прекрасно, — но никакого кольца. Шейн вернула плутовке ее добро под недовольное ворчание торговца.

— У нее ничего нет.

— Ты уверена? Может, заглянешь в корсет? — предложила Рэд, взмахнув длинными ресницами. — Я ведь могла там что-нибудь спрятать...

У Шейн скрутило живот. Неизвестно, ведьма Рэд или нет, но чувство юмора у нее странное.

— Не знаю, где ты спрятала кольцо, но оно у тебя, это точно! — выкрикнул ювелир, колотя по столу. — Хватайте ее!

Громила рванул к Рэд и поймал ее. Шейн втиснулась между ними, взяла его за локоть, извернулась и бросила здоровяка через плечо. Тот ударился о прилавок ювелира, в пыль посыпались сверкающие браслеты и ожерелья из бусин, с головы Шейн упал капюшон, и все увидели ее лицо.

— Глядите! Это наемница Шейн с листовок охотников! — прокричал кто-то.

Шейн обернулась и попыталась понять, кто ее узнал, но увидела лишь море незнакомых лиц.

— Похоже, это знак, — прошептала Рэд. — Бежим!

Она стиснула руку Шейн, и они вдруг помчались через рынок, а позади воцарился хаос.

Торговец разразился воплями, веля своим людям хватать беглянок. Кое-кто из толпы попытался обогнать их слева и справа, они неслись по следующему ряду, перепрыгивая через бочки и тюки. Рэд дерзко глянула на Шейн и круто свернула в глухой закоулок, оставив разъяренных преследователей глотать пыль. Сердце наемницы лихорадочно колотилось, и не только от погони. Она не могла оторвать взгляда от бурного воссторга, что отражался на лице Рэд. Глаза ее сверкали так, будто она наслаждалась каждой секундой. Плутовка явно была из тех девчонок, от которых бабушка посоветовала бы держаться подальше, — и Шейн этим советом с наслаждением бы пренебрегла.

— Сюда, — бросила Рэд, втаскивая наемницу в узкий проем между двумя каменными домами.

Там едва хватало места на одного, не говоря уж о двоих, так что Шейн оказалась тесно прижата к Рэд, чья упругая грудь вздымалась и опадала. Из прически выбился локон и упал на лицо в форме сердца.

— Оторвались, — прошептала Рэд, когда крики преследователей стали затихать вдали.

Она приподняла голову, чтобы посмотреть на Шейн, и та затаила дыхание, уставясь на покрасневшие щеки Рэд, приоткрытые губы и темные, загадочные глаза, что смотрели прямо на нее. Они стояли почти нос к носу. Шейн не понимала, чье сердце так сильно бьется — ее или Рэд. От близости закружилась голова.

— Спасибо, — с трудом выдавила северянка, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

Рэд засмеялась, и ее дыхание коснулось лица Шейн.

— У меня большой опыт побегов от разъяренной толпы.

Шейн сосредоточилась и прислушалась. На улице за поворотом уже воцарилась тишина.

— Кажется, мы в безопасности.

— Может, стоит еще подождать... — прошептала Рэд, обдавая дыханием шею сообщницы, но сама уже протискивалась на свободу, отряхивая с юбки пыль и паутину. Зонтик Рэд забросила на плечо.

— Идем. Я покажу тебе тайный выход из города, вдруг эти люди будут тебя искать.

— Большинство из них искали тебя, — заметила Шейн, но натянула капюшон.

Она встала рядом с Рэд, с любопытством ее разглядывая, пока они прижимались к стене дома.

— Выходит, я только что помогла тебе стащить у кого-то кольцо?

— Хочешь снова меня обыскать и убедиться в этом? — поинтересовалась Рэд, смерив Шейн наглым взглядом. — Подумай, стоит ли переживать за него. Просто считай, что кольцо могло быть магической реликвией, торговцу будет спокойнее без него.

— Значит, забравший его — охотник за реликвиями? — не отставала Шейн, придерживая бельевую

веревку, чтобы Рэд могла под ней проскользнуть. Наемница всегда сторонилась безрассудных типов, которые гоняются за магическими артефактами, — невозможно выяснить, какие чары могут быть на них наложены, пока не возьмешь вещь в руки. Но Рэд, похоже, точно знала, что делает.

Та прижала палец к напомаженным губам.

— Наверное, можно сказать, что я ищу и добываю труднодоступные предметы.

— Подозрительно звучит. Слишком похоже на «вора».

— Так и есть, верно? — невинно заморгала Рэд.

С такого близкого расстояния глаза у нее казались большими, олеными, хотя таких хитрых оленей Шейн встречать еще не доводилось.

Они почти добрались до окраины города. Наемница как раз протянула руку помочь Рэд перебраться через груду сломанных ящиков, когда вдруг из-под них выскоцил комок коричневой шерсти. Зверек зарычал. Вспыхнули желтые глаза, лохматый пес оскалился и прижал уши.

— Осторожно! — вскрикнула Шейн.

Рэд и глазом не моргнула. Швырнув зонтик в пыль, она опустилась на колени и протянула руки к созданию, покрытому тусклой коричневой шерстью — одному из диких псов, которые шныряли по горным поселениям в поисках объедков. Над лохматым ухом серебрился длинный шрам. Если тварь такая же злобная, какой выглядела, Рэд лишился пальца.

— Рэд... — нетерпеливо прошептала Шейн.

— Тсс, ты его испугаешь, — тихо и успокаивающее отозвалась Рэд. Пес снова зарычал, шерсть у него на загривке встала дыбом, он не отрывал взгляда от непронесенных гостей.

— Ты же не обидишь меня, правда, красавчик? — прошептала Рэд так тихо, что Шейн едва расслышала, а потом начала напевать — приятный навязчивый мотив, похожий на грустную колыбельную. Мелодия задела какие-то струны глубоко в душе Шейн, пробудив воспоминания, которые она считала надежно похороненными.

Пес медленно моргнул и сел. Яростный рык превратился в жалобный скулеж, собачий нос ткнулся в раскрытую ладонь Рэд. Губы красотки изогнулись в улыбке. Перестав напевать, она сложила руки лодочкой и начала почесывать снизу морду пса, а тот забил по земле хвостом. Шейн завороженно смотрела на это зрелище.

— Как ты это сделала? — спросила она, спускаясь с ящиков.

— Я умею обращаться с животными. Они нравятся мне куда больше людей, — пожала плечами Рэд.

— Мне следует обидеться?

Рэд бросила взгляд через плечо.

— Ну, если тебя это утешит, такой дикой зверушки, как ты, я никогда не встречала.

— Эй! — сердито воскликнула Шейн.

— Это комплимент, — заверила ее Рэд и снова повернулась к псу, распутывая колтуны в его шерсти. — Я понимаю животных. Даже если они опасны, даже если кажутся злобными, у них всегда есть на то причины. А вот люди бывают жестоки без всякого смысла.

Шейн задумалась о том, что она увидела бы в глазах Рэд, не смотри та в сторону.

— Не то что ты, — проворковала она, обращаясь к лохматому псу. — Ты — милашка.

Тот, похоже, согласился с ее утверждением, потому что подпрыгнул и постарался лизнуть ей лицо. Рэд шлепнулась на задницу и засмеялась, смех ее был таким теплым и беззащитным, что на миг Шейн взглянула на нее другими глазами, будто повстречала впервые.

Из практически Рэд выпала одна из заколок и ударилась о землю. Шейн подобрала ее, неохотно полезла в карман, развернула платок, где лежал последний кусок вяленого мяса. Хорошего вяленого мяса — какого не найти в вегетарианских запасах Письмовника. Слишком хорошего для бродячей псины. Но...

— Держи, малыш, — окликнула его Шейн и бросила лакомство в траву.

Пес тут же отскочил от Рэд и вцепился в мясо, бешено виляя хвостом.

— Размазня, — припечатала Рэд, но сама все же улыбалась.

Пес навострил уши, а в следующий миг сорвался с места и помчался прочь. Рэд встала и подняла зонтик. Шейн сглотнула комок в горле: какая она красавица, даже с растрепанными волосами и в грязной юбке. Что за несправедливость...

Они улизнули из города в лес, Шейн пошла первой, стараясь посматривать, не идет ли кто следом, но вместо этого то и дело косилась на свою спутницу. Северянку всегда влекло к красивым девушкам, а Рэд была угрожающе красива. Но крылось в плутовке что-то еще, какая-то загадка, отчего наемнице хотелось узнать о ней все.

Когда они добрались до поляны, где Шейн и Фи оставили лошадей, Ненроа уже поджидала там с набитыми до отказа выюками и недовольным лицом.

— А вот и ты! Мы же договорились, что ты не высовываешься! Пяти минут не могла подождать и не

вляпаться в неприятности... — Увидев Рэд, она осеклась.

— Забудем о том, что ты проторчала в лавке куда больше пяти минут. Это — Рэд, девушка, о которой я рассказывала. Рэд, эта бесцеремонная особа — моя напарница, Фи.

— Боюсь, это из-за меня Шейн вляпалась в неприятности, — сказала Рэд. — На рынке она поспешила мне на помощь, и все пошло кувырком.

Фи бросила на напарницу взгляд, который говорил, что детали этого происшествия она выяснит позже.

— Очень похоже на Шейн!

— Мы же вышли сухими из воды, — возмутилась та. Затем откашлялась и достала заколку. — Это твое, Рэд.

— Замечательно. — Рэд отложила зонтик, скользнула пальцами по ладони Шейн, забирая заколку. Игriво посмотрела на нее, и это не было случайностью.

Фи чуть не просверлила дыру взглядом в голове своей напарницы, но та даже не заметила, завороженно следя, как Рэд легко перехватила волосы и заколола их на затылке.

Когда девушка наклонилась поднять свой зонтик, Шейн увидела что-то выглядывающее из воротника блузки плутовки — росчерк черных чернил на коже. Татуировка? Шейн рассмотрела только хитрый изгиб и нечто острое, будто клык. Покосившись на Фи, она убедилась, что напарница хмуро сверлит глазами тоже место.

Рэд обернулась и посмотрела на кладоискательниц.

— Что ж, мне пора. Нужно кое о чем позаботиться! — Она раскрыла зонтик, оттуда ей на ладонь выпало маленькоe серебряное колечко.

Шейн потрясенно вытаращилась на нее.

— Кольцо у тебя!

— Я и не говорила, что у меня его нет, — напомнила Рэд. — Может, еще увидимся...

С этими словами, небрежно подбросив добычу на ладони, она удалилась.

Фи скрестила руки на груди и пристально взиралась на Шейн.

— Так вот какие девушки в твоем вкусе.

— Это какие? — рассеянно спросила та.

— Опасные.

Шейн недоуменно моргнула — в основном потому, что вспомнила, как Рэд сказала ей то же самое. Скорчив гримасу, наемница стукнула Фи по плечу и заявила:

— Все кроме тебя в моемкусе!

Филоре покачала головой, свистнула лошадей и вручила Шейн поклажу.

— Пошевеливайся. У Твайлс есть домик на окраине города, она сказала, что мы можем переночевать у нее на чердаке.

— Ну конечно. Продуваемый всеми ветрами чердак — то же самое, что уютная гостиница, — проборомата Шейн, но не удержалась и еще раз обернулась, выискивая в деревьях проблеск алого.

Глава 11

Шейн

Шейн уже доводилось ночевать на чердаках, как и в других, еще менее гостеприимных местах. Что же до чердаков, у Твайлы было неплохо: никаких крыс, плесени и пыли. Вот только тесновато: здесь и там громоздились до самого потолка различные ингредиенты и связки трав, непонятно для чего предназначенные — для лечебных целей или для готовки.

Мешки с мукой ненадежно привалились к башне из банок с медом, под ногами каталось несколько луковиц в шелестящей кожуре. Тревожиться стоило лишь о том, как бы не повернуться неудачно во сне и не оказаться под завалами.

— Пройди вперед и постели себе возле репы, — посоветовала Твайла, просунув голову в люк в полу и вручив северянке стопку одеял. — Пол там чуть-чуть проседает, зато пахнет лучше, чем в другом углу, с чесноком. Кое-кто жаловался.

— Похоже, ты не боишься прятать нас здесь, — заметила Шейн, отодвигая с пути коробку с мазями.

— Хм, вы не первые, кто проводит ночь у меня на чердаке.

Шейн удивленно воззрилась на Твайлу, и та засмеялась, на щеках у нее появились ямочки.

— Я давно знаю Письмовника. Похоже, его друзья частенько попадают в неприятности. Просто постучите по полу, если что понадобится.

К тому времени, как Фи с двумя свертками под мышкой забралась на чердак по лестнице, Шейн уже заняла место под единственным окном.

— Такую жизнерадостную женщину никогда не заподозришь в укрывательстве беглецов! — заявила северянка, сворачивая свой плащ в подушку.

— Возможно, это и хорошо — и для нее, и для нас. Держи, я кое-что принесла. — Нырнув под связку желтого лука, свисавшего с низкого потолка, Фи вручила напарнице что-то теплое, завернутое в салфетку. Развернув ее, Шейн обнаружила сладкий рулет с яблочками и корицей, жадно впилась в него зубами и довольно вздохнула.

— Хорошо-то как! — пробубнила она с набитым ртом.

— Нагуляла аппетит, пока бегала от этих охотников за головами? — сухо поинтересовалась Фи, откусывая гораздо скромнее, чем ее напарница.

Шейн поведала ей о случившемся на рынке. Фи почти ничего не сказала, зато ее хмурые брови были весьма красноречивы. Северянка потрясла перед ней рулетом.

— Я все еще глубоко оскорблена: кто-то ведь правда думает, что я так выгляжу!

Ненроа фыркнула.

— Кстати, я побеседовала с Твайлой насчет охотников... Ходят слухи, что у главной дороги видели целый отряд. Нужно будет держаться горных торговых троп. Вот еще одна причина, почему нам не стоит высовываться.

Она сказала «нам», но явно имела в виду Шейн.

— Не я затеяла ту драку, — запротестовала наемница.

— Не сомневаюсь, что ты с удовольствием присоединилась.

Отрицать это Шейн не могла.

— А что мне было делать? Позволить какому-то головорезу растерзать Рэд? Ну признай, ты бы поступила так же!

— Может быть, — вздохнув, согласилась Фи. — Шейн, но что ты вообще о ней знаешь?

— Знаю, что она отлично добивается того, чего хочет, — заявила наемница, вспомнив загадочную улыбку Рэд, с которой та поймала выскользнувшее из зонтика кольцо.

— Я серьезно. — Фи шевельнула губами, будто хотела что-то сказать. Она посмотрела на Шейн. — Я видела татуировку у нее сзади на шее.

Наемница вспомнила черную отметину.

— Мне кажется, это похоже на краешек знака охотников, — сказала Фи. — Сама я их ни разу не видела, но говорят, когда после падения Андара охотники пришли к власти, они пытались запечатывать магию, ставя чародеям клеймо на шею.

— Что? — в ужасе переспросила Шейн.

— У них ничего не вышло, — поспешило добавила Фи, — так что они от этого отказались и принялись изгонять ведьм из Андара. Но ходят слухи, что далеко во владениях охотников клеймление все еще иногда практикуют. — Она закусила губу. — Татуировка в виде рептилии может быть частью символа — змеи, пожирающие хвосты друг друга. — Она рассеянно нарисовала пальцем на пыльном полу фигуру в виде восьмерки: две переплетенные змеи, оскалившие клыки. — Для

охотников на ведьм этот знак символизирует навсегда связанные и пожирающие друг друга магию и зло. Наверняка я не скажу, но клеймо ставилось на том самом месте.

Шейн помолчала, обдумывая сказанное, и наконец произнесла:

— Она выглядела старой.

— О чём ты?

— Татуировка выглядела старой, выцветшей.

— Тогда Рэд, возможно, и правда родилась в Андаре. — Фи снова отщипнула от рулета, но, похоже, аппетит она потеряла. — В Северных горах, далеко от замка и Тернового леса, еще осталось несколько поселений. Охотники всем там заправляют как цари. Не повезет магу, который рождается в тех местах.

На Шейн навалились усталость и злость. Она догадалась, что Фи имела в виду: кто-то поставил Рэд клеймо, кто-то, испугавшийся ее силы. И судя по всему, это сделали, когда она была совсем маленькой.

Внезапно Шейн вспомнила, как Рэд гладила спутанную шерсть бродячего пса, и нежный голос девушки: «Даже если они опасны, даже если кажутся злобными, у них всегда есть на то причины. А вот люди могут быть жестоки без всякого смысла».

Может быть, она сама видела эту бессмысленную жестокость? Возможно, собачьи отметины показались ей напоминанием о том, каково это, когда тебя ранят до шрамов...

Не замечая того, Шейн раздавила остатки рулета в кулаке. С первого же взгляда, когда она встретила Рэд в лесу, наемница увидела в ней что-то — что-тозывающее к глубинам души. Она была словно пазл-головоломка — рама собрана, но в середине путаница; Шейн не представляла, как сложить кусочки. Но мысль

о том, что кто-то причинил Рэд боль — когда она была еще маленькой и ничем это не заслужила, — резала будто ножом. А Шейн взяла и отпустила ее.

— Почему ты мне раньше не рассказала? — возмущалась она.

Фи вспыхнула.

— А ты как считаешь? Что бы ни случилось с Рэд, это ее дело, мне не стоит вмешиваться.

Шейн не удивилась, что Фи так думает. У Ненроа было золотое правило: никогда никому и ничего не рассказывать. Но Фи просто не понимала. Ее всегда окружали такие люди, как Письмовник, Шейн или ее родители, — те, которые следили, чтобы ей не было одиноко, даже если Фи того хотела. Но, судя по тому, как Рэд ласкала собаку, — близких у нее не имелось.

— А вдруг Рэд в беде и ей нужна помошь? — огрызнулась Шейн.

Фи нахмурилась.

— Сомневаюсь, что нам стоит в это лезть.

— А если ей нужна *моя* помошь?

Лишь произнеся эти слова вслух, Шейн поняла, как сильно хочет, чтобы они оказались правдой. Когда она бежала по рынку, держась за руку Рэд, стояла в тесной близости с ней, всего лишь на расстоянии вдоха, в переулке, в душе у нее всколыхнулись давно забытые чувства. Острая жажда...

Фи так скучно и безразлично посмотрела на нее, что воодушевление Шейн сошло на нет.

— Ладно. Глупости болтаю. Но между нами есть связь! — не отступала она. — Знаешь, бывает вот так: встретишь кого-нибудь и чувствуешь, словно...

— Если ты скажешь «любовь с первого взгляда», я запихаю эти слова тебе в глотку, — вспыхнула Фи.

Северянка удивленно заморгала: неужели обычно невозмутимая Ненроа вышла из себя? Но потом поняла: дело не в Рэд, а в принце Шиповнике и его внезапном появлении в жизни Фи.

— Я просто хотела сказать, что мы словно предназначены друг для друга. — Шейн застенчиво потерла затылок. — Наверное, как-то драматично звучит... Хотя не так драматично, как «предначертанное судьбой спасение зачарованного принца».

Она вытянула ногу и подтолкнула ею ботинок подруги.

— Да уж, — хмыкнула та, натянуто улыбаясь, затем неловко откашлялась. — Не стоило мне так резко выражаться.

Других извинений не последовало, но Шейн и на это была согласна.

— Ну что, твой призрачный принц уже заглядывал в гости? — поинтересовалась она, и тут ее озарила кошмарная мысль: — Его же сейчас здесь нет?

Шейн пристально осмотрела темный чердак, подозревая, что привидение Шиповника прячется где-то за связкой чеснока.

— Нет! — хохотнула Фи. Она подтянула к себе ноги и опустила подбородок на колени. — Пока что он появлялся лишь раз. Но с тех пор как я уколола палец веретеном, снится мне каждую ночь. Никак поверить не могу, что из всех людей веретено выбрали меня. Мне все кажется: это ошибка.

Фи рассматривала свою руку, но не с отметиной от веретена. Она не отводила взгляда от перчатки. Шейн не представляла, в чем там дело, зато точно знала, как убрать с лица напарницы это сложное выражение. В конце концов Фи легко вывести из себя.

— Хорошо, что тебе хватило ума взять с собой меня, — заявила наемница, сунув руки под голову.

Ненроа фыркнула, но ее губы тронула улыбка.

— Я помню другое.

Они окунулись в дружеское молчание, и Шейн снова подумала о Рэд.

— Если Рэд действительно из Андара, может, мы еще встретимся.

— Может, и так, — согласилась Фи. — Если я правильно помню, на островах Несокрушимых говорят: если трижды встретишь человека случайно, значит, вам суждено быть вместе. В следующий раз, возможно, ты сумеешь выудить у нее какие-то ответы, — сухо сообщила она, но приподнятая бровь подсказывала, что напарница посмеивается над Шейн.

Та скатала салфетку комком и бросила в Фи.

— Думаешь, я не заметила, как ты краснела и таращилась в стену? Принц Шиповник ведь не столетний согбенный дедуля? Дай угадаю… молод, красив, светловолос…

Фи быстро вскочила, но Шейн успела увидеть ее порозовевшие щеки. Вот и ответ!

— Пойду возьму еще одеял у Твайлзы, — заявила Ненроа, распахнула люк и поспешно в нем скрылась, но напоследок высунула голову и сказала: — Поспи. Хочу выехать еще до рассвета.

— Кто бы сомневался, — проворчала Шейн, но все равно улыбнулась и вытянулась под пучками сладко пахнущего укропа, довольная окончанием разговора.

Сон в ту ночь никак к ней не шел. Фи давно свернулась под одеялом калачиком и задремала, а Шейн все смотрела в круглое чердачное окно на крошечный клочок

ночного неба. Странная колыбельная Рэд затронула какие-то струны в глубине ее души, но мотив Шейн не запомнила, больше всего он напоминал ей «О, быстрые воды». Впервые за очень долгое время Шейн вдруг подумала о единственной девушке, которая разбила ей сердце.

О Каре, с черными, словно кончики крыльев чайки, волосами и глазами, похожими на зеленые ледяные волны под зимним солнцем. О той, с кем она была помолвлена на Рокриммоне.

Как можнотише Шейн повернулась на спину и вытащила из сапога серебряный кинжал. Она покрутила рукоятку: с одной стороны была выгравирована Асталуна, принцесса Луны, с другой — Дагхорн, великий покоритель моря, который спустил ее на землю. Это одна из старейших легенд островов Несокрушимых, но конец у нее не счастливый. Асталуна так скучала по родине, что на вершинах гор наколдовала огромные ледники, дабы призвать вниз лунные лучи и проложить на небо дорожку из радужных огней. Большую часть жизни принцесса провела в одиночестве, лишь в разгар зимы возвращаясь навестить Дагхорна и своих детей; когда она ступала на лунную тропинку, над землей вспыхивало полярное сияние, а следы принцессы мерцали синим и зеленым светом.

Этот кинжал подарила ей на помолвку Кара, девушка, с которой Шейн обручили в очень юном возрасте. Тогда северянка видела в гравировке лишь любовную историю, но теперь размышляла: не скрывался ли там более глубокий смысл выбора Кары — лунная принцесса, вернувшаяся на небо? Шейн в ответ подарила ей мантию, расшитую традиционными символами красоты — розовыми маргаритками и подснежниками. Кара обожала розовые маргаритки — это все, что

помнила о ней Шейн, когда вернулась на Рокриммон готовиться к свадьбе.

Она все еще не забыла, как с влажными ладонями стояла рядом с Шейденом у главных ворот и ждала прибытия Кары, третьей дочери правителя Айсфера — девушки, с которой ей предстояло провести всю жизнь. Кишки у Шейн будто завязались в узел. Все утро она пыталась убедить Шейдена надеть церемониальный киртидль* наследника и занять ее место — хотя бы в первый раз, но теперь, когда он вырос на шесть дюймов, а она нет, они больше не могли так сделать.

Кара гостила на Рокриммоне еще в том возрасте, когда была совсем мала и беспечно бегала по лугам, пачкая платье в поисках идеальных маргариток, из которых плела венки. Всегда три: для себя, для Шейн и Шейдена.

Но девушка, которая вышла из убранной мехом кареты, была совершенно не похожа на ту, что помнила воительница. Шестнадцатилетняя, на год старше Шейн, она казалась невероятно хладнокровной и прекрасной в длинном платье из голубого, как лед, муслина и с черными волосами, заплетенными короной. Уже не воспитанница, а нареченная королева Шейн.

Та же не представляла, как с ней держаться. Когда она сидела рядом с Карой на пиру или слышала ее смех в другом конце комнаты, Шейн начинало мутить или

* Верхняя длинная рубаха с рукавами, надевавшаяся через голову, подобие римской туники. Длина могла варьироваться от середины бедра до колена; обычно изготавливалась из шерсти. Прим. пер.

она запиналась о собственные ноги, внезапно сделавшиеся неуклюжими. Кара казалась духом тумана, явившимся из старых легенд, такой идеальной, будто даже ненастоящей. За те несколько недель, пока невеста жила в замке, Шейн стала чаще прятаться на крыше сторожевой башни. Она наслаждалась минутами, когда они с Шейденом снова оставались только вдвоем.

Но однажды ночью — в такую же ночь, как все остальные, — они с братом смотрели на звезды, посмеиваясь и поддразнивая друг друга. Вдруг впервые за все это время нежный голос окликнул:

— Можно подняться? — На крепостной стене стояла Кара и смотрела на них.

Шейн едва не сказала нет. Ей вовсе не хотелось делиться, это место всегда принадлежало им двоим. Но Шейден уже протянул руку и помог Каре взобраться на башню.

Устроившись между братом и сестрой, она плотнее натянула на колени ночную рубашку из теплой шерсти. Здесь, вдали от придворных, Кара уже не казалась такой недотрогой: ее волосы свободно струились по спине, факелы на башне освещали веснушки на порозовевших щеках.

Шейдена, похоже, посетили те же мысли.

— Странно, как это ты удрала от тетки Аннор в таком виде? Как там она всегда говорит? — Брат погрозил пальцем и сказал тонким голосом: — Красота леди — это ее доспехи! Ни одного волоска торчать не должно!

Кара захихикала, зажимая рот рукой.

— Не надо так, ты прямо как она, — простонала Шейн.

Сварливая тетка Аннор приезжала с Карой, когда та была еще ребенком. Старуха не стеснялась гоняться

за будущим Военным вождем Рокриммона с расческой. При одной мысли об этом у Шейн заныла кожа головы.

— Она все так же беспощадна, — предупредила Кара. — К счастью, спит как убитая, особенно если выпьет брусничного вина.

— Ну, мне так больше нравится, — заявила Шейн, подумав, какой скованной выглядела Кара в своих модных платьях с глухим воротом.

— Когда-то ты говорила, что я больше нравлюсь тебе с ветками в волосах, — напомнила Кара. — Мы-то знаем: ты непривередлива.

И все сразу стало легко, будто в прежние времена, троица вспомнила былые дни и поспорила, по чьей вине Шейдена как-то заперли в прачечной. Брат и Кара были уверены — виновата Шейн. Неловкость исчезла, и воительница вдруг поймала себя на том, что от смеха у нее разболелись щеки; она принялась пускать Каре пыль в глаза, выдумывая истории о созвездиях, совсем как в детстве.

— Вон лохматый волк гоняется за луной.

Шейден закатил глаза.

— Это не волк. Это серебристый олень, который показывает заблудившимся детям путь из леса.

— Скукота, — фыркнула Шейн. — Это волк, он отгрыз от луны кусок, слюнявые крошки прилипли к небу и стали звездами.

Кара сморщила нос и рассмеялась. Шейден дотянулся и дал сестре подзатыльник.

— Выражайся прилично. Попробуй ты, Кара.

Та склонила голову, рассеянно наматывая на палец прядь волос. Шейн уже замечала у нее такой мечтательный вид, когда она смотрела с другого конца зала на близнецов, сидевших у трона отца. И воительница впервые задумалась: о ней ли были те мечты?

Ладонь Кари накрыла ее руку, и Шейн до самых кончиков пальцев на ногах пронзила искра. Это была не просто ее нареченная, а лучшая подруга детства. А теперь они снова воссоединились — Кара, Шейн и Шейден. Как всегда.

Над сторожевой башней пронесся порыв осеннего ветра.

Кара задрожала.

— Замерзла? — спросила Шейн.

Лишь много позже она задумалась о том, почему Кара не взяла с собой новую мантию, подарок на помолвку, ту самую мантию, расшитую розовыми маргаритками. Шейн знала только, что они с братом действовали одновременно. Шейден стянул с плеч тяжелую накидку, а Шейн распахнула свою, чтобы Кара могла согреться, придвинувшись ближе.

В тот миг оба они замерли совершенно неподвижно. У Шейн возникло странное ощущение, что происходит что-то важное, что-то очень хрупкое висит на волоске.

Кара посмотрела на нее, затем снова на Шейдена, а потом очень осторожно придвинулась ближе к ней и прижалась щекой к ее плечу. Брат промолчал.

— А те двое? — спросила Кара, указывая на две яркие звезды над морем.

У Шейн замерло сердце.

— Это...

— Влюбленные! — перебил ее брат прежде, чем она успела сказать «Близнецы».

Шейн попыталась поймать его взгляд, но он повернулся спиной и уставился во тьму.

И даже тогда она не осознала до конца, что происходит. Шейден перестал подниматься с ней на башню, но Шейн этого почти не заметила. Слишком увлеклась

Карой, отчасти влюбившись в девочку, которой та была когда-то, отчасти в девушку, которой стала сейчас, ту, что заставляла сердце воительницы проделывать странные трюки.

Эти чувства пылали в ней месяцами, подпитываясь каждым нечаянным прикосновением. А потом в один прекрасный вечер они вдвоем спрятались в спальне Шейн, снаружи шел снег, на окнах сверкали ледяные узоры, и она вдруг беспечно склонилась к Каре и поцеловала ее. Та позволила, губы ее были мягкими и податливыми, но на поцелуй не ответила.

Шейн обиженно отстранилась.

— Что-то не так? — спросила Кара. — Тебе не понравилось?

Сердце Шейн будто окаменело.

— Я тебе не нужна, — сказала она, каждое слово ледорубом вонзалось в ее грудь, ведь Шейн вдруг ясно поняла, в чем дело, правда была как на ладони. — Тебя тянет к моему брату.

— Мне нравятся и юноши, и девушки, — отозвалась Кара, холодные зеленые глаза не выдавали чувств.

— Я не это сказала. Ты его любишь? — В памяти пронеслись сотни мгновений — и все напоминали тот миг на сторожевой башне, когда Кара посмотрела на близнецов и выбрала Шейн, но не по собственной воле, а потому, что так нужно.

Воительница закрыла глаза. Она должна была чувствовать себя преданной, но сама словно оцепенела.

— Это не важно, — невыносимо спокойно сказала Кара, будто ясно понимала, что говорит. — Между нами это ничего не меняет.

— Что ты несешь? — возмутилась Шейн. — Ты меня хотя бы любишь? А сможешь когда-нибудь полюбить?

Кара выглядела уязвленной.

— Ты глубоко небезразлична мне, Шейн. И я всегда буду тебе верна.

— Не нужна мне верность! — Она схватила Кару за руки. — Я хочу любви, настоящей любви. Хочу, чтобы мы были суждены друг другу.

Шейн крепко переплела их пальцы, пытаясь отыскать во взгляде Кары малейшую искру тепла. Ее пальцы были холодными — такими холодными, что Шейн показалось, она и впрямь лишь дух тумана.

— Так и есть. Нам суждено править вместе. Вместе повелевать Рокриммоном. Просто полюбить не суждено.

Шейн отпустила ее руки и попятилась.

— Как ты можешь довольствоваться только этим?

— Потому что это мой долг, — как ни в чем не бывало заявила Кара.

Долг. Снова долг — чем ближе становилась дата провозглашения ее наследницей, чем сильнее отец пытался сделать из нее настоящего Военного вождя, тем больше Шейн ненавидела это слово.

Если они с Карой поженятся, таким станет их будущее. Отдать всю жизнь долгу. Порвать с братом. Союз с девушкой, которая никогда ее не полюбит. Будущее, где никто не получит того, о чём мечтает.

— Шейн... — начала Кара, потянувшись к ней.

— Просто уйди, — отпрянула та.

Рука Кары зависла в воздухе между ними и упала.

— Мне жаль, — прошептала она, уходя.

Шейн промолчала, просто крепче стиснула зубы, чтобы не дать волю слезам.

Глава 12

Фи

Ф и потянулась и окинула взглядом Горные Пики, в ушах у нее свистел ветер. Совсем рядом расстипался край пропасти и открывался пьянящий вид на черные гранитные верхушки, острые, будто наконечники копий, от которых и пошло название хребта. Легкие наполнились ароматом первоцвета и колокольчиков. Если зажмуриться, можно почти забыть об усталости, пропыленной одежде и тяготах четырех дней в седле.

— Надоело мне уже срезать дорогу!

Фи возвела глаза к небу и посмотрела на напарницу. Они остановились напоить лошадей в пересекавшем тропу неглубоком широком ручье — талых водах с вершиной, а может, это был поток, оставшийся после дождя. Лошади бродили в холодной воде, пощипывая молодую травку в расщелинах.

Шейн сгорбившись сидела на камне и держала в руке сапог: она счищала с подошвы грязь и водоросли.

— Итак, ты протащила нас через горы, чуть не сбросила с расшатанного моста и пыталась утопить в трясине с кишащими вокруг комарами. — Шейн

погрозила ей скользким сапогом, будто кулаком. — Для человека, который так торопится, ты слишком тянешь время!

— Вообще-то это было болото, — поправила Фи.

Она тактично умолчала о том, что они потеряли бы куда меньше времени, будь ноги Шейн чуточку длиннее. Филоре легко перепрыгнула топкий участок, но северянка провалилась по колено и с трудом вытащила сапог из грязи.

Шейн в последний раз как следует шаркнула подошву и вытянула руку, чтобы осмотреть проделанную работу.

— Я ни разу не бывала в Беллисии. Какая она?

У напарницы имелась привычка выпытывать то, о чем Фи меньше всего хотела говорить. Она постаралась принять безразличный вид.

— Это пропускной пункт на границе, ближайший к Терновому лесу, — просто объяснила она. — Путешественников там мало.

— Но ты успела побывать, — заметила северянка.

— Я много где побывала.

— И ты уверена, что мы раздобудем пропуска? — не отступала Шейн. — Мне кажется, лучше было пройти внизу...

— Что лично тебе кажется, мне прекрасно известно, — огрызнулась Фи.

С той ночи, которую они провели в доме Ненроа, Шейн продолжала бить в больное место, тонко, а порой и не слишком тонко намекая, как жаждет выяснить, что случилось с семьей Филоре.

— Хранитель границы — герцог Беллисия, надеюсь, пропуска мы получим легко.

— Ты вращаешься в высших кругах, — присвистнула Шейн.

«Все гораздо сложнее, чем тебе кажется», — подумала Фи. По правде сказать, она не хотела связываться с семейством Беллисия, но лучше уж так, чем навлечь проклятие на фамильное гнездо, поэтому выбор сделан.

Четыре дня назад перед рассветом они покинули дом Твайлы и направились на юго-восток в сторону герцогства. Пришлось держаться подальше от наезженных путей, пробираться старыми тропами торговцев через крутые горные перевалы и двигаться почти наугад — дорога иногда сужалась до колеи, ширины которой едва хватало, чтобы провести лошадь.

В суровых условиях Фи путешествовала не раз, а вот к новой напарнице все еще привыкала. Шейн могла затаить драку с кем угодно — от ящерицы до разросшегося куста полыни — и бесконечно тарахтела о том, как спасала своих бывших неповоротливых напарников самыми невероятными способами. Фи с ужасом думала, какой она сама предстанет в одной из будущих историй Шейн. И все же, если хоть половина из них правдивы, хорошо иметь рядом опытную наемницу, вдруг дело дойдет до схватки с охотниками на ведьм.

Эта мысль ее встревожила. Фи покрутила головой, осматривая скалы. Принца с той ночи в Приюте Ворона она почти не видела. Иногда выше по склону мелькало синее пятно, но исчезало так быстро, что казалось просто игрой света.

Фи точно не знала, бережет ли Шиповник силы или еще учится появляться в реальном мире, но тревожилась всякий раз, когда вспоминала, что охотники на ведьм ищут, предположительно, *мага Света*. Они не догадывались, как были близки к истине.

Фи отмахнулась от надоевших мыслей и плотнее надвинула шляпу на лоб. Шейн, снова в сапогах,

поглаживала шею вороной лошадки, предлагая ей одно из последних бесценных яблок.

Фи недовольно цокнула языком.

— Если ты закончила, нам пора в дорогу...

Ее оборвал резкий птичий крик. Филоре посмотрела на край тропы, где со скалы стекало множество мелких ручейков. Что-то копошилось внизу. Она подошла ближе: узкий выступ влажной скалы был сплошь испещрен перьями и пятнами цвета ржавчины. Не меньше десятка ворон там клевали какие-то кости.

От звука шумной птичьей трапезы у Фи скрутило живот. Она тут же вспомнила о Пряхе, у которой на службе были вороны-шпионы. Воздух вдруг словно похолодел, и по коже Фи побежали мурашки.

Две птицы сцепились из-за какого-то лакомого кусочка, бешено хлопая крыльями. Сквозь мешанину перьев Фи разглядела существа на камне. Это тоже была ворона, только очень большая, с блестящим клювом и распластанным, словно влажная тряпка, крылом. Тело было обглодано дочиста и смахивало на скелет. Мертвые глаза, затянутые молочной пленкой, словно уставились прямо на Фи. А потом они моргнули.

Филоре ахнула и отшатнулась. Каблук ботинка зацепился за камешек, тот покатился вниз и вспугнул ворон. Они вдруг все разом взмыли вверх, поднявшись громадной черной волной. Темные крылья колотили по воздуху, яростные крики слились в оглушительную какофонию. Лошадь шарахнулась в сторону, широко распахнув испуганные глаза, и Фи схватила поводья, чтобы ее удержать.

— Тише,тише...

Она развернулась как раз вовремя и увидела, что вороная лошадь встала на дыбы, запрокинула голову. Тяжелое плечо угодило Шейн прямо в грудь. У Фи

от ужаса перехватило горло, когда напарница отпрянула к краю скалы. Та запнулась каблуком о выступ, неуверенно покачнулась, напряглась всем телом и рванулась вперед, упав на колени в ручеек.

— Шейн! — крикнула Фи, подскочила к ней, схватила за руку и потащила подальше от края. — Ты цела?

— У, вороньё проклятое! — Северянке было недосуг отвечать, она тряслась кулаком вслед исчезающей в небе стае. Потом бросила на Фи хмурый взгляд: — Говорю же, зря мы дорогу срезали.

На сей раз, когда напарница отдала бедным испуганным лошадкам последние яблоки, Филоре не возражала.

От недавней промашки сердце все еще колотилось. Сглотнув подкатившую желчь, Фи перегнулась через край взглянуть на мертвую птицу, но та уже исчезла. Сердце дрогнуло, и Фи прижала руку к груди. Дохлятина же не могла улететь с остальной стаей? Или те мертвые глаза и правда моргнули?

Хотелось думать, что все это игра воображения, но Фи-то знала. В совпадения она не верила. Из глубин мертвых глаз на нее смотрел еще кто-то: ведьма, снедаемая ненавистью к Андару и принцу Шиповнику, а теперь и к Фи. Похожее ощущение возникает, когда идешь глухой ночью по темному переулку, кожа вдруг покрывается мурашками и ты понимаешь, что уже не одна.

Филоре вздрогнула. Сказки о Пряхе ее никогда не пугали, однако слушать историю о темной магии и очутиться в ней — большая разница. Они поехали дальше, но Фи все казалось: нежить по-прежнему смотрит ей вслед.

Несколько часов спустя Филоре еще размышляла об этом, глядя, как солнце опускается за Горные Пики,

уже после того, как они разбили лагерь на лугу у опушки леса. Ночь выдалась спокойной, если не считать стрекота сверчков, шума тихого ветерка и звуков, издаваемых Шейн, которая хранила у костра, словно антик, кабан. Фи сидела, опустив подбородок на колени, и вглядывалась во тьму.

Краем глаза она заметила движение и резко подняла голову — ей показалось, мелькнули черные крылья, но это был всего лишь взмах плаща Шиповника: принц уселся рядом с ней, положив руки на колени.

— Не спится?

Фи пригвоздила его тяжелым взглядом.

— Нет, и, возможно, больше не засну — ты ведь напомнил мне, как любишь захаживать без предупреждения в гости по ночам.

Принц беспомощно пожал плечами.

— Я все время сплю, ночь или день — для меня нет разницы. А тебе что мешает?

Фи неопределенно хмыкнула, не желая откровенничать с тем, кто может исчезнуть посреди беседы.

— Понял! Ты хочешь, чтобы я угадал. — Шиповник нетерпеливо подался вперед, проследив за ее взглядом, устремленным к черноте пропасти. — Боишься обваливаться? Маленький камнепад, и вы обе свалиитесь с утеса — бабах! — Он махнул рукой, указав на отвесный склон за кругом костра.

— Я *не* о том волнуюсь, — проворчала Фи, внезапно поняв, что слышит шум каждого покатившегося камешка. — Есть проблемы и посерьезнее.

— Вроде змей? — услужливо предположил принц. Его широкая улыбка намекала, что он делает это нарочно. — То есть вам ведь нужно спать на земле, а днем как раз неподалеку на тропинке грелись большущие змеи.

Фи не нуждалась и в этом напоминании — как и в размышлениях, нет ли в расщелине позади них гнезда скользких чешуйчатых тварей.

— О, а как насчет разбойников? — воодушевленно добавил Шиповник. — Я читал много книг о разбойниках, рыскающих по дороге.

Так высоко в Горные Пики разбойники вряд ли заглядывали — здесь попросту некого было грабить. А вот охотники на ведьм за добычей последуют куда угодно. При мысли о ведьмах Фи вздрогнула.

— Путешествие полно опасностей. — Принц принялся загибать пальцы. — Есть о чем волноваться: обвал грунта, голод, тепловой удар...

— Да, Шиповник, — огрызнулась Фи чуть громче, чем намеревалась. — Мы можем умереть в любой миг. Не представляю, как прежде я вообще умудрялась спать.

Принц засмеялся, но негромко, и его смех будто закружился вокруг нее дуновением ветра.

— Тогда лучше поделиться, что у тебя на уме.

Фи, не глядя на него, плотнее закуталась в куртку.

— Нам сегодня встретились вороны. Одна из них была... — Она осеклась, не зная, как описать увиденное, не зная даже, хочет ли это описывать. — Пряха уже нашла меня, да?

— Удостовериться невозможно. Но если еще нет, то скоро найдет. — Шиповник помрачнел. — Птицы всего лишь шпионы. Сомневаюсь, что тебе грозит беда, — до Андара еще далеко.

Фи наградила его унылым взглядом.

— Значит, если мы избежим встречи со змеями и обвала, нас подстерегают другие опасности?

— Что-то подсказывает мне: ты из тех, кто готов ко всему. — В свете пламени в синих глазах принца

плясали огоньки. — И не забывай: я обещал сопровождать тебя на каждом шагу.

— Пока снова не исчезнешь!

— Сомневаюсь, что это снова случится... — Он осмотрел свои руки, затем усмехнулся ей сквозь пальцы. — Ну а если так, даже несколько минут с тобой стоят дороже...

— Замолчи, пока не поставил себя в неловкое положение!

«...Или меня», — в отчаянии подумала Фи. Но почему-то ей стало немного легче. Она совершенно точно не скучала по принцу — просто не могла скучать по тому, кого едва знала, но рядом с ним ночь казалась не такой угнетающей.

Шиповник хихикнул. Вдруг он распахнул глаза и подался к ней. Сердце в груди Фи подпрыгнуло, и пульс ускорился.

— У тебя тут маленький попутчик, — сказал принц.

Что? Фи недоуменно заморгала, а потом увидела, что Шиповник смотрит на помятый рукав ее рубашки, по складкам которого ползет гусеница.

Филоре хотела смахнуть ее, но принц покачал головой.

— Позволь мне. — Он нахмурился, сосредоточился и поднял руку.

Пушистая черная гусеница вскарабкалась на протянутый палец и... продолжила путь. Палец Шиповника был не призрачным, а вполне осозаемым под множеством лапок букашки. Фи едва успела удивиться, как принц моргнул, и гусеница, пролетев сквозь его руку, приземлилась на штаны Фи.

Шиповник так сконфуженно посмотрел на нее, пока букашка, сердито извиваясь, поднималась на лапки, что Филоре не удержалась от смеха.

Если и бывают рассерженные гусеницы, то это одна из них.

— Почти получилось! — сказал он.

— Ну, в ближайшем будущем нести меня я тебе не доверю. — Фи подцепила гусеницу листком и отклонилась назад, чтобы пересадить ее на пучок высокой травы.

— Что ж, соглашусь, — признал Шиповник. — Продолжу тренироваться.

Он встярхнул рукой — и с его пальцев ослепительными искрами брызнули капли магии.

— А что ты вообще умеешь? — С любопытством посмотрела на него Фи.

Принц откашлялся и провозгласил официальным тоном:

— Как твой спутник я могу составить компанию и поддержать беседу, а также перенести вещи на очень короткие расстояния. — Она невозмутимо посмотрела на него, и Шиповник рассмеялся. — Ты спрашивашь, на что я способен как маг Света... Могу создавать искры, свет, тепло, а порой навести иллюзию.

Он поймал ее взгляд и сунул руку в горящий костер. У Фи захватило дух, хоть она знала, что огонь ему не навредит. Принц повернула кисть, и лепестки пламени стали закручиваться, пока на ладони у него не оказалась алая роза. Жар лизал его пальцы.

— Но это не всё. — Шиповник убрал руку, и огонь снова стал обычным. — Лишь мелкие фокусы, которые я могу делать благодаря своему родству с магией Света.

У Фи перед глазами все еще стоял образ розы.

— Я и не думала, что оно имеет такую силу.

Родство — естественное проявление магии. Родство с растениями дарило способность прорастить

зернышко. Родство с ветром — вызвать порыв воздуха. Родство с огнем — создать завиток пламени.

Все чародеи могли использовать родственную им магию без обучения, но для чего-то более сложного требовалось направить силу с помощью заклинания. У многих на освоение всех заклинаний из одной колдовской книги уходила целая жизнь.

Могущественных ведьм, способных на великие магические свершения, было немного, их гигантские статуи высились во дворе королевского замка Андара. Фи не знала, насколько сложна магия иллюзий, но если роза — всего лишь маленький фокус, значит, на кончиках пальцев Шиповника сосредоточена огромная сила.

— Вот видишь, я знал, что могу тебя впечатлить, — довольно заявил принц. — Мое родство со светом так сильно, что в детстве я едва мог им управлять. И когда боялся темноты, то освещал комнату как маяк, мешая няням спать по ночам.

— А теперь ты взял и все испортил, — хмыкнула Фи. Ее изумление разрушил образ маленького златовласого принца, которого укладывает в постель замученная нянюшка с темными кругами под глазами. — Рада, что ты уже вышел из этого возраста.

— Ты еще не видела, что я творю с помощью *настоящих* заклинаний. — Его глаза сверкали в темноте, словно бросая ей вызов.

Настоящие заклинания... Фи лихорадочно размышляла. У нее не было и капли собственной магии, но гримуары, оставшиеся от орденов чародеев Андара, всегда ее притягивали. Родство — это то, с чем человек рождается, но заклинания можно выучить. Это не просто пара особенных слов: для одних требовались руны или оккультные символы, для других — сложные

ритуалы, например последовательность движений, которые нужно было выполнить в заводи с неподвижной водой, где отражается луна.

Однажды Фи наткнулась на гримуар, в котором все заклинания были представлены в виде музыкальной композиции.

А еще чародеям для концентрации магии часто требовался посредник. Письмовник с этой целью использовал бумагу и чернила, но в роли посредника могло выступать что угодно, от древней реликвии до пригоршни песка. Некоторым магам посредником служил даже цвет.

Однажды, когда она поехала с отцом в свою первую экспедицию, они попали в кабинет чародея, который в качестве посредника использовал синий цвет. Фи с удивлением смотрела на синие занавески, колокольчики с длинными синими кистями и люстру с подвесками ярко-сапфирового стекла. Пол был усыпан дробленой кобальтовой краской и увядшими лепестками колокольчика; куда бы ни шла Фи, она повсюду оставляла в пыли маленькие синие следы.

Именно поэтому Филоре так старательно учила магические языки. Книги заклинаний будто переносили ее в золотой век волшебства, и она могла со стороны наблюдать, как чародеи соединяют редкие ингредиенты в точно рассчитанных пропорциях или направляют свою магию через сложенные крестом белоснежные камни.

При мысли о том, что если Шиповник останется рядом, она увидит все эти захватывающие дух заклинания своими глазами, у Фи замерло сердце.

Вдруг принц склонился к ней близко, так близко, что они почти оказались нос к носу. От этого кожу у Фи начало покалывать.

— О... Я понял, почему не нравлюсь тебе.
Что, снова?

Фи отодвинулась на безопасное расстояние, скрестила руки на груди и принялась ждать.

Шиповник драматично вздохнул.

— Ты думаешь, что я намного выше тебя по положению. Я могущественный чародей, принц, а ты просто дочь фонарных дел мастера.

Губы Фи невольно изогнулись в улыбке.

— Думаешь, мне никогда бы не дозволили с тобой связаться? Но, уверяю тебя, я мастер обманывать ожидания.

— Да уж, по легендам, я ожидала от тебя совсем другого, — призналась она.

— Ты тоже не такая, как я думал, — поддразнил принц, а потом сверкнул своей ослепительной улыбкой. — Ты намного больше.

Он снова застал ее врасплох. Фи смущенно отвернулась, стряхивая с рукава воображаемых гусениц. Затем усиленно откашлялась.

— А ты, с твоим высочайшим, по сравнению со всеми нами, ничтожествами, положением, соблаговолили ли ты присоединиться к какому-нибудь магическому ордену?

Иногда родство с магией было связано с чем-то определенным, например с пророчествами или целительством, но чаще можно было использовать его практически во всем: в превращениях, иллюзии, военном ремесле. Но родство с магией Света встречалось крайне редко даже в период расцвета Андара.

Шиповник запрокинул голову, чтобы посмотреть на звезды.

— На самом деле я никогда не ходил в магическую школу. Поскольку я не мог покинуть замок, меня учили

лично три самые могущественные ведьмы в королевстве. — Он приподнял бровь, выжиная, когда же Фи догадается.

Она недоверчиво разинула рот.

— Хочешь сказать, тебя учили три Великие ведьмы? — переспросила Ненроа. — Твоими наставницами были три Великие ведьмы?!

— Три великие охотницы до чужих дел, — поправил Шиповник, подбросив в потрескивающий костер листок. — Они были очень озабочены тем, чтобы удержать меня в замке.

Фи невольно хихикнула, но быстро заглушила смех, бросив взгляд на Шейн, которая спала по ту сторону костра. Последние Великие ведьмы для нее были печальными и трагическими символами, очень достойными женщинами, рискнувшими жизнями ради обретенного принца. Однако продолжать думать о них по-прежнему теперь оказалось непросто: Фи так и видала, как эти самые ведьмы за шкирку волокут юного Шиповника на занятия.

— Значит, вот как ты мне являешься? — спросила она. — С помощью магии Великих ведьм?

— Да, но иначе, чем ты думаешь, — меланхолично протянул принц и поднял палец, показывая ей. — Я перемещаюсь не с помощью чар, которым меня учили. Дело в заклинании, под действием которого я нахожусь.

И Фи снова увидела в тусклом свете костра крошечную отметину на его пальце, похожую на завиток красной нити.

— Это все магия веретена. Та, что связывает нас с тобой. Когда я раньше ходил во сне, то перемещался только по замку, но теперь есть нить, ведущая к тебе. — Шиповник со вздохом откинулся на спину и забросил руки за голову. — Я не по-настоящему здесь, Фи. Все

это — мое тело, голос, даже способность чего-то касаться — принадлежит моей спящей сущности в Андадре. Я сейчас сам — порождение магии Света. Сомневаюсь, что способен даже творить настоящие чары.

Воцарилось долгое молчание, Фи переваривала сказанное. Наверное, ужасно обидно владеть такой силой и притом оказаться в ловушке. Она подумала, что может представить себя на его месте, хоть чуть-чуть.

Принц перекатился на бок и пригвоздил Фи серьезным взглядом.

— Но если ты хочешь, то, наверное, я могу сиять.

— Вот уж не надо, пожалуйста, — прошипела Фи, досадуя на себя, что даже на миг могла принять Шиповника всерьез.

Тот пожал плечами, и чуть дрогнувший уголок его губ подозрительно смахивал на торжествующую улыбку. Принц снова улегся на спину.

— Мне все равно не хотелось портить вид.

Фи посмотрела наверх. Ночь выдалась ясная, хотя на первый взгляд ничего особенного. И все же, забираясь в одеяла, она не удержалась и покосилась на Шиповника, чьи глаза безотрывно смотрели в бархатные небеса. Невольно она принялась отыскивать созвездия, прослеживая незримые нити, что соединяли далекие звезды. Возможно, они с Шиповником связаны таким же образом — как часть большого, невидимого им созвездия.

Все это казалось ужасно похожим на перст судьбы. Фи усилием воли прогнала мысли прочь. Она сунула под голову вместо подушки рюкзак и закрыла глаза.

Спустя два дня кладоискательницы добрались до вершины перевала. И на самой высокой точке, прежде

чем окончательно повернуть на восток, Фи оглянулась на дорогу, по которой они приехали. Она долго смотрела на горную гряду, чьи самые низкие вершины в полуденном свете отливали голубым и серым. Сине-зеленые сосновые склоны вдалеке сменялись глубокой зеленью осин и тополей; там, в гуще леса, гнездился городок Айделвайлд — просто проблеск солнца, отражающегося в окнах домов.

При мысли о родном гнезде Фи уколола тоска.

Никто не знал, удалось ли Скитальцу разрушить заклятие Бабочки или он умер таким же одиноким, как жил, вдали от дома и всех, кто его любил. Фи подумывала, не стоит ли поделиться своей бедой с Шиповником, рассказать о проклятии и попросить помощи. Он ведь маг. Возможно, сумеет что-то предпринять.

Вероятно, именно принц больше всех остальных понимает, каково это — когда у тебя отнимают дом.

Нет. Стоило об этом подумать — как ее пронзил холод. Отметина проклятия — доказательство ужасной ошибки. И Фи больше никогда подобной не совершишт, нельзя доверять кому попало. Она и раньше ни у кого не просила помощи, чтобы разрушить чары, ни к чему и сейчас начинать. Фи развернулась спиной к городу и поехала дальше.

Пока они спускались по склону, ветер усилился. Над горами прокатывались раскаты грома; Фи прищурилась. У них будет горячий ужин и, может быть, даже ванна, если они успеют добраться до «Черных сосен» до темноты. В постоянном дворе «Черные сны» проживающих было мало, однако поток путешественников не иссякал.

Путники уже обогнули поворот, и тут первая капля дождя упала на широкополую шляпу Фи. Вдруг вдали показались огни подворья. Над скрюченными

деревьями возвышался огромный домина — обветша-
лое строение из больших бревен и плотно подогнан-
ного камня. Бдительными очами во тьме светились
четыре ярких окна на фасаде дома, вокруг теснились
конюшни и хозяйственные постройки.

— Ну наконец-то! — воскликнула Шейн.

Фи выдавила улыбку и пришпорила лошадь. Каза-
лось, они хотят обогнать бурю.

Глава 13

Фи

К подворью «Черных сосен» они подъехали как раз когда солнце скрылось за горами и задул хлесткий ветер с ледяным дождем. Навстречу из конюшни выбежала девушка, Фи отдала ей лошадь, выудив горсть мелочи и вручив ее вместе с поводьями. Глаза служанки благодарно засияли, и Фи, поднимаясь по лестнице, улыбалась. Шейн шла позади. За некоторые вещи Ненроа не возражала переплачивать.

Однако удобства в их число не входили. Суровая хозяйка постоянного двора была прирожденной торгашкой, но Фи уламывала ее, пока та не согласилась за полцены предоставить им маленькую комнатушку с двумя соломенными тюфяками.

Филоре толкнула монеты по стойке в обмен на клочок бумаги с номером их комнаты. Она запомнила его, потом бросила обрывок в огонь.

Войдя в таверну, Фи покосилась на стену с объявлениями. Похоже, уродливой карикатуры на Шейн среди них не было. Возможно, пока неприятности с охотниками остались позади.

Пройдя через многолюдный зал, Шейн наконец уселась за стол под огромной люстрой из оленых

рогов. Рюкзаки девушки сложили у ног, и Фи позво- лила Шейн заказать по одной порции каждого блюда из меню, пока сама оценивала обстановку. Таверна была уставлена расшатанными столами и стульями с жесткой спинкой, в стенах — встроены камини. Прочные опоры — широкие, не обхватишь руками — испещрены следами от ударов топором; в помещении висел стойкий запах дымка, будто что-то забыли на вер- теле и сожгли.

Фи уже бывала здесь, но такого скопления народа не припоминала. К большинству столиков придвину- ты дополнительные стулья, повсюду сидели мужчины и женщины в пыльных куртках и обычных дорожных плащах. Фи казалось, кто-то буравит взглядом ее за- тылок, но, оглянувшись, не поняла кто.

— Нервничаешь? — спросила Шейн.

— Здесь как-то необычайно многолюдно, — на- хмурилась Фи.

Наемница фыркнула.

— Наверное, потому что снаружи необычайно плохая погода. — И будто в подтверждение ее слов в окно удариł тяжелый порыв ветра, а по стеклу хлест- нул дождь. — Хотя, думаю, нам не помешает еще один стул.

Фи недоуменно уставилась на напарницу. Обе они уже сидели.

— Ну, знаешь... для твоего приятеля... — Шейн неопределенно помахала рукой.

— Он мне не приятель, — запротестовала Фи. — И его сейчас здесь нет.

— Может, без стула ему кажется, что он тут неже- ланный гость, — нарочито обыденно заявила Шейн, явно пытаясь вывести Фи из себя. Увы, трюк срабо- тал. — Без обид, но если хочешь ему понравиться...

— Я ему и так слишком сильно нравлюсь, — пропищела Филоре и тут же покраснела, поняв, в чем нечаянно призналась. Она лениво пнула стул напарницы. — Да и кто ты такая, чтобы раздавать советы касательно личной жизни?

— Вообще-то, я еще с детства, на Рокриммоне, была помолвлена с прекрасной девушкой.

— Договорной брак? — Внезапно заинтересовавшись, Фи выпрямилась. — Я и не думала, что на островах Несокрушимых такое практикуют, разве что...

Разве что в семьях правителей!

Эта мысль ударила в лоб, словно кузнецкий молот. Ненроа бросила взгляд на топор, посверкивающий у ног северянки, — Фи в жизни не видела такого прекрасного оружия, — с декоративной серебряной гравировкой на лезвии и обузе. Несомненно, знак правящей семьи. Как она это упустила?

Фи взорвалась на Шейн, от изумления забыв про бурю и переполненный зал. У северянки тем временем вид был такой, будто она хотела запихать свои же слова обратно в глотку.

— Ты — дочь Военного вождя! — воскликнула Фи, разинув от потрясения рот.

Шейн скривилась.

— Громче кричи. Кажется, у барной стойки не расслышали.

Упервшись руками в стол, Фи подалась вперед.

— По меньшей мере третья или даже вторая принцесса... — негромко пробормотала она, перебирая в уме все, что слышала об островах Несокрушимых. Шейн по-прежнему странно настороженно смотрела на нее. Фи широко распахнула глаза. — Неужели наследница?

— Отвяжись ты со своими догадками! — проворчала Шейн, откинулась на спинку стула и уперлась коленом в стол. Тот скрипнул. — Я была наследницей вождя Рокриммона, но меня низложили.

— О... — сконфузилась Фи. — Мне так жаль.

— А мне нет, — заявила Шейн, ее серые глаза вдруг стали мрачными и серьезными. — Я сама сделала выбор.

Фи умирала от любопытства и все же подавила желание выведать подробности. В отличие от *некоторых*, она не лезла в чужое прошлое.

— И что теперь делает беглая принцесса с островов Несокрушимых? Работает по найму? — вместо этого спросила Ненроа.

— Делаю все что захочу! — широко ухмыльнулась Шейн. — И у меня это отлично получается.

— Сама скромность, — пробормотала Фи, но не сдержала улыбки. Это было так похоже на Шейн! Филоре не представляла подругу где-то при дворе, а тем более как она восседает на троне, раздает мудрые советы или блюдет законы королевства. Дикой и свободолюбивой Шейн лучше всего было там, где она сидела сейчас, — в шумной прокуренной таверне, откинувшись на спинку стула и ухмыляясь во весь рот.

Принесли еду, и это их отвлекло. Шейн заказала несколько видов тушеного мяса и дичи, а также гору поджаренного хлеба, смазанного луком и чесноком. Фи аккуратно положила себе всего понемногу, а наемница лопала прямо с подносов. Честно говоря, Филоре думала, что ее напарница просто, как питон, разинет рот и станет заглатывать еду вместе с тарелками. Немыслимо вообразить, что эта девушка когда-то была принцессой.

Вдруг волоски на затылке у Фи встали дыбом. Вернулось ощущение, что за ней наблюдают, хотя она не могла определить источник. Филоре попыталась убедить себя, что это Шиповник, но его взгляд никогда не был таким холодным.

А вот Шейн будто ничего не беспокоило, она промокнула остатки тушеного мяса куском хлеба, потом запихала все это в рот, откинулась на спинку стула и принялась покачиваться, с чрезвычайно довольным видом наблюдая за Фи. Та сморщила нос, а когда напарница попыталась забросить ноги на стол, положила этому конец. Все же существуют элементарные правила приличия! Дождавшись, пока Шейн полностью откинется назад, упервшись подошвой грязного сапога в край стола, Фи небрежно толкнула стол вперед. Северянка потеряла равновесие и с грохотом опрокинулась.

Вдруг сверху затрещало. Фи подняла взгляд и увидала, как на нее летит огромная люстра. Она успела вскочить, люстра рухнула на стол, с оглушительным шумом расколола дерево. Кусочки оленых рогов посыпались на Фи.

Несколько посетителей тоже вскочили на ноги, один мужчина принялся нашупывать обернутую тканью рукоять меча. Фи посмотрела на напарницу, все еще лежавшую на спине. Упади люстра парой секунд раньше — Шейн бы раздавило.

— Что за... — Оттолкнувшись от разбитого стула, наемница встала. Держа топор наготове, она гневно обвела взглядом помещение и рявкнула: — Это не случайность!

Фи ее почти не слушала. Она безотрывно смотрела на рукоять меча, инкрустированную крошечным желтым самоцветом, что блестел на свету, пока

плохо выбритый мужчина снова не убрал оружие под плащ.

Фи прищурилась и оглядела покачивающуюся веерку, которой тяжелая люстра была привязана к крюку в потолке. Над узлом шнур был обрезан. Фи похолодела: кусочки головоломки сложились в кристально ясную картину. Приглядевшись, она поняла, что большинство посетителей бара одеты в одинаковые дорожные плащи. А рукоять меча вскочившего завернута в ткань, чтобы спрятать желтый камень. Фи поставила бы все свои деньги до последней монеты, что это топаз. Сегодня среди завсегдатаев постоянного двора оказались охотники на ведьм.

До сих пор они пытались держаться незаметно, но Фи не знала, долго ли это продлится после того, как люстра не выполнила свою задачу.

Филоре нахлобучила шляпу на голову и забросила на плечо рюкзак.

— Шейн, нам нужно подняться в комнату, — хладнокровно заявила она, не желая, чтобы кто-нибудь разгадал ее намерения.

— О чём ты? — Северянка уже собиралась вонзить топор в ближайший к ней стол. — Меня только что пытались прикончить!

— Быстро, Шейн, — поторопила Фи, вручая ей большой рюкзак. Схватив куртку напарницы, она пошла к лестнице, вполуха прислушиваясь, не раздастся ли позади скрежет стульев и топот ног — знак преследователей.

— Ты понимаешь, что мы оставляем за спиной убийцу? — прорычала Шейн, пока Ненроа по узкой лестнице тащила ее на второй этаж.

Вдруг Фи резко остановилась и вытолкнула северянку обратно на площадку: в коридоре, прямо у двери их

номера, топтались две фигуры в тяжелых дорожных плащах.

Филоре выругалась сквозь зубы. Простое совпадение — пара путников укрылись от дождя, — или все же хозяйка постоянного двора продала их с Шейн охотникам? Возможно, именно потому на стене не оказалось объявлений — кто-то специально снял их, чтобы не вызвать у кладоискательниц подозрений.

А ведь следовало догадаться — не зря ведь комнату им сдали слишком дешево!

Шейн попыталась отпихнуть ее в сторону.

— Ладно, я понимаю, что ты привыкла со всем спрашивать сама, но я — твоя напарница, и считаю...

— Шейн... — перебила ее Фи, взяв за плечи. — Мы попали в ловушку. Это не просто убийца. Там, внизу, полтаверны — охотники на ведьм.

— Упрямые ублюдки! — пробормотала Шейн. — Как же я сразу не поняла... Рядом с перевалом остановиться можно только в «Черных соснах». Идеальное место для засады.

— Кажется, у нас гости. — Фи кивнула в сторону незнакомцев в коридоре; один из них как раз доставал из кармана кисет с табаком.

Шейн заглянула в другое крыло, где не было охотников, а потом пихнула Фи локтем. Та сразу догадалась, на что показывает наемница. Дверь одной из комнат была закрыта не до конца, язычок замка не полностью вошел в паз. В окне сверкнула молния, и охотники на несколько бесценных минут уставились туда, развернувшись спиной. Фи и Шейн тихо, как только могли, проскочили коридор, скрылись в незапертой комнате и задвинули за собой засов.

В номере было холодно, в камине не горел огонь, а из-за бушевавшей на улице бури царила почти кромешная

темнота. Зато — с облегчением увидела Фи, — никто их здесь не поджидал. И все же охотники вскоре догадаются, куда делась добыча.

Шейн с грохотом перевернула обе койки на бок и придвинула к двери. Фи нашупала веревку на поясе.

— Может, выбраться в окно? Спустимся на склон? — В конце концов, так безопаснее, чем пройти через парандную дверь.

— В окно, — согласилась Шейн, — только не вниз, это слишком очевидно, нас будут подстерегать. Мы взберемся на этаж выше.

— И чем это поможет? — возмутилась Фи. — Разве на следующем этаже проблем не возникнет?

— Нет, если провернем все быстро. Темно, идет дождь, никто не заметит, как мы карабкаемся. А когда окажемся на третьем этаже, проберемся к черной лестнице. — Шейн выглядела очень серьезной. — Если их и правда так много, как ты говоришь, другого выхода нет.

— Их правда так много или даже больше. — Фи закусила губу.

Мрачно кивнув, Шейн надела на плечи рюкзак и подтолкнула напарницу к окну. Та открыла створку и выглянула во двор, холодные капли дождя брызнули ей в лицо. Она чуть не свалилась с подоконника, когда позади заколотили в дверь — кто-то пытался ее открыть.

«Перед смертью не надышишься», — насмешливо подумала Фи, садясь задом на окно и сдаваясь на волю ливня. Она отцепила веревку от пояса. Стук превратился в грохот: в створку кто-то врезался всем телом, и от удара задрожал засов.

— Держи меня за ноги, — велела Фи и, не дождавшись от Шейн подтверждения, рискованно откинулась назад, под капли дождя.

Ругнувшись, Шейн успела ее ухватить. Прищурившись от льющейся сверху воды, Фи раскачала лассо. Под сильным ветром тяжело было держать глаза открытыми, но она сумела различить высоко вверху балку стропил. Фи надеялась, что та выдержит ее вес.

Ненроа еще быстрее раскрутила веревку и затаила дыхание. Железное кольцо звякнуло об крышу и скользнуло вниз, едва не угодив ей в щеку.

Удары в дверь стали сильнее. К первому взломщику присоединился еще один, теперь уже два плеча, словно таран, одновременно грохнули в дерево; петли жалобно заскрипели.

— Сейчас вломятся, Фи! — рявкнула Шейн.

Но Филоре не нужно было подгонять. Она высунулась еще дальше, мышцы живота болели от напряжения. В считанные секунды Фи промокла до пояса. Ветер сорвал с ее головы шляпу и унес в ночь. Фи выругалась. Сейчас было недосуг думать об этом, но шляпу уже не вернуть.

Она снова раскрутила лассо, стараясь не обращать внимания на трещавшую створку, тяжелое дыхание Шейн и собственный бешеный пульс. Прицелившись в край крыши — темный выступ на темном фоне, — Фи метнула кольцо. На сей раз оно зацепилось, веревка дважды обернулась вокруг балки и застяла в выемке.

Не теряя времени даром, Фи подтянулась. Ступни съезжали по неровным бревнам гостиницы, Ненроа впивалась ногтями в веревку, которая грозила вот-вот выскользнуть из рук. Дождь яростно шумел в ушах. Ботинок опасно соскочил, Фи держалась изо всех сил, стиснув зубы: шнур обжигал ладонь. Она видела стоявшую внизу на подоконнике Шейн, которая встревоженно смотрела наверх, подставив дождю лицо.

Наконец Фи добралась до окна на третьем этаже и рискнула отпустить одну руку, потом схватилась за створку, с радостью обнаружив, что та не заперта. И все равно понадобилось потрудиться, чтобы ее открыть. Филоре с такой силой вонзала ногти в щель, что казалось, они оторвутся. Наконец створка поддалась, и Фи влезла в комнату.

Та была пуста, но в очаге тлел огонь. Постоялец мог вернуться в любую минуту.

Сбросив рюкзак, Фи снова свесилась из окна, чтобы помочь подняться Шейн. Слышался лишь вой ветра и стук капель о стены гостиницы, но Филоре ясно представляла треск сломавшейся двери этажом ниже. Если они обе не успеют влезть в окно до того, как кто-то из охотников догадается посмотреть вверх, значит, все напрасно.

Рука у Шейн была холодной и мокрой, но хватка — сильной. Фи изо всех сил рванулась назад, наемница оттолкнулась от стены и кубарем влетела в окно, увлекая за собой напарницу. Фи выкарабкалась из-под свалившейся на нее подруги, чтобы достать веревку. Подергала ее, пока та не высвободилась, и нырнула обратно в комнату. Тяжело дыша, Фи захлопнула створку. Шейн привалилась к стене и взглянула на нее сквозь спутанные пряди волос.

— Ни минуты не поскучаешь, да? — хихикнула она.

— Рада, что тебе весело, — прокряхтела Фи, надевая рюкзак.

— Да брось! — Шейн похлопала ее по плечу и с поблескивающим в руке топором направилась к выходу.

Каждую секунду, пока они крались к черной лестнице, Фи ждала появления охотников на ведьм.

Третий этаж представлял собой лабиринт тупиков и крутых поворотов. На пути им встретилась только одна живая душа — усталый старик, которого Шейн, перенервничав, едва не лишила головы. Не успела она осознать это, как кладоискательницы уже помчались вниз по узкой черной лестнице.

На последней ступеньке Фи едва не споткнулась, неловко отперла засов и выскочила в ночь. Дождь пощечиной ударил в лицо. Небо пронзил разряд молнии, за ним последовал раскат грома — так близко, что Фи почти ощутила вибрацию кожей.

За гостиницей широкий двор был огорожен обветшалой коновязью, выше по холму стояла длинная приземистая конюшня, и ни одного охотника на ведьм в пределах видимости. От счастья у Фи едва не закружились голова; она помчалась по расшатанной лестнице, прыгая через ступеньку, к лошадям и свободе.

Фи с улыбкой повернулась к Шейн. Но вид у той был вовсе не радостный. Напарница в ужасе смотрела на нее, испуганно протягивая руку.

— Берегись, Фи!

Небо пронзил разряд молнии, блеснув на лезвии топора, который летел прямо в грудь Фи. За секунду между молнией и последовавшим за ней громом Ненроа не успела ничего предпринять. Только закрылась руками и отвернулась, но слишком поздно. В ушах прозвенел раскат грома, и на миг Фи оглохла, слыша лишь лихорадочное биение собственного сердца.

Но топор в нее так и не попал. Вместо Фи он врезался в лестницу, а в нее угодило что-то мягкое и теплое. Это оказался Шиповник с широко распахнутыми в испуге синими глазами. Он обхватил Фи, прижал к своей груди, вместе они ударились о землю и кубарем покатились по мокрой траве. Когда же наконец

остановились, Фи очутилась внизу, а принц смотрел на нее сверху.

Она взглянула на него в ответ; волосы промокли от дождя и грязи.

Шиповник приподнялся на руках, грудь его тяжело вздымалась.

— Цела?

— Кажется, да, — слабым голосом отозвалась Фи. Она ощутила, как подрагивают обнимающие ее руки принца. — А ты?

— Да. Но я это почувствовал, — сказал он, прижимая руку к животу, где топор пронзил его насквозь, будто к зияющей ране. У Фи замерло сердце. Когда они столкнулись, ей на миг показалось, что она может его потерять. И Филоре испугалась.

— Я ни разу никого не спасал в бою, — ошеломленно признался Шиповник.

Принц поднялся на колени, и Фи тоже, все тело буквально разламывалось от боли. Она промокла насквозь, но там, где ее касались его руки, все еще чувствовалось тепло. *Постой-ка!*

— Ты толкнул меня! — воскликнула она.

— Извини... — виновато пробормотал принц, отодвигаясь.

— Да нет же, — поспешила возразила Фи. — Шиповник, послушай: ты до меня дотронулся.

— Я до тебя дотронулся, — негромко повторил он, а потом его лицо вдруг озарилось такой ясной улыбкой, что Фи почти забыла о буре. Принц подался вперед и потянулся к ней. — Я могу тебя коснуться.

Фи щекой ощущала его пальцы — теплые и живые. Глаза ее сверкнули. Но тут она внезапно задохнулась — Шейн схватила напарницу за шиворот и рванула вверх. От бури серые глаза северянки казались безумными.

— Раз не померла, пошевеливайся! — рявкнула Шейн.

Фи, спотыкаясь, поднялась. Она обернулась, но принц уже исчез под слепящим дождем. С колотящимся сердцем Филоре вслед за Шейн помчалась к конюшне. Но они уже были не одни. Тьма заклубилась, и вокруг возникли фигуры в черных плащах, размахивающие топазовыми амулетами и украшенными драгоценностями мечами.

Охотники на ведьм их обнаружили.

Глава 14

Шейн

Шейн не верила своим глазам. Топор летел прямо в грудь Фи, северянка была уверена, что вот-вот увидит, как напарницу перерубит пополам, но та вдруг кувыркнулась в воздухе. И всего на миг — Шейн готова была поклясться — ей показалось, что Фи вырвал из-под удара, обхватив за талию, белокурый юноша.

Времени ущипнуть себя и убедиться, что ей не померещилось, не было. У нее имелись подозрения, кто этот юноша, но пока Шейн решила тем и ограничиться. Как же она не догадалась, что охотники проследят за конюшней! Стоило Фи и Шейн выйти через черный ход, тут же, размахивая оружием, выскоцил по меньшей мере десяток этих стервятников. Во мраке бури казалось, что их едва ли не сотня.

Сняв с плеч увесистый рюкзак, северянка швырнула его Фи. Та пошатнулась под тяжестью ноши.

— Я сумею провести нас в конюшню, — пообещала Шейн. — Просто держись рядом.

Фи поколебалась, затем кивнула. Наемница покрутила в руках топор, готовясь к атаке.

Из ватаги охотников вырвался самый грузный и бросился на Шейн. Он издал боевой клич, но буря гремела громче, а Шейн оказалась быстрее: она замахнулась топором, развернувшись всем телом, и обрушила обух на меч нападавшего, вогнав клинок глубоко в землю, а сапогом заехала по челюсти врага. С тошнотворным звуком тот упал.

Его место тотчас заняли двое, мокрые плащи охотников зашуршили, когда те сомкнули ряды. Шейн оглянулась на Фи. Еще миг, и придется сражаться спина к спине, — северянка опасалась задеть напарницу.

Она не стала тратить время на раздумья. Пусть ход битвы сам подскажет телу, что делать. Ребенком Шейн часами тренировалась под строгим контролем бабушки, училась сражаться, снова и снова повторяя удары, пока топор не стал продолжением руки — и эта мышечная память, теперь уже дополненная опытом драк с настоящими противниками и победами, по-прежнему была при ней.

Легким движением свободной руки Шейн выхватила из-за пояса кинжал и швырнула в охотников, которые бросились к Фи. Клинок угодил только в чайто плащ, но мерзавцы все равно испугались и отпрянули на несколько шагов. Охотница с короткими волосами нацелилась тонким серебряным мечом в живот Шейн, а плечистый здоровяк кинулся на нее с копьем наперевес.

Тонкий клинок Шейн отбила топором, потом пригнулась — копье прошло выше ее головы — и нырнула под него, зажав древко плечом. Упершись каблуком в мокрую траву, она крутанулась, выдергивая копье и ударив другим его концом в щеку охотницы. Та повалилась навзничь.

В ребра Шейн врезался кулак — слишком близко она подпустила здоровяка. Наемница попятилась, выронив копье, и чуть не потеряла топор, когда ударилась об один из столбов коновязи. Шейн зашипела, стиснув зубы.

Утром все ушибы дадут о себе знать.

Она отмахнулась от боли. Копье поблескивало в грязи. Они схватились за него одновременно, но Шейн-то знала, что лучше не тягаться с человеком вдвое больше себя. Как только охотник рванул копье к себе, она отпустила древко и пнула здоровяка в бок. Тот повалился на землю и растянулся рядом с копьем.

Подхватив кинжал, она смахнула с глаз потоки дождя и всмотрелась во мрак. Ей удалось пробить брешь в строю охотников, но это ненадолго.

— Беги, Фи! — крикнула Шейн, а сама повернулась и понеслась в обратную сторону, в самую гущу охотников, краем глаза успев заметить потрясенный взгляд Фи, когда та помчалась по хлюпающему от грязи склону в конюшню.

Шейн улыбнулась. На мнение напарницы ей было плевать, но когда тобой восхищаются — это приятно.

Зигзаг молнии вспорол небо. Электрический разряд повис в воздухе, направление ветра сменилось, теперь дождь хлестал Шейн в спину. Пусть подгоняет, решила она, схватила топор и с размаху обрушила его на охотников. Те увернулись, но Шейн этого ожидала.

Вогнав топор в одну из стоек коновязи, она развернулась на пятке и выбила ногой чье-то плечо. Если ей удастся отвлечь на себя охотников, а Фи хватит ума подготовить лошадей, то последняя часть побега — победно ускакать от преследователей — должна пройти как по маслу.

Шейн выдернула топор из столба, пытаясь одновременно уследить за всеми движущимися фигурами. Северянка чуть не пропустила атаку слева, когда в ее сторону полетел нож, и лишь то, что она успела инстинктивно уклониться, спасло ее от вспоротого брюха. Оружие, не причинив вреда, упало в траву. Шейн осмелилась бросить взгляд назад, чтобы посмотреть, не выводит ли Фи лошадей из стойла. Но потом заметила такое, отчего ее сердце замерло. Еще десяток охотников на ведьм бежали к ним из «Черных сосен».

Они собирались атаковать ее и отрезать от напарницы.

— Фи! — закричала Шейн, не понимая, предупреждение это или просьба о помощи.

Словно прочитав ее мысли, Фи с развеивающимися на ветру волосами появилась на пороге конюшни. Лошадей с ней не было, она держала в руках лассо и яростно раскручивала над головой. Потом вдруг бросила веревку низко к земле, в сторону ближайшей группы охотников. Лассо обвилось вокруг их ног и кучей повалило на землю.

Шейн радостно завопила. Но ей тут же пришлось броситься в грязь — тяжелый зазубренный меч разрезал воздух с такой силой, что почти рассеял дождь. Приподнявшись на локтях, Шейн увидела чересчур знакомую физиономию охотника с крючковатым носом. Тот был заметно искривлен там, куда угодил ее сапог.

— Теперь тебе конец! — рявкнул Тавиан с перекошенным от ненависти лицом и занес над головой огромный меч.

— Пошел прочь! — прорычала Шейн. Она и не сомневалась, что снова сумеет одолеть этого шута, однако с ним была пара десятков приятелей.

— Шевелись! — пронесся над схваткой резкий голос Фи.

Шейн увернулась от следующего удара Тавиана и врезала ему обухом по лодыжке. Вышло неловко, но этого хватило, чтобы охотник свалился. Когда он рухнул на землю, Шейн вскочила и помчалась к конюшне. Плечо ныло под тяжестью скользкого от влаги топора.

Фи тем временем заперла одну створку широких дверей конюшни и чуть приоткрыла другую. Шейн заколебалась. Она была невысокой, но не худенькой. В такую щель ей ни за что не пролезть.

Фи яростно махала ей руками. На охотников Шейн смотреть не стала — пока будет оглядываться, ее могут схватить. Она пробежала еще несколько шагов и нырнула в конюшню. В последнюю секунду Фи распахнула дверь пошире, а потом захлопнула створку. Наемница пролетела мимо нее, упала на пол и привстала, отплевываясь от соломы. Фи же принялась заколачивать крепкий засов в скобы на двери.

Предмет, подозрительно похожий на меч, ударил в дерево, но оно устояло. Шейн с облегчением запрокинула голову. Это были тяжелые двери, способные выдержать местные холодные зимы. Пара злобных охотников им ни почем.

Однако возникла другая проблема. Охотники на ведьм застряли снаружи, а Фи и Шейн — внутри. К счастью, конюшню закрыли от бури и заперли все ставни, по крайней мере не надо переживать, что кто-нибудь влезет в окно. Хотя Шейн сомневалась, что это остановит преследователей. Если охотники повисли у кого-то на хвосте, уже не отцепятся. С таким же успехом под дверью могла караулить свора диких псов.

Похоже, Фи, которая с кислым лицом оглядывала стойла, думала о том же.

— Мы в ловушке, — уныло констатировала она. — Отсюда нет выхода.

— Конечно есть. — Северянка вскочила. — Всегда остается тот путь, которым мы пришли.

Как только она это сказала, в дверь снова ударили с той стороны. Шейн подпрыгнула. Фи промолчала, но взгляд ее и без того был весьма красноречив.

— Ни в какой мы не в ловушке! — заявила Шейн, злясь на себя за то, что испугалась, и на Фи, что сдалась так легко. — Просто подготовь лошадей.

Она, как могла, очистила топор от грязи и прицепила на спину. Ненроа занялась делом, а Шейн впервые внимательно осмотрелась.

Длинные стойла тянулись в два ряда, в половине обитали лошади, которые сейчас высунули за воротца любопытные морды, чтобы поглазеть на незваных гостей. У дверей висели маленькие стеклянные фонари, где горело пламя. Все они почти погасли.

Чердак наверху был завален сеном и заставлен ларями с овсом, сбоку у выхода на улицу стояла небольшая повозка, полная развороженной соломы. Шейн ухмыльнулась. На пробу она потянула дышло. Спина протестующе заныла, но северянка не отступила, возликовав в душе, когда тяжелые колеса начали вращаться. Фи привела пару лошадей; обе сумки были пристегнуты к седлам. Увидев, что напарница катает повозку перед выходом, Филоре недоверчиво посмотрела на нее.

— Предлагаешь проехаться на сене? — поинтересовалась она.

Северянка не понимала, почему вообще вздумала тревожиться о ее самочувствии. Если у Фи хватает сил ерничать, значит, с ней точно все в порядке.

— Устроим кое-что более впечатляющее. Взбирайся в седло и приготовься скакать по моей команде. Придется мне довериться.

— Что ж, — согласилась Фи, слегка улыбаясь напарнице, — в конюшню тебе нас удалось провести.

От немногословной Филоре Ненроа это был практически знак глубокой признательности. Разместив телегу перед выходом, Шейн пробежала по конюшне и отперла каждое стойло — просто на всякий случай. Затем сняла со стены один из маленьких фонариков. Помолившись о том, чтобы не совершил величайшую ошибку в своей жизни, она бросила горящий фонарь в повозку с сеном.

Стекла фонаря разлетелись вдребезги. Фи резко ахнула, Шейн и не думала, что пламя разгорится так быстро: яркие языки огня лизали стены повозки, из сена повалил густой дым.

Лошади от страха тревожно и жалобно заржали. Но Шейн не намеревалась жечь конюшню. Дым застипал ей глаза, она побежала к двери, вынула из скоб тяжелый засов и распахнула створки.

В проем хлынули охотники на ведьм, а потом так же быстро отпрянули, пытаясь убраться с пути. Шейн, упервшись плечом в задок горящей повозки, со всей силы толкнула ее на преследователей.

Она поднажала еще раз — и телега покатилась по склону в гущу охотников.

— Давай, Фи! — прокричала Шейн.

В один миг та выехала наружу, оказалась рядом и бросила напарнице поводья второй лошади. Следом, грохоча копытами, выбежали остальные обитатели конюшни. Шейн схватила поводья и взлетела в седло, и кладоискательницы помчались прочь, оставляя позади пылающую повозку и вопящих охотников на ведьм.

Шейн широко ухмыльнулась напарнице и обрадовалась, получив в ответ слабую улыбку.

Дождь превратил дорогу в грязное месиво, и лошади не раз спотыкались на ходу. Как только постоянный двор скрылся из вида, Фи натянула поводья, переходя на шаг. Шейн тоже придержала коня, и они поехали рядом.

— Чего ты медлишь? — возмутилась она, представляя, как банда охотников седлает лошадей и бросается в погоню.

— Слишком опасно скакать по такой дороге в дождь, — ответила Фи, склоняясь к напарнице, чтоб не пришлось перекрикивать бурю. — Вода размывает тропы, того и гляди случится оползень. Спешимся и осторожно спустимся по склону. Я знаю, где можно обсохнуть и переждать непогоду.

— Я думала, кроме «Черных сосен» здесь никакого жилья нет, — удивилась Шейн.

— Людского жилья и правда нет, — кивнула Фи. — Как ты относишься к городам-призракам?

Как выяснилось, Шейн относилась к ним не очень хорошо. Ушло несколько часов, чтобы спуститься по крутому склону, оскальзываясь в грязной жиже. Северянка была уверена лишь в одном: охотники на ведьм больше их не преследуют, ведь даже фанатики не настолько безмозглы, чтобы ринуться в такую бурю в погоню.

Наконец они добрались до города-призрака, но оказалось, что это всего лишь груда развалин. Дождь все-таки перестал, и в слабом лунном свете виднелись руины зданий, остатки каменных ограждений, насквозь проржавевшие котлы в оставах ветхих домишек. Ни у одной постройки не было крыши, даже у обвалившегося колодца.

Шейн уже собиралась обвинить напарнику во лжи в самом худшем смысле этого слова, как на окраине города они наткнулись на подозрительное строение: огромный особняк из сверкающего серого камня. Он приткнулся к краю скалы, окруженный кривыми соснами, там, где лес сдавал свои позиции.

Дверь, распахнутую, будто зияющая пасть, обрамляли широкие колонны, в стене не хватало кладки, словно ее выгрызли. Шейн была уверена, что видела, как под крыльцом что-то проползло.

— Разве это не подойдет? — устало вздохнула Фи.
O, еще как подойдет! На сей раз Шейн прикусила язык и промолчала. По крайней мере, у этого дома имелась крыша. Волновало северянку лишь одно: разжечь костер побольше, чтобы провести у него остаток ночи.

— Утопающему и соломинка сгодится, — проворчала она.

Напарницы спешились и вошли в особняк.

Глава 15

Фи

Фи сидела напротив потрескивающего огня, обернув вокруг ног серую ночную рубашку. Вдвоем с Шейн они укрылись в большом зале из серого камня. Наемница разошлась вовсю, соорудила настоящий костер из обломков перил и истертых ножек стульев, но после долгих часов скитаний под дождем жаловаться Фи не собиралась. Им даже повезло отыскать несколько не слишком заплесневелых ковриков: значит, не придется устраиваться на мокрых одеялах.

Шейн дремала по ту сторону костра, привалившись к своему рюкзаку и перекинув толстую косу на плечо. Наемница вытянула ноги к самому огню — да и ладно, лишь бы не зазевалась и носки себе не подожгла.

— Эй, — окликнула Фи, покачав головой и одобрительно глядя на подругу, — а здорово ты тех охотников раскидала.

— Это что, комплимент? — поинтересовалась Шейн, играво пошевелив пальцем, что высунулся в дыру на латаном-перелатаном носке.

— Ничего подобного, просто говорю очевидное.

— Что ж, в любом случае на здоровье, — сквозь зевок отозвалась Шейн, снова погружаясь в теплую дрему.

А вот Фи не сиделось на месте. Может, еще не остыла после стычки с охотниками на ведьм, а может, старые места вроде этого взывали к ее сути. Фи то и дело посматривала на потолок, на затейливую лепнину и притаившиеся в углах отголоски яркой краски, там, где потрескавшуюся штукатурку некогда украшала фреска. Ураганный ветер до сих пор вздыхал и стонал под карнизами, точно песня, доносящаяся из какой-то дальней комнаты.

Фи уже однажды укрывалась здесь от непогоды. Грелась у куда меньшего костра, сидела под боком у бывшего и уснула на его плече, убаюканная стуком капель. С этим человеком у нее были связаны не только плохие воспоминания, но отчего-то хорошие приносили еще больше боли.

Фи потерла спрятанные в толстые носки ноги и оглянулась на темные недра дома. Давненько ей не выпадала возможность поизучать что-то просто интереса ради.

Она поднялась, чем невольно выдернула Шейн из дремы. Наемница сонно заморгала. Сама же Фи принялась копаться в мокрых вещах, которые они развесили у костра на просушку. Уцелевшие факелы отсырели, зато нашлась восковая свеча.

Фи огляделась, выудила длинную щепку и с ее помощью подпалила фитиль, чтобы не совать воск пряником в огонь. Затем натянула обувь. Тут уж Шейн окончательно проснулась:

— Ты куда собралась?

— Хочу осмотреться. — Стоило лишь представить резные бутоны флеронов* и сгибы порванных картин,

* Готическое украшение в форме листка или цветка. *Прим. пер.*

как от предвкушения мурашки побежали. Дом был из числа тех мест, куда можно хоть сто раз наведаться, но так все его тайны и не узнать.

— Здесь? Пойдешь разгуливать в ночной рубашке? Одна? — изумилась Шейн.

— Я теперь никогда не остаюсь одна, помнишь? — улыбнулась Фи, подхватила свечу и направилась в глубину зала.

— Ну да, как я забыла, — фыркнула Шейн. — Притащила в дом с привидениями своего личного призрака.

— Он не призрак, — привычно поправила Фи. — Вернусь еще до рассвета. А ты спи, не жди меня.

Они решили еще день не высовываться, чтобы окончательно запутать охотников.

— Поступай как знаешь. Но имей в виду: я ни за что не отойду от костра, даже если придется спасать твою шкуру.

Памятую прошлую ночь, Фи не приняла слова напарницы на веру. Впрочем, пусть Шейн тешится иллюзиями. Кивнув на прощание, Фи ушла.

Холод от каменного пола пробирал даже сквозь подошвы обуви, тишину старого здания нарушали только его же скрипы и стоны. Фи старательно поглядывала, нет ли поблизости деревянных участков пола или стен, вдруг что-то прогнило или вот-вот обвалится. В передней не обнаружилось ни ведьм, ни охотников на них, поэтому ловушек опасаться не стоило. Однако это не означало, что особняк целиком безопасен.

Дуновение ветерка по спине сообщило, что Фи больше не одна.

Борясь с желанием поежиться, она обернулась и увидела Шиповника. Он стоял на самой границе света

пламени, пляшущие тени странным образом искажали его лицо.

— Я рад, что с тобой все хорошо, — тихо признался принц.

— То-то смотрю, ты прямо сияешь от радости, — поддела Фи, уперев руку в бок.

Шиповник издал какой-то полусмешок, однако глаза смотрели непривычно серьезно.

— Просто... именно из-за меня ты угодила в беду.

Фи щелкнула принца по носу. Палец прошел сквозь призрачную плоть, но Шиповник все равно отпрянул, как и ожидалось. Рефлексы никуда не денешь.

— Я была готова. Помнишь, сам перечислял, какие опасности могут нам встретиться, и назвал нападение бандитов? Да и не переживай, тебе все равно придется разделить лавры с Шейн, это она у нас обворовывает охотников на ведьм и вечно с ними сталкивается. — Фи недоверчиво покачала головой, гадая, есть ли в природе черта, которую подруга не осмелится переступить.

— Надеюсь, с таким суровым видом ты про охотников думаешь, — заметил Шиповник.

— Обычно именно про напарницу, — уверила Фи.

Принц задумчиво откинулся голову.

— Во времена моего детства в Андаре образовалось движение против магов. Скорее даже культ. — Шиповник поколебался. — Этот культ возник сразу после моего рождения — строго говоря, именно из-за него. Приверженцы считали, что чародейки Андара навлекли на королевство гнев Пряхи, а расплачиваться пришлось простым смертным. Они звали себя рыцарями топаза. Однако их орден был совсем незначительным, по крайней мере тогда.

Топаза? Никто не знал, почему охотники на ведьм носят именно этот камень. Люди верили, что он как-то защищает от магии, но вдруг амулеты охотников родом как раз из времен Шиповника? Сотни лет страха и ненависти вполне могли превратить рыцарей топаза в известных Фи головорезов.

— Теперь их незначительными не назвать, — проговорила она.

Шиповника явно что-то тревожило.

— Тебя могли убить, — невероятно мягко заметил он.

— Значит, ты очень вовремя появился. — Стоило вспомнить те объятия, и в животе унёсилось тепло. Фи переступила с ноги на ногу. — Я успела поблагодарить тебя за спасение жизни?

Глаза Шиповника блеснули.

— Нет. Вообще говоря, нас прервали на самом интересном месте.

— Что ж, спасибо, — сказала Фи, нарочно пропуская намек мимо ушей. Затем развернулась и кивнула в сторону коридора: — Идем. Я обещала Шейн, что не стану бродить тут одна.

Прогулка с Шиповником получилась странной. Он ступал совершенно беззвучно, а когда Фи оглянулась, то увидела в пыли только свои следы. Шиповник держался впереди, заглядывал за тяжелые бархатные шторы и запрокидывал голову, чтобы рассмотреть разбитые витражи на окнах.

Что-то на углу привлекло внимание Фи. Железная веревка, словно вена, тянулась между камней в стене, тусклый металл скручивался в цепочку выпуклых узлов. Фи нахмурилась.

— Вряд ли это просто украшение. — Она обвела символы, вдавленные в канавки. Петли и завитки

спотыкались о буквы, состоящие из пересекающихся треугольников. — Думаю, это связующая магия. Здесь два разных языка, ордена Священной Розы и ордена Расколотой Земли.

Расколотой Землей называли школу великих строителей Андара, которых в древнейших текстах называли также Сотрясателями Земли, — чародеев, которые разрубали горы и меняли русло рек. Было вполне логично, что имеющая родство с железом ведьма решила присоединиться к этой школе, но Фи никогда раньше не видела, чтобы металл использовался в связующей магии. Когда она отступила, то поняла, что стены буквально пронизаны такими же венами из чистого железа, запирающими некую древнюю магию глубоко в фундаменте. Возможно, это объясняло, почему поместье до сих пор не разрушилось.

— Что там написано? — спросил Шиповник, глядя на узлы.

Фи поднесла свечу поближе.

— Надпись почти стерлась, и жаль, что изобретатель речного языка решил обойтись без союзов. Что-то про «нерушимое» и «крепкое».

Шиповник улыбнулся.

— Сколько же волшебных языков ты знаешь?

Шевеля губами, Фи быстро прикинула.

— Двенадцать. Еще несколько могу опознать и примерно понять.

Принц рассмеялся.

— Стой, смилийся! Это слишком много, — взмолился он, прикрыв рукой глаза.

— По меркам историков, двенадцать — обычное дело, — ответила Фи.

За тысячу лет с тех пор, как королева Аврора основала Андар, возникли и исчезли сотни магических

орденов. Одни сливались, образуя великие школы волшебства, другие действовали как тайные общества. Некоторые распадались сразу после смерти создателя. Мечта любого ученого — королевство, пронизанное бесчисленными скрытыми очагами истории.

Шиповник до сих пор качал головой.

— Как я раньше не понял? Ты ведь все детство просидела в библиотеке. Так и вижу тебя среди стопок книг. Двенадцать магических языков, но ни единого друга, верно? — поддразнил он.

Толкнуть его бы не вышло, поэтому Фи просто махнула рукой через лицо нахала. В детстве подобная шутка задела бы за живое, но с тех пор много воды утекло. Да, Фи предпочитала книги обществу людей. И что с того?

— А ты сколько языков знаешь? — спросила она. Принца обучали представительницы трех разных орденов, значит, минимум три.

Шиповник внезапно ссуптился и засмущался.

— Два с половиной. — Судя по уклончивому ответу и тому, как принц замялся, скорее уж два. — Никогда не понимал, зачем они мне нужны. Читать о магии — скука, куда интереснее ею заниматься.

Настал черед Фи качать головой. Она в красках представила, как маленький Шиповник изводит трех величайших чародеек королевства, отпихивая книги и требуя перейти сразу к колдовству.

Принц щелкнул пальцами, развернулся в вихре синего плаща и пошел от нее спиной вперед.

— У меня новая версия, почему я тебе не нравлюсь.

— Из-за твоего ужасного чувства юмора? — сухо предположила она, вспомнив его шутку о библиотеке.

— У меня отличное чувство юмора, — возразил Шиповник. — Ты думаешь, я недостаточно умен для тебя. Что я всего лишь пустоголовый принц. — Фи подняла брови, ожидая, что он сейчас блеснет своими двумя с половиной магическими языками, лишь бы доказать, как она неправа. Шиповник обезоруживающе улыбнулся ей. — Но я считаю, что противоположности притягиваются.

Дальше они пошли в более легком расположении духа, пробираясь все глубже в сердце поместья, пока не очутились в длинном коридоре. Ниши в стене украшали статуи каменных рыцарей ростом выше Фи, с пустыми прорезями для глаз в шлемах. Большинство занесло мечи, словно готовясь в любой миг выпрыгнуть наружу, а вот один будто отдохнул, вонзив меч в пьедестал у ног.

Фи прошла мимо статуи, но остановилась и медленно развернулась. Что-то было не так.

— Ты чего? — спросил Шиповник, пока Фи мерила шагами расстояние от одной стороны коридора до другой. А стены и правда сужались. — Ты что-то нашла?

— Дай мне секунду, — пробормотала Фи.

Она вернулась к рыцарю, рассеянно дернула себя за мочку уха, встала на цыпочки и высоко подняла свечу. В отличие от других статуй, эта не жалась к стене ниши. Позади зияло маленькое отверстие, которое практически сливалось с трещиной в камне. Принц заглянул поверх головы спутницы.

— Как ты поняла, что там что-то есть?

— Коридор стал уже, — пояснила Фи. — Я подумала, что остальное место использовали под что-то вроде скрытого прохода.

Она засунула свечу как можно глубже в лаз, но разглядела только уходящую вниз темную тропу. Фи

оглянулась на коридор, которым пришла, думая о Шейн и огне, а затем взглянула на принца, закусив губу.

Глаза Шиповника сверкнули.

— Я в деле, если ты в деле.

— Строго говоря, раз уж ты ко мне приклеился, не думаю, что у тебя есть выбор, — парировала Фи, а затем нырнула в лаз, пытаясь сдержать улыбку.

Пространство было тесным и узким. Фи слишком ясно ощущала, как сквозь нее то и дело проходит рукав принца. Она невольно вспомнила, как Шиповник стоял под дождем, как вздымалась его грудь, когда он спас ее от охотников на ведьм. Мог ли призрак запыхаться? Каково это — быть духом, сотканным из светлой магии? Он вообще что-нибудь чувствовал, когда прискасался к ней? Ощущив жар в затылке, Фи передумала спрашивать.

Впереди мигнуло что-то яркое. Проход внезапно уперся в круглую комнату, увшанную зеркалами в серебряных рамках. Фи запнулась и почти сразу потеряла из виду маленькую щель, через которую они с принцем сюда пришли. Танцующее пламя свечи сияло на каждой поверхности, зеркала ловили каждое движение незваной гостьи. Шиповник не проявился нигде. Куда бы Фи ни посмотрела, она стояла одна в темноте со своей маленькой свечой, отражение множилось до бесконечности, и казалось, ее окружают сотни языков пламени.

— Потрясающе, — выдохнула Фи и невольно обернулась на принца.

— Вот уж точно, — низко рассмеялся он и завороженно погладил одно из зеркал, обрисовывая ее силуэт. У Фи перехватило дыхание, она будто почувствовала прикосновение. — Зачем прятать такую комнату?

В голове закружились всевозможные варианты.

— Может, здесь творили заклинания. Некоторые накладываются на отражение, а не на само тело. Но как по мне... — Она наклонилась ближе, рассматривая саму себя. — Это просто уловка, чтобы скрыть другой проход.

Гладкая поверхность холодила руку. Фи принялась обходить комнату, ведя пальцем по стеклу. Огонек свечи плясал в отражениях.

— Почему ты так решила? — поинтересовался Шиповник.

— Я изучила много таких домов. Со временем вырабатывается чутье. — Рука попала в лаз, через который они сюда пришли.

Лишь повернув голову, Фи поняла, что принц следует за ней по пятам. Он буквально светился от удовольствия. Может, почудилось, но она практически ощутила тепло чужого тела.

— Это вот так выглядит поиск кладов? — спросил Шиповник на ухо. — Весело.

Фи прочистила горло.

— Весело, если все идет хорошо. — Ей не хватило духу признаться, что чаще всего авантюристам приходилось спасать свою шкуру, а иногда они и вовсе погибали.

Близость принца так сбивала с мысли, что Фи едва не упустила то, что искала.

— Стой, — велел Шиповник и выбросил вперед руку. Он щелкнул пальцами — и свеча вспыхнула ярче. Принц указал на одно из зеркал, которое осталось позади. — А в этом ты отражаешься иначе.

Он был прав. Тут фигура казалась тусклее, а свеча вместо ровного пламени выглядела размытым пятном. Фи прижалась к зеркалу лбом. Что-то пряталось там, за ее собственным отражением.

— Это вообще не зеркало, — триумфально заявила она. — Просто кусок стекла без серебряного напыления. Вот почему смотрится иначе.

Фи огляделась, ища какой-нибудь выпавший камень, и прикусила щеку. Ну почему пошла с пустыми руками, хоть бы веревку взяла! Она вновь присмотрелась к стеклу. Броде бы не очень толстое. Отойдя в центр комнаты, Фи запрыгала на одной ноге, стряхивая с другой обувь, а потом вооружилась увесистым ботинком.

— Ладно, терять нечего.

Она замахнулась и со всей силы швырнула ботинок в цель. Он с грохотом пролетел сквозь тонкое полотно. Стекло разбилось и осыпалось на землю, усеивая пол мелкими осколками. Открылся новый проход.

— Хороший бросок, — похвалил принц.

Фи неуклюже запрыгала вперед, стараясь не наступить на землю. Как-то она не подумала, что станет делать, когда ботинок окажется по ту сторону рамы.

— Помочь? — вызвался Шиповник.

— Сможешь вернуть мою обувь?

Все-таки ему хватило сил коснуться ее на постоялом дворе, а ботинок не очень далеко улетел.

— Есть предложение получше, — заявил принц и опустился на колени, указывая себе на спину. — Я тебя туда отнесу.

— Скорее уж я в итоге на пол плюхнусь, — фыркнула она. — Ты разве не вымотался после прошлого раза?

— Клянусь, участь гусеницы тебя не постигнет, — рассмеялся Шиповник. — Моя магия крепнет. Стоит ее тренировать, а то вдруг ты еще в какую беду угодишь.

— Ладно, — неохотно согласилась Фи. Лучше уж упасть на пол старого особняка, чем посреди боя.

— Запрыгивай, — ослепительно улыбнулся принц.

Обычно Фи управлялась половчее, но было нелегко забираться на спину принцу, держа в одной руке свечу и ожидая, что вот-вот провалишься.

Но нет, спина Шиповника оказалась твердой и теплой, а бархатный плащ — мягким. Фи обхватила принца свободной рукой за плечи, и ее окутал аромат роз. Шиповник выпрямился, Фи вцепилась в него, а пламя заплясало как безумное.

— Повезет, если мы тебе волосы не подпалим!

— Еще больше повезет, если ты не провалишься сквозь меня. — Похоже, принц своему успеху удивился не меньше.

— Шиповник, если ты меня уронишь...

— Не волнуйся. Я совершенно уверен, что доставлю тебя до твоего ботинка — но не дальше, так что не будем тянуть. Держись!

— Постой...

Она и договорить не успела, как принц сорвался с места. Фи завопила. Шиповник держал ее под колени, и на один головокружительный миг ей почудилось, будто она летит. Пламя мерцало в море зеркал.

— Шиповник! — хотела крикнуть Фи, но с губ сорвался смешок, и принц тоже рассмеялся.

Звук эхом покатился вперед них по темному коридору. Вышло неожиданно и захватывающее — как и все, что делал Шиповник. У Фи от смеха разболелись щеки, она подпрыгивала на его спине и едва не душила хваткой. Принц перепрыгнул ощетинившуюся осколками раму и остановился в проходе.

— Ваша туфелька здесь! — объявил он с ухмылкой.

— Какой же ты болван, — покачала головой Фи, но слово прозвучало мягко.

— Я тебя не уронил!

Его плечо внезапно исчезло. Фи завалилась вперед, и пламя прошло сквозь принца, который, к счастью, снова стал полностью бесплотным. Она успела встать на ноги, но врезалась в стену, ударила локтем и едва удержала равновесие. Фи бросила взгляд на своего кавалера.

— И что это было?

Шиповник потер затылок. Если Фи не почудилось, на его щеках появился легкий румянец.

— Ну, так случается, если не практикуешь магию.

— Все равно это было не твое настоящее тело, — заметила Фи.

Принц вроде бы заинтересовался.

— Верно. Может, додумать себе немного мышц...

— Прошу, не надо, — со смехом взмолилась Фи.

Она совершенно не могла представить себе Шиповника с горой мускулов и небритым подбородком. Изящное телосложение шло ему куда больше. Не то чтобы у Фи имелись какие-то идеалы мужской красоты. Прогнав лишние мысли, она подобрала ботинок и потеряла босую ногу об обутую на случай, если к носку все же прицепились какие-то осколки.

И все же в груди расцветало нежданное тепло.

Фи прикусила губу. Она не собиралась флиртовать с Шиповником, оно как-то само получалось. Давно ей уже не доводилось так много смеяться или ощущать подобную легкость.

«Всему виной эйфория от исследования особняка», — сказала себе Фи. Может, она в принципе реагирует на человека, если вокруг тайные проходы или старые здания. В прошлый раз тоже все так началось. Эта мысль стерла улыбку с лица Фи.

Проход из серого камня, перевитый поблескивающей веревкой с железными узлами, спускался вниз.

Только слои пыли и завесы паутины выдавали его возраст. Фи задумалась о том, зачем кто-то приложил столько усилий, чтобы скрыть лаз. Наконец они достигли небольшой лестницы, ведущей к железной двери. Ее украшали те же перекрывающие друг друга символы, прорисованные один над другим в глубоких канавках, Расколотая Земля и Священная Роза, бок о бок. На двери было три разных замка, все наружные.

Фи и Шиповник остановились перед дверью. От нее веяло холодом. Ледяной металл засова обжег пальцы Фи, когда она открыла первый замок. И уже потянулась ко второму, но раздался голос принца:

— А точно стоит туда лезть? Как-то уж очень основательно ее заперли.

Фи посмотрела на него, потом на дверь. Но она уже знала ответ. Человек, который мог уйти от двери, не выясняя, что за ней, не становился кладоискателем.

— Что бы здесь ни заперли, это было давным-давно. И большинство магических реликвий не опасны, если к ним не прикасаться. Если будем осторожны, ничего не случится.

Она повернула второй замок, а затем размотала толстую металлическую цепь с вбитого в камень крюка. Дверь медленно распахнулась. Изнутри вырвался порыв холодного воздуха, словно только и ждал этого самого момента.

Фи шагнула вперед, высоко подняв свечу. Каменные стены безмолвной комнаты уходили вверх к сводчатому потолку, и звук шагов отдавался тысячекратным эхом. Комната была полна произведений искусства — статуй, картин и замысловатых гобеленов, полуслгнивших деревянных скульптур и гравюр на деревянных

сундуках и потускневших щитах. Каждый изображал одну и ту же женщину. Завороженная Фи прошла дальше в комнату и поднесла свечу к расписной статуе. Фигура была одета в длинное черное платье, а ее лицо закрывала такая же черная вуаль. Неизвестный художник так тщательно прорисовал ткань, что кружевные узоры, казалось, дрожали в свете неверного пламени.

На разных произведениях искусства вуаль выглядела по-своему: на одних картинах это был длинный отрез черной ткани, на других — тонкий саван, сквозь который проглядывал намек на изогнутые губы и острый бледный подбородок. Одна статуя была задрапирована куском тонкого шелка, но с годами он истлел на каменном лице и теперь висел изъеденным молью ошметками. Статуя баюкала в руках корзину для шитья, наматывая какую-то нитку.

У Фи перехватило дыхание. Фигура, должно быть, изображала Пряжу, ту самую чародейку, которая прокляла Шиповника и весь Андар. Ведьму, которая желала смерти ей самой. Фи обернулась и посмотрела на тысячу лиц под вуалью.

— Что это за место? — прошептала она, рассматривая серебряное зеркало, украшенное сверкающими веретенами и размотанными нитками.

— Что-то вроде гробницы, — ответил принц. Фи вздрогнула от его голоса. Он шептал ей на ухо, как будто не смел говорить громче. — После того как Пряжу изгнали из Андара, мой отец приказал убрать все ее изображения.

— Почему он просто не уничтожил их?

— Пряжа была самой могущественной из Великих ведьм, — тихо сказал Шиповник, глядя в темноту под вуалью статуи. — Даже до ссылки она ни разу не

показала своего лица. Ходили слухи, что любой, кто повредит ее изображение, навлечет на себя несчастье. Поэтому отец приказал запереть картины и скульптуры подальше от Андара, где их никто никогда не найдет.

Так оно и получилось, *во всяком случае до сих пор*. Фи почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она пыталась убедить себя, что виной тому комната, простоявшая безлюдной сто лет, но сама думала о словах, вбитых в железные узлы в стене. «Нерушимое».

Вот почему весь дом пронизан такой сильной магией. Тишину, казалось, нарушил шелест крыльев. Фи вздрогнула под взглядом каменной вороны, сидевшей на плече ведьмы.

— Почему она до сих пор жива после стольких лет?

— Она уже была древней, когда только пришла в Андар, — покачал головой Шиповник.

Теперь, приглядевшись, Фи увидела, что на некоторых рисунках изображены и другие женщины — последние три Великие ведьмы.

Шиповник подошел к скульптуре в самом центре комнаты, и Фи последовала за ним, изучая фигуру в натуральную величину, на которой все четыре ведьмы собрались вместе. Змея стояла с одного бока, держа на руках рептилию с горящими рубиновыми глазами. Грёза полулежала, положив голову на колени Розы, и баюкала песочные часы — похоже, когда-то они были из настоящего стекла и песка, но теперь остались лишь зазубренные осколки. Роза украсила волосы подруги пышным цветком, и милая улыбка играла на ее губах. Пряха же стояла одна. Кусок нити, свисавший с ее бледных пальцев, отлили из золота,

а веретено вырезали так искусно, что, казалось, оно крутится до сих пор.

Шиповник протянул руку и коснулся щеки юной Розы. Фи замялась, внезапно почувствовав, что вторгается во что-то личное.

Принц заметил ее колебания и одарил грустной улыбкой.

— Роза была моей старшей сестрой. Ее звали Камелия. Одна из немногих, кто избежал проклятия.

Этого Фи не знала. Подобно Письмовнику, могущественные чародейки отказывались от своих имен и прав, когда получали титул, что делало почти невозможным проследить их родословную. Но теперь Фи удивилась, как не сложила два и два давным-давно. Камелия относилась к Священной Розе, магическому ордену королевского рода, у нее были золотые волосы Шиповника и смеющиеся голубые глаза. Возможно, именно она унесла костяное веретено прочь из Андара и спрятала его далеко в горах, молясь о пробуждении своего брата, пока вырезала заклинание на дверях заброшенного замка:

Капля крови, капля надежды.

Фи рассматривала статую, что-то прикидывая в уме.

— Похоже, она была намного старше тебя.

— Почти на пятнадцать лет, — подтвердил принц, — и вечно мне об этом напоминала.

В его глазах снова появился озорной огонек. Фи обрадовалась: прежнее задумчивое выражение лица напомнило ей о холодной белой башне и спящем принце из ее снов.

— Великие ведьмы спасли меня, — продолжил Шиповник. — Когда я уколол палец, то должен был

навсегда стать рабом Пряхи. Вместо этого меня усыпили. Я не проснулся даже в конце, когда... — Он замолчал.

Когда Великие ведьмы отдали свои жизни.

Фи читала разрозненные версии падения Андара, написанные очевидцами, и множество появившихся куда позже сказок. Впервые эта история показалась ей невыносимо печальной.

Пряха уже готовилась праздновать победу, но Великие ведьмы снова решились противостоять ей — в последний раз, не щадя своих жизней. Змея обернулась гигантской рептилией цвета слоновой кости и протянулась сквозь Терновый лес, чтобы вечно охранять путь к замку. Грёза наслала сон на всех его жителей, который защитит их, пока они не пробудятся вместе с принцем. А Роза поклялась укрыть Шиповника от чар Пряхи и оплела его башню цветами и защитными заклинаниями.

Фи смотрела, как отблеск свечи танцует на лице Шиповника. Он — принц и могущественный колдун, но они с Филоре во многом были похожи: оба оторваны от своих семей проклятиями, оба жаждали вернуть то, что потеряли. Может быть, именно поэтому костяное веретено выбрало ее.

Что-то мерцало среди осколков песочных часов Грёзы. Фи наклонилась, чтобы получше рассмотреть.

Порошок был таким ярким, что на миг показалось, словно это и вправду золото, но когда Фи убрала сверкающий осколок, то остатки высыпались на пол и вокруг нее образовалась маленькая песчаная буря. Фи быстро встала, но все равно чихнула.

— Может, это был настоящий сонный порошок, — сказал принц, нахально улыбаясь. — Просто у некоторых случается аллергия, знаешь ли.

Она потерла зудящий нос.

— А как по мне, обычная старая пыль. — Фи снова чихнула, и свеча опасно замигала.

Только сейчас стало заметно, как сильно прогорел фитиль. Горячая капля воска скатилась на ладонь, и Фи зашипела, уронив свечу. Та покатилась по холодному полу, отбрасывая тени на образы Пряхи. Фи опустилась на колени, чтобы подхватить огарок, пока тот не погас.

Ее рука неожиданно наткнулась на ладонь Шиповника. А затем, как ни странно, он поднял свечу.

— Твоя магия уже восстановилась? — изумленно спросила Фи. Ей-то казалось, беготня с ней на загривке должна была больше измотать принца.

— Чем ближе мы к Андaru, тем я сильнее. Смотри.

Шиповник осторожно подул — и пламя погасло. На мгновение они погрузились во тьму, холодный воздух окружил Фи, ей казалось, на нее смотрят сотни глаз Пряхи. Затем из пальцев принца вырвался другой вид света, как будто Шиповник держал в ладони лепесток чисто-белого пламени. Искры плясали в воздухе, словно заколдованные светлячки.

— Ух ты. Это так... полезно, — выдохнула Фи, представляя, сколько заброшенных мест и чудесных скрытых уголков мира сумела бы исследовать вместе с таким напарником.

Шиповник рассмеялся, и сладкий, теплый звук прогнал тени.

— Ага. Полезно. Наконец-то я нашел путь к твоему pragmatичному сердцу. — Он с улыбкой наклонился

к Фи. — Признайся: я начинаю тебе нравиться, совсем немножко.

Она слишком явственно сглотнула, глядя в глаза принца, которые сверкали, как полночное небо.

— Конечно нет, — прошептала Фи, но как же было трудно уговаривать себя, когда Шиповник творил такую прекрасную магию.

Глава 16

Шиповник

Шиповник сидел в белой башне, на краю кровати с балдахином, баюкая темно-красную розу. Это был символ первой королевы Андара, символ связующей магии, что хранила его здесь, символ его сестры Камелии.

Все в этой комнате напоминало о ней: от пьянящего аромата роз до моря цветов, окутывающих его, как подношения в могиле. Из-за проклятия Шиповник потерял так много людей, но по сестре скучал больше всех. Он знал, что она, должно быть, уже мертвa, ведь прошло столько времени. Однако ее облик, запечатленный в холодном камне, вызывал острую боль, как будто кто-то что-то вырвал из груди. Камелии больше нет, а розы в этой башне, пожалуй, последнее проявление ее магии — самой драгоценной магии, которую он когда-либо знал.

Принц осторожно повертел розу в руке, стараясь не уколоться.

Камелию всегда тянуло к растениям. Роза была не только ее символом, но и сутью. Для сестры плести цветочную корону было все равно что плести заклинание живой магии, крошечные цветы распускались

еще до того, как она заканчивала. С помощью связующих чар Камелия могла накладывать заклинания навеки, создавая нерушимую клятву или запечатывая проклятую реликвию в клетке из корней деревьев. И все же ничто не доставляло ей такого удовольствия, как исполнение желаний брата.

Для народа Андара она была главой ордена Священной Розы и исключительным талантом даже по меркам представителей королевской семьи. Ее называли одной из Великих ведьм, когда ей было всего одиннадцать. Но для Шиповника Камелия была чем-то большим.

Сестрой. Матерью. Лучшим другом. Руками, которые утешали его, когда он просыпался из-за кошмаров, задыхаясь от слез, представляя Пряжу в каждом темном углу. Именно Камелия пообещала, что найдет способ спасти брата. Камелия, которая любила его, несмотря на проклятие. И он потерял ее навсегда.

Роза вздрогнула от прикосновения принца. Вдруг он понял, что шторы тоже качаются, прозрачная ткань дрожит, словно от легкого ветерка.

Шиповник озадаченно уставился на занавески. Что за нелепица. Это место оставалось неизменным сто лет. Но следующий порыв ветра принес снизу голоса.

Невозможно. Он один. Он всегда был один.

Шиповник побежал к винтовой лестнице, преодолевая по две ступени за раз.

Был ли это сон во сне? Все из-за Фи? Он наконец проснулся? Даже лестница выглядела по-другому: привычный тусклый камень стал ярким и сверкающим.

Принц оперся на стену, чтобы одолеть последние ступени. Его рука скользнула по камню, подняв облачко золотого песка. Крошечные точки мерцали, как блестящие пылинки.

Шиповник остановился. Там, где он дотронулся до стены, камень больше не мерцал. Там образовалось пятно холодного тусклого мрамора, словно принц соскоблил слой краски, обнажив под ним голый холст.

Сердце Шиповника упало. Это была настоящая башня. Остальное же — просто волшебство, такое хрупкое, что можно развеять одним прикосновением. Магия грез.

Впереди раздавались голоса. Почти против воли принца потянуло на звук, и каждый его шаг оставлял серую тень на сверкающем синем ковре. Он уже знал, что найдет. В конце концов, это было одно из его собственных воспоминаний.

Двенадцатилетний Шиповник стоял перед высоким трехарочным окном и смотрел вниз, на внутренний двор и парадные ворота, распластав напряженную ладонь по стеклу, будто хотел его пробить.

Рядом с ним возвышалась Камелия, сложив руки на подоле голубого платья. Волосы венчала корона из розовых роз, бутоны раскрылись, словно чародейка излучала солнечный свет. И пусть лицо сестры омрачала тень беспокойства, Шиповник упивался ее видом. Не самое приятное воспоминание, но лучше оно, чем совсем никакого.

— Шиповник, отойди, — позвала Камелия мягким голосом.

Ее брат обернулся. Взрослый принц вздрогнул от злости, написанной на своем собственном юном лице.

— Они ее увозят, а ты даже не пытаешься помешать!

Шиповник остался в дверях. Он знал, что увидит, если подойдет к окну: как девушку с густыми черными кудрями и в бледно-лиловом платье ведут к веренице карет, груженных привязанным к крыше багажом.

— Никто никого не увозит, Шиповник, — ровным голосом сказала Камелия. — Просто семья Изабель решила покинуть двор и какое-то время пожить в своем поместье на западе.

— Неправда. — Даже стоя на пороге, Шиповник чувствовал холодное стекло под кончиками пальцев, отчаяние и беспомощность, которые поднимались в груди, грозя задушить. — Изабель — моя подруга. Она не могла просто уйти, не поговорив со мной. Она бы не стала так делать!

Юный принц повернулся к окну, отчаянно мечтая, чтобы девушка развернулась, стряхнула руку матери и побежала обратно в замок.

Камелия вздохнула.

— Все довольно сложно, — начала она. Он столько раз слышал эту речь, что мог пересказать ее наизусть.

— Ничего сложного нет. Все из-за меня.

Шиповник слышал шепотки, которые преследовали его по замку. Он знал, как придворные звали его за спиной — проклятым принцем, которому суждено стать гибелью Андара. Родители Изабель были не первыми дворянами, кто решил увезти своего ребенка подальше от Шиповника. Просто ни одна потеря еще не ранила так глубоко.

Изабель остановилась на пороге кареты, оглянулась через плечо, но стояла слишком далеко и не видела принца в окне. Затем подруга исчезла, дверь кареты захлопнулась, а Шиповнику оставалось лишь смотреть. Только это он и мог делать.

Всю жизнь принц наблюдал, как дети придворных убегают играть среди речных ив, как его собственные брат и сестра скачут верхом по булыжному мосту в королевство, которое он никогда не видел и не мог себе представить. Его мир заканчивался у стен замка.

— Шиповник. — Камелия успокаивающе положила руку на плечо брата.

Принц — настоящий, в дверях — почувствовал, как сердце сжимается от угрызений совести. Он знал, что будет дальше, и отдал бы все, чтобы изменить прошлое. Еще раз ощутить эту успокаивающую руку на своем плече.

— Просто оставь меня в покое! — Юный Шиповник вывернулся, прислонившись спиной к стеклу. — Ты ничем не можешь мне помочь. От тебя никакого проку. Вроде бы могущественная великая ведьма, а никого не можешь спасти!

Камелия отвернулась, закрыв глаза, словно от невыразимой боли. Шиповник оперся рукой о стену. Знал ли он тогда, как ей грустно? Или увидел это лишь сейчас, когда тревога и горе отразились на ее юном лице? Он хотел подойти к ней, обнять и извиниться, но не мог вынести того, что сестра рассыплется в золотую пыль.

Лицо юного принца было безжалостным, искаженным горем и яростью.

— Уезжай и оставь меня здесь, в этой клетке. Как всегда делаешь. Как все всегда делают, — тише повторил Шиповник, отвернувшись к окну.

Камелия вышла в зал, и лепестки розсыпалась с ее макушки, словно нежный дождь. Шиповник закрыл глаза и взмолился о другом воспоминании — единственном проблеске счастья, который он унесет с собой в мир без сестры.

Пожалуйста.

Откуда-то из-за стен раздался смех.

Шиповник открыл глаза. Двенадцатилетнее «я» исчезло. Свет изменился, окна были распахнуты, сквозь них лилось птичье пение. Принц обнаружил, что его

тянет на звук смеха, куда-то вдаль, через сверкающие залы.

Когда Шиповник толкнул дверь во двор, посыпался дождь из золотого песка. Поначалу солнечные лучи так слепили, что принц почти ничего не видел, только косматую иву и качающиеся на тонких стеблях маргаритки. Затем он моргнул, и фигуры стали четче.

Там развернулся пикник. Золотоволосый мальчик сидел посреди большого одеяла, заставленного пирогами, пирожными, сливками и клубникой — ничего полезного.

Все блюда принесли по воле пятилетнего Шиповника. Он сидел рядом с Грёзой; ее черные кудри перехватывал желтый шарф в тон золотой мантии. Ведьма откинула голову назад и рассмеялась — сочным, красивым смехом. Он был таким заразительным, что обычно в итоге все три уважаемые «Великие» ведьмы просто покатывались, держась за животики.

Рядом стояла высокая Змея в своей белой тунике. Она скрестила руки на груди, но ее губы изогнулись в улыбке. На одном пальце болталась пустая чашка.

И тут раздался звонкий смех, похожий на колокольчик. Шиповник резко вздохнул, когда юная Камелия, которой в этом воспоминании едва исполнилось двадцать, плюхнулась на одеяло рядом с принцем.

Он видел, как отдает сестре недоеденный кусок пирога, но только прежде украв самую сочную на вид малину грязной маленькой рукой. Возможно, старший брат Шалфей не ошибался, когда звал Шиповника неисправимым бесенком.

Словно призванный мыслями, над садом пронесся голос молодого человека:

— Опять безобразничаешь?

Шиповник вскинул голову. Шалфей перегнулся через подоконник, скрестив руки на груди, на голове у него сияла корона.

Долговязый юноша с золотисто-каштановыми волосами, в семнадцать лет он уже был королем Андара, после того как горе до срока свело их отца в могилу. Лучше всего Шиповник запомнил, как Шалфей сидел в зале для аудиенций, слушал советников в синих мантиях, опервшись локтем о подлокотник трона из розового дерева, а затем ловил в душной толпе взгляд братишки и подмигивал так быстро, что никто другой не замечал.

Юный Шиповник побежал под окно, протягивая раздавленную малину:

— Шалфей! Вылезай к нам!

Тот покачал головой.

— Достойные короли не вылезают через окна.

Лицо маленького принца сморщилось.

— Но вчера...

— Король ничего не знает о том, что произошло вчера, — перебил Шалфей, театрально откинув плащ, хотя Шиповник видел, как озорно сверкают глаза брата. — И, если я правильно помню, ты поклялся хранить все в тайне.

— Ты ведь мне расскажешь, не так ли, братик? — рассмеялась Камелия, схватив Шиповника за плечи и сжав его, а он принялся вырываться.

Взрослому принцу пришлось отвернуться, горе и одиночество скрутили желудок в узлы.

Хватит. Сколько можно оглядываться на все, что потерял.

Вдруг Шиповник понял, что он больше не один. Пара блестящих орехово-зеленых глаз встретилась с ним по ту сторону сада, и на лице Фи отразился благоговейный

трепет. Принц вздрогнул. Он не собирался приводить ее сюда.

Фи подошла к нему, глядя на пышные сады и веревочные качели, свисающие с узловатой ветки ивы.

— Что это?

— Всего лишь сон, — ответил принц и пожалел, что слова прозвучали так горько. — Я говорил, что время от времени тебя может сюда заносить.

— Но мы же не в башне. И это ты, да? — Она указала на маленького колдуна, который напоказ подсвечивал чайникискрящимся пальцем.

— Да, — подтвердил Шиповник. — Помнишь пыль, от которой ты расчихалась? Должно быть, в песочных часах был настоящий сонный порошок. Она бы так и поступила, — добавил он, наблюдая, как Грёза потягивает светящийся чай. — Она любила прятать вещи в неожиданных местах. Когда Грёза спала, то могла ходить во снах, нашептывать людям и влиять на то, что они видят. Все это создала золотая пыль. Вот, смотри.

Шиповник склонился над цветочным ящиком, полным лютиков, провел по ним рукой — и они рассыпались, сменившись пожухлой шелухой. Принц потянулся за другим букетом.

— Не надо, — перехватила Фи его запястье. Когда он поднял голову, выражение ее лица было мягким, почти задумчивым. — Это твоя семья, да? Не хочешь немного посмотреть?

Больше всего на свете Шиповнику хотелось погрузиться в это воспоминание. Послушать смех Камелии и снова прожить эту жизнь. Но ничто из увиденного не было реальным — просто картинка из песка, манящая тем, что навсегда утрачено.

Фи обернулась на звук разбитого стекла. Принц вздрогнул, вспомнив, как решил нести тарелки на чашках.

С губ Фи сорвался смех, нечто среднее между выдохом и фырканьем. Глядя, как на ее лице расцветает улыбка, Шиповник ощутил, что грызущее его одиночество снова превратилось в далекий отголосок. Пусть все остальное сон, зато она была реальной. Тем ориентиром, за который он мог держаться.

В саду Фи выглядела прекрасно. На ней была кремово-белая рубашка и закатанные до колен брюки с подтяжками. На поясе болтались всевозможные инструменты: кисти трех размеров, что-то похожее на долото и набор маленьких серебряных кирок. На прицепленной к карману цепочке висело увеличительное стекло. Такой Фи себя представляла? Сонный порошок хранил память Шиповника, но сюда проскользнуло и немного ее воспоминаний. Это была какая-то более молодая версия знакомой ему девушки, менее осторожная. Даже не носила перчатку, с которой теперь, казалось, не расставалась даже во сне.

Шиповник увидел какой-то вихрь черных линий на ее коже — совершенно незнакомую отметину. Она мелькнула на ладони, когда Фи убрала волосы с глаз. Принц уже хотел задать вопрос, но тут его спутница ахнула:

— Что это?

Он обернулся и увидел белую рептилию толщиной со ствол дерева. Она обвila все одеяло для пикника и уложила голову на хвост. Круглая полупрозрачная чешуя мерцала на солнце.

— Это Змея. Иногда она охраняла меня, когда я был вне замка.

— Потрясающе, — выдохнула Фи. — Я знала, что некоторые ведьмы умеют обращаться, но детали, чешуя — и она такая здоровенная.

— Однажды я назвал ее так, и она не обрадовалась, — предупредил Шиповник.

Фи закатила глаза, но тут же закусила губу.

— Расскажи мне о них подробнее.

Грудь принца сжалась, но мысль о том, чтобы поделиться с Фи чем-то личным, не причинила ожидаемой боли. Ее интерес лъстил, хотя Шиповник не сомневался: она хочет послушать не столько об избалованном маленьком принце, сколько о Великих ведьмах. Если кому он и мог доверить свои воспоминания, то именно Фи. Она собирала басни и сказки и любила старые забытые вещи.

Шиповник сел рядом с Фи на ступени замка и начал рассказывать ей о своей жизни в Андаре, ведьмах и Шалфее. Но в основном он говорил о Камелии. Как сестра держала его руку, пока они мчались через полуночный сад, а искры его магии проносились мимо них, будто светлячки.

Как она восстановила рушащийся мост, перехватила веревками из полевых цветов трещины в камнях, а затем, поддавшись мольбам Шиповника, натянула мост из лозы между башнями замка и разрешила брату прогуляться по воздуху. Камелия вечно вышивала маленькие розочки на всем, что он носил, — защитные заклинания в форме мощнейшего символа Андара. Фи слушала с мягкой улыбкой, ее глаза сияли, будто она вспоминала это все вместе с ним.

К тому времени, как золотая пыль начала рассеиваться, рука Фи легла в руку Шиповника. Стены двора обвалились, за ними рухнули ивы, тьма расплзлась по краям воспоминаний. Смех затих, а затем маленький принц, Камелия, Шалфей и Змея замигали и осыпались, как дождь из падающих звезд. Осталась только Грёза. Она с понимающей улыбкой смотрела прямо на них, словно и правда видела.

Затем чародейка тоже исчезла, и остатки ее сверкающей магии развеялись во тьме, как песок, символ магии сновидений. Шиповник крепко сжал руку Фи, единственное, что у него осталось.

Глядя на их переплетенные пальцы, он вспомнил черный силуэт, выжженный на ее ладони. Принц посмотрел спутнице в глаза:

— Фи. Что это за знак?

Но не успел он договорить, как она исчезла, а сам Шиповник вернулся в башню, серую и тусклую. Единственным ярким пятном были кроваво-красные розы.

Глава 17

Шейн

Шейн хлопнула себя по шее, пытаясь поймать муху, которая донимала ее последние десять минут. Насекомое изводило и лошадь, судя по тому, как животное раздражено махало хвостом. Возникло искушение расплести косу, чтобы муха не могла подобраться, но стоило представить, как тяжелый ковер закрывает спину, и порыв умер в зародыше.

Хотя Шейн мерзла каждую ночь, которую они проводили в походе, это не мешало ей потеть под жарким полуденным солнцем. Длинная пыльная дорога иссушила ее, а сползавшая по спине капля пота сводила с ума. Шейн изогнулась в седле, почесывая позвоночник, и Фи странно на нее посмотрела. Наемница решила не принимать это на свой счет. Ее напарница уже несколько дней вела себя странно.

Крюк в призрачное поместье на деле существенно облегчил им путь. Когда через два дня они выползли из подлеска, то снова очутились на широкой торговой дороге, и стало гораздо проще спускаться по восточным склонам гор, ведь обрывы и скалистые утесы сменили широкие, усеянные цветами поляны и виноградные лозы.

Два дня спустя под ярким голубым небом они пересекли границу герцогства Беллисия.

Именно тогда Фи начала вести себя странно — во всяком случае, еще страннее, чем обычно. Накануне ночью она часами смотрела на огонь, складывая и разворачивая носовой платок, пока у Шейн не возникло желание выхватить маленький квадратик ткани и сжечь его, просто чтобы немного успокоиться. Напарница тоже нервничала, практически огрызаясь, если Шейн спрашивала, куда они направляются. Ну и дела. А ведь Фи следовало радоваться. Беллисия была сердцем стражей границы, имела постоянный гарнизон, в отличие от маленьких горных городков, которые полагались на нечастые патрули, а значит, охотники на ведьм не бродили вокруг, назначая награды за их головы.

Может, дорога доконала Фи, а может, ее бесплотный дух. Шейн не видела Шиповника с момента стычки на постоялом дворе, но мало ли, вдруг одержимость призрачным принцем похожа на сильную сыпь — становишься нервным и раздражительным.

Наемница посмотрела на Фи. Та сидела в седле как палку проглотила, будто ехала на собственную казнь, а не во владения какого-то богатого старика. Фи облачилась в привычную свободную синюю рубашку и темный жилет, коричневая куртка развевалась на луке седла, а волосы она расчесала пальцами, чтобы те выглядели поаккуратнее. Даже явно наполовину не в своем уме, Фи умудрялась выглядеть более собранной, чем Шейн, от которой несло конюшней и которая постоянно чесала облупившийся от солнца нос. Волосы наемницы превратились в такой колтун, что семейство птиц, вероятно, легко бы приняло ее за ходячее гнездо. Чутье подсказывало Шейн, что в таком виде ни один герцог им не обрадуется.

Наемница глазом моргнуть не успела, как поля и леса сменили ухоженные лужайки. Впереди возникли массивные железные ворота, выше самой Шейн верхом на лошади. Она заглянула сквозь толстую решетку, изучая изысканные сады и тщательно подстриженные живые изгороди. Несколько мраморных фонтанов сверкало на солнце. Недешевое удовольствие, и для его обслуживания требовалась целая армия садовников. Не говоря уже о том, что ворота из кованого железа стояли, вероятно, в целой миле от самого поместья. Его песчаного цвета стены едва просматривались за густыми изгородями.

С другой стороны ворот подъехал человек в бело-золотом мундире, критически осматривая незваных гостей сквозь решетку. По мнению Шейн, кривиться полагалось именно им — золотой и белый были совершенно безвкусным сочетанием цветов даже для благородного дома.

— Герцог сегодня не принимает посетителей, — резко сказал слуга, явно намереваясь развернуть их восвояси.

Шейн ощетинилась, но Фи осталась невозмутимой.

— Я хотела бы увидеть сына герцога, — холодно сказала она. — Лорда Арманда Беллисию.

Привратник изумился, вероятно, не ожидал, что двое грязных путешественниц знают кого-либо в поместье по имени.

Шейн и сама немного опешила. Имя звучало очень знакомо. *Арманд*. Где она могла слышать его раньше?

Мужчина пошевелился, и его лошадь тоже топнула начищенными копытами.

— Сегодня никого не пустят, ни по какой причине, — поправился он. — Молодой господин готовится к приему и попросил его не беспокоить.

— Меня он примет, — сказала Фи с абсолютной уверенностью. — Сообщите ему, что прибыла Филоре Ненроа.

— Я передам. — Привратник насмешливо фыркнул, поворачиваясь к особняку. Его лошадь высокоомерно махнула хвостом.

Шейн уже возненавидела это место. В целом она спокойно относилась к дворянам, если ей самой больше не требовалось исполнять обязанности высокородной. Но наемница буквально презирала людей, которые карабкались на вершину только затем, чтобы плюнуть на всех, кто остался ниже. Если привратник вел себя так нагло, насколько гадким окажется старый надутый герцог или, того хуже, его избалованный сын?

И тут наконец Шейн вспомнила. Арман. Некоторое время назад ходили слухи, что сын богатого герцога играет в кладоискателя в Ведьминой Шкатулке в компании...

— Подожди-ка! — Шейн развернулась в седле. — Это тот парень? Твой бывший? Вот ради кого мы сюда забрались?

Фи сидела так неподвижно, что ее можно было принять за статую из камня — или, может, из глыбы льда, раз у нее действительно хватило духу заявиться к предателю.

— Мы пришли сюда не затем, чтобы с кем-то повидаться, — отрезала Фи, не встречаясь глазами с Шейн. — Нам надо получить пропуска. Не заставляй меня снова рассказывать о стражах границы.

Но речь же шла о лжеце, который подставил Фи и попытался от нее избавиться. У Шейн в голове не укладывалось.

— То есть ты ждешь, что твой бывший окажет нам услугу? А вовсе не отправит куда подальше?

Разрыв между Фи и Армандом наделал много шума в мире кладоискателей, ведь парочка обошла по меньшей мере десяток конкурентов и отыскала несколько серьезных артефактов. Одной из пострадавших оказалась сама Шейн, и она до сих пор из-за этого переживала. Ее партнершей в то время была высокая девушка с непослушными волосами, напоминающими петушинный гребень, и дурной привычкой идти по ложному следу. Они пробрались через люк в подвал, где обоим чуть не снесло голову топором, а затем долгие часы ползли по полу с хитроумными плитками — а в итоге обнаружили пустое хранилище с распахнутой настежь дверью. Фи с Армандом побывали там больше месяца назад и удрали, прихватив целое состояние.

Не одна Шейн могла похвастать такой историей. Люди до сих пор говорили о Лазурном поместье. Заброшенный замок считался неразрешимой загадкой, пока Фи с Армандом не придумали, как сдвинуть каменные стены и изменить форму лабиринта. Они обнаружили доказательство существования какого-то таинственного нераскрытоого магического ордена и, что более важно, сундуки с бесценными артефактами из лазурита.

Похоже, на общие теплые воспоминания Фи не рассчитывала.

— Арманд мне не откажет, — холодно пообещала она.

Какая уверенность. Шейн чуяла, что чего-то не знает. Ну да, им нужны пропуска, но в каком мире логичнее обратиться к ненавистному бывшему, а не к любящим родителям? Шейн замечала, какая тоска появлялась на лице Фи при упоминании Ненроа. Какое бы черное облако ни висело над напарницей, Шейн все больше укреплялась в подозрении, что печально

известный Арманд имеет к этому самое прямое отношение.

Привратник в бело-золотом мундире примчался назад во весь опор и спешно отпер ворота. Петли за скрипели, створки распахнулись. Мужчина так низко поклонился в седле, что за малым не упал.

— Соблаговолите следовать за мной, леди Ненроа, — сказал он, взмахнув рукой. — Молодой хозяин встретит вас в оранжерее.

Фи не потрудилась ответить, просто направилась следом за ним в сад. Прежде чем свернуть на боковую дорожку, Шейн мельком увидела сквозь ветви слиновых деревьев особняк: огромную череду изогнутых арок, спиралевидных балконов и широких панорамных окон. Наемница фыркнула. Если бы здания были живыми, это смотрело бы на них свысока.

Двое охранников в выглаженной форме патрулировали территорию. Кишки Шейн завязались узлом. Мужчины могли быть верными солдатами, присягнувшими герцогу, или наемниками, выполняющими грязную работу, — из числа тех, кто отгоняет менее уважаемых гостей к боковым дверям и выкидывает на улицу излишне разгулявшихся, пока сам хозяин сидит внутри, поглощая трюфели и прихлебывая вино из хрустального кубка, зажатого в артритных руках. Наблюдать за ними было все равно что смотреть на себя несколько лет назад, до встречи с Письмовником, и Шейн это не понравилось.

Вблизи сады оказались еще роскошнее, с алебастровыми арками, увитыми бугенвиллеей, и беседками, спрятанными между искусно подстриженных деревьев. Гости ехали через море бархатцев всех оттенков, от бледно-золотого до ржаво-красного, пока не достигли сверкающей оранжереи.

Привратник еще раз поклонился Фи:

— Молодой господин ждет.

Шейн медленно спешилась, подозрительно глядя на строение. Большинство дворян проводили встречи в чайных или кабинетах.

Или в прихожей, если от вас очень хотели избавиться. Либо «молодой господин» готовился к приему, бездельничая в саду, либо выбрал это место специально для встречи с Фи. Они оставили лошадей у слуги и толкнули дверь.

Внутри оранжереи было удушающе влажно.

Роса капала с растений, которых Шейн никогда раньше не видела, листья по размеру достигали обеденной тарелки, а каждый вздох наполнял легкие ароматом духов. Единственная дорожка из круглых ступенек вилась куда-то вдали, сквозь хаос прекрасных цветов. Но что действительно привлекло внимание Шейн, так это бабочки. Одни, хрупкие как паутина, полулежали на толстых стеблях, медленно раскрывая и закрывая крылья, другие — крошечные голубые красавицы — порхали в затейливом танце. Шейн подошла слишком близко к кусту лаванды и спугнула целый рой желтых бабочек, у которых, вероятно, было какое-то причудливое имя. Сама наемница знала их как шкиперов. Без сомнения, бывший парень Фи отличался странным вкусом.

В одном камне от конца пути напарница остановилась так внезапно, что Шейн чуть в нее не врезалась.

— Говорить буду я, — предупредила Фи, даже не оборачиваясь. — Ни слова.

Шейн не понравилось, как это прозвучало, но не успела она возразить, как подруга уже двинулась дальше.

В центре оранжереи обнаружилось выложенное красными плитами маленько патио с кованым столом и изысканным чайным сервизом из фарфора. Спиной к ним стоял молодой мужчина. На нем была белая блуза под роскошной золотой туникой, а вокруг него порхали бабочки-монархи; пестрые оранжевые насекомые свисали с каждого стебля, как увядшие цветы. В воздухе кружили белые бабочки с такими же темными отметинами. На пальцах мужчины красовался по меньшей мере десяток колец, одни из которых представляли собой толстые полосы из скрученного серебра, а другие сверкали драгоценными камнями. На большом пальце сидел рубин размером с яйцо малиновки.

Арман^д Беллисия отвернулся от своих бабочек, чтобы поприветствовать гостей улыбкой. Его можно было назвать красавцем, если вам нравятся мужчины с точеными чертами лица и широкими плечами. Каштановые волосы ниспадали на плечи, обрамляя лицо, а кожа была на тон светлее, чем у Фи. Когда он улыбался, то вообще не показывал зубов, его тонкие губы сжимались в самодовольную линию. И смотрел Арман^д только на Фи.

Та неловко одернула жилет. Судя по всему, подруга жалела, что плохо выглядит. Что ж, на ее счастье, рядом стояла Шейн, которая смотрелась гораздо хуже.

— Филоре, — произнес мужчина мелодичным голосом. — Как же давно мы не виделись.

Фи поморщилась.

— Арман^д, — коротко отозвалась она.

Уж слишком довольным выглядел ее бывший. У Шейн пальцы чесались, как хотелось достать топор.

— Как прошло путешествие? — мягко спросил Арман^д. — Стало трудно за тобой следить. А как живут твои родители?

Шейн не могла понять, что происходит и почему ее напарница выглядит как перетянутая струна арфы, готовая вот-вот лопнуть, но даже она уловила неприятный подтекст в этих, казалось бы, невинных вопросах.

— Мне нужны пропуска, чтобы пересечь границу, — сказала Фи, как-то умудряясь говорить спокойно. — Ты мне их не дашь?

Арманда сжал кулак — и кольца раздраженно звякнули.

— Никаких светских разговоров. Ранишь меня в самое сердце. Ты даже не похвалишь мою прекрасную оранжерею и все сокровища, которые я тут собрал? Они тебе нравятся? Мои бабочки? Теперь у меня почти сотня белых монархов. — Он улыбнулся, указывая на бело-черных бабочек, что кружились в воздухе над ними.

Фи глубоко вздохнула.

— Мне нужны два пропуска, завтра. Ты можешь их достать? — Ее голос оставался ледяным, но Шейн видела, как подруга впивается ногтями в ладонь, оставляя глубокие борозды.

— Два? — спросил Арманда, впервые взглянув на Шейн. — Один для твоей очаровательной служанки?

— Вообще-то я ее напарница, — поправила Шейн. Она не хотела вмешиваться в сложные отношения Фи и Арманда, но и не собиралась стоять столбом, когда ее настолько очевидно оскорбляли.

Глаза Арманда странно вспыхнули.

— Значит, у тебя появился новый партнер, — почти промурлыкал он. — Как мило. И все же мне интересно, как много она на самом деле о тебе знает, Филоре. Насколько опасно с тобой путешествовать.

— Если не можешь достать пропуска, у меня нет причин здесь оставаться, — предупредила Фи, наконец теряя терпение.

— Всегда торопишься. — Он покачал головой. — Я уверен, что мы сможем договориться.

Шейн захотелось схватить напарницу за воротник и оттащить ее обратно в Айделвайлд, пока та не успела ничего *наобещать*. Но Фи не смотрела ни на нее, ни на Арманда. Она уставилась на что-то на полу.

Шейн наклонилась. Богомол медленно пожирал одного из белых монархов, разрывая крючковатыми руками тонкие крылья. Бабочка давно умерла.

Арманд издал звук отвращения.

— Это же надо, испортить мою коллекцию, — пробормотал он и занес тяжелый ботинок с золотой пряжкой, чтобы раздавить богомола.

— Не надо, — сказала Фи, бросилась вперед и положила руку на плечо Арманда. От простого прикосновения он тут же испуганно отпрянул. Шейн записала это в коллекцию к остальным тайнам.

Со странной нежностью, которую Шейн никогда не замечала в напарнице, Фи сорвала один из гигантских листьев и свернула его в конус, одним ловким движением зачерпнув богомола и его зловещую добычу.

— Держи, — сказала она, пихнув сверток в руки Шейн. — Выпусти его в сад. А мы с Армандом пока договоримся.

Шейн поймала запястье напарницы, притянула поближе и прошептала:

— Ты не обязана этого делать. — Наемница не совсем понимала, что происходит, но знала одно: ей это не нравится. — Найдем другой способ получить

пропуска или вообще перелезем через чертову стену, мне все равно.

Легкая улыбка промелькнула на лице Фи, но она отстранилась, опустив взгляд.

— Предложение в *твоем* духе, но в нем нет необходимости. Все под контролем.

Шейн задалась вопросом: действительно ли Фи верит в то, что говорит?

Выходя из оранжереи, наемница напоследок посмотрела на пару через плечо. Фи стояла как вкопанная, а Арманд медленно двигался к ней, словно хищник, крадущийся между деревьями.

Шейн не испытывала особой любви к богомолам, поэтому вышла на первую же тропинку и вывалила насекомое на маргаритки под сливовым деревом.

— Посмотрим, как ты здесь бабочек половиши!

Резкий крик заставил ее вздрогнуть. Шейн подняла голову, только сейчас поняв, что на дереве собралась куча ворон. Дюжина примостилась прямо над наемницей, пируя лопнувшими сливами. И без того неприятное зрелище, но вдобавок птицы уставились на Шейн. Все. Даже та, что пристроилась в самой гуще, с молочно-белыми немигающими глазами.

Вороны прилетали к «Серебряному барону». А потом к Горным Пикам.

Шейн стоптала добрые две пары сапог, путешествуя по всему Дарфеллу, но в жизни столько ворон не видела.

— Не знаю, которая тут шпионка Пряхи, но проваливайте, да поживее! Вы все, а ну кыш!

Шейн с такой силой пнула ствол, что задрожало все дерево. Вороны с пронзительными воплями снялись с места, покружили над головой и улетели за стены сада.

Наемница потеряла руки. Всего пять минут в поместье, а ее уже от него тошнило — от него и той паршивой сделки, которую Фи решила заключить за ее спиной.

Глава 18

Фи

Фи провела намыленными пальцами по волосам и вздохнула, увидев на руках грязь. Затем опустила голову обратно в горячую воду и расслабилась. По большей части Фи спокойно переносила дорогу, но всегда скучала по такой роскоши, как долгая ванна. Окунуться в ледяную горячую реку или грохочущий водопад — это не то же самое. Шейн на другом конце гигантской ванны, казалось, больше плескалась, чем мылась. Так и не сполоснув пену с взлохмаченных каштановых волос, она перебирала дорогие масла и мыла.

Женщина в бело-золотой ливрее показала им роскошные покои. Ванна тоже стояла наготове. Нагрев огромной фарфоровой чаши занял бы много времени — а значит, Арманд приказал обустроить комнаты еще до разговора с Фи. Мерзавец знал, что сможет убедить ее остаться, а она ненавидела себя в первую очередь за то, что вообще пришла сюда. Сквозь пузыри и мутную воду Фи смотрела на выжженную на левой руке эмблему Бабочки. Перед купанием она сняла перчатку, но постаралась,

чтобы проклятая метка оставалась под водой. Не то чтобы Шейн уделяла напарнице много внимания. Судя по всему, Фи действительно была не в ее вкусе.

И только наемница помогала сейчас Филоре оставаться в здравом уме.

Несмотря на то что им предоставили роскошные апартаменты с кроватями под балдахином, шелковыми покрывалами и широко распахнутыми окнами, выходящими в сад, Шейн ничто не испугало и не впечатлило. Она без колебаний прыгнула в ванну, вместо того чтобы должным образом дождаться своей очереди за ширмой. Но Фи не собиралась жаловаться. Ванна оказалась настолько большой, что они с Шейн не коснулись бы друг друга, даже вытянув ноги. А еще не хотелось оставаться здесь одной.

— Значит, он даст нам пропуска бесплатно? Ничего не прося взамен?

— Я уже сказала, — отозвалась Фи, — нам просто нужно сегодня пойти на его прием. Армандр устраивает бал-маскарад.

— Видишь, обмен все-таки есть. — Шейн вытащила стеклянную пробку из бутылки и с любопытством ее понюхала. — Держу пари, тебе придется танцевать с ним всю ночь или прислуживать ему.

Как будто Армандр когда-либо действовал так прямолинейно. Фи почти жалела, что он не попросил чего-то унизительного или глупого. Тогда она хотя бы знала, чего ждать.

— Нет, — сказала Фи и повела руками, волнуя мыльные гребни. — Мы идем на прием, а утром он проводит нас через пост. Таков уговор.

Шейн аргументы не особо убедили.

— Знаешь, как в развалинах наступишь на ловушку, но еще не подозреваешь, чего ждать, и может случиться что угодно, но точно будет плохо? Вот прямо наша ситуация.

Сложно не согласиться. Фи тоже мучилась таким предчувствием. Но вслух сказала:

— Все под контролем.

Надо держаться. Она и так уже из-за проклятия лишилась дома и семьи. И не бросит Шиповника в том же положении.

— Как скажешь. — Шейн рылась среди бутылок, выдергивая пробки и наугад добавляя в ванну капли масла и порошки.

Фи почувствовала легкое головокружение от смеси цветочных ароматов.

— Полегче с ними. А лучше просто выбери один и используй его.

— Использовать? — Шейн фыркнула, перегнувшись через бортик. — О чём ты говоришь? Я ее украду. — Она открыла еще одну склянку, поднесла ее к носу и закашлялась. — Не эту.

Даже через всю ванну Фи узнала резкий аромат масел и сильных трав.

— Это для удаления бородавок, — сказала она, не в силах сдержать смешок.

— Хм. — Шейн закупорила склянку и покосилась на напарницу. — Возможно, все-таки стоит прихватить с собой.

Очевидно, парфюмерия ей наскучила. Наёмница окунула голову под воду и вынырнула, сплюнув и, наконец, смыв пену со своих густых волос.

— Не понимаю, почему мы должны прихорашиваться ради этого парня, — пожаловалась она. — Стоило

пойти на его бал грязными и вонючими, как свиньи. Он этого заслуживает.

— Он — да, но не я. — Фи опустила подбородок в воду, чтобы скрыть довольную улыбку. Приятно иметь поддержку, даже если спутница не знала всей истории и была занята кражей банного мыла.

Лучше уйти, пока горячая вода не слишком расслабила тело. Нужно оставаться в тонусе. Фи вздохнула, села, стянув с деревянной подставки полотенце, плотно обернула его вокруг себя, заправив концы, и пошла в другую комнату.

В какой-то момент во время их купания зашел слуга, унес груду грязной одежды и оставил поднос с квадратными пирожными и дымящимся чайником. А теперь на бело-золотом покрывале лежало что-то еще — ворох юбок и дорогих тканей, воротник, расшитый крошечными драгоценностями. Это был костюм. Арманд сказал, что пришлет для бала что-нибудь *подходящее*.

Страх прогнал все тепло после ванны.

Фи сначала заставила себя осмотреть одежду, разложенную на кровати Шейн. Арманд прислал черный фрак и брюки в комплекте с фарфоровой маской в виде черепа, нарисованной так убедительно, что Фи приняла бы ее за настоящую кость, если бы не видела подобное раньше. Его охранники носили такие костюмы на маскарадах, чтобы не выделяться в толпе. Было ясно, что Арманд не слишком высокого мнения о ее новой напарнице.

Затем Фи повернулась к платью на своей кровати.

Это был костюм бабочки-монарха.

Облегающий черный лиф плавно перетекал в многослойную юбку темно-красного и оранжевого цветов с черными полосками, пришитыми вдоль швов.

Из задней части корсажа торчала пара маленьких крыльышек из тонкой ярко-оранжевой ткани, аккуратно обмотанной вокруг каркаса из проволоки. Изящные кончики были сделаны из такой тонкой меди, что трепетали, словно платье могло слететь при малейшем прикосновении. На подушке лежала фарфоровая маска, выкрашенная в оранжевый и черный цвета.

Пальцы сомкнулись вокруг метки в виде бабочки, все тело дрожало. Арманд специально захотел ее помучить. Ехидные намеки в оранжерее о том, как Фи наслаждается путешествиями и видится с родителями, потрясли ее, но она не позволила себе сломаться перед ним. Больше нет.

Слезы навернулись на глаза, и костюм расплылся. Не зная, сможет ли сдерживаться и дальше, Фи тяжело села, скомкав платье в кулаках.

Возможно, она не так сильно изменилась, как думала. Фи пришла сюда, чтобы использовать Арманда, — но все равно пришла. Она ненавидела его, ненавидела с яростью, которая пробирала до самых костей, и отказывалась подчиниться воле мучителя даже после того, как он выжег бабочку ей на руке. Но, возможно, Арманд все же получил именно то, чего хотел. Потому что, как бы она его ни ненавидела, ей больше некуда было идти.

Как бы Фи ни мечтала разрушить все поместье, только здесь она могла не беспокоиться о проклятии Бабочки. Так изначально задумал Арманд.

Перед глазами всплыло воспоминание о том дне.

Филоре и Арманд стояли перед большой дверью в самом сердце старого дома. Наконец-то они его нашли — тайный кабинет, который так долго искали.

Дверь когда-то украшали три ромбовидные стеклянные панели в виде звезд, но теперь все они были разбиты. Осколки стекла хрустнули под ногами Фи, когда она подняла фонарь, чтобы заглянуть внутрь.

Сквозь неровное отверстие виднелись очертания письменного стола и ряда полок, прогнувшихся под тяжестью древних книг. В комнате не было ни драгоценностей, ни артефактов. Именно по этой причине дом не привлекал внимания, другие охотники за сокровищами им не интересовались.

Но в глазах Филоре то, что находилось здесь, стоило в десять раз больше любого сокровища — книги и заметки одного из самых блестящих и печально известных ученых магов, которые когда-либо жили на свете.

Она поймала свое отражение в большом осколке стекла: ее роскошное черное пальто контрастировало с облегающей белой блузкой. Арманд казался всего лишь тенью позади нее, свет отражался от его густо расшитого жилета. Филоре от волнения подпрыгивала на месте. Дверь была заперта, но с разбитыми стеклянными панелями замок не станет проблемой. Она потянулась вперед, но Арманд мягко отодвинул ее плечом.

— Позволь, я зайду первым, — сказал он, рукоятью кинжала выбивая из рамы последние зазубренные осколки стекла. — Если мы правы насчет того, кому принадлежал этот кабинет, тебе здесь может быть опасно.

Филоре хотела возразить, что опасность может грозить им обоим, но знала: Арманд прав. Род герцогов Беллисия всегда отличался стойкостью к чарам и проклятиям. Именно поэтому давным-давно, когда королевство было могущественным центром магии,

предку Арманда даровали земли на границе Андара и обязанности Хранителя границы.

Разделавшись со стеклом, Арманд накинул свой нагрудный платок с монограммой на раму, а затем потянул дверь. Та со щелчком открылась. Филоре подавила желание пробежать мимо Арманда в комнату. Устойчивость к магии, безусловно, полезный навык, особенно для кладоискателя, но Филоре уже знала, что большинство ловушек чаще всего не имеют отношения к чарам. Хотя здесь мог поджидать сюрприз. Если кабинет и правда принадлежал тому самому колдуна, то был так же стар, как само королевство.

Зайдя следом за Армандом, Филоре в первую очередь заметила странную каменную канавку, вырезанную глубоко в стене. Встала на цыпочки, провела пальцем по траншею и испачкалась в жире и бледно-желтой пыли.

— Арманд, дай мне свой факел, — попросила Филоре, откладывая в сторону фонарь со стеклянным колпаком.

Недоуменно глянув на нее, напарник послушался. Филоре ткнула факелом в канавку, а затем попятилась. Ярко-голубое пламя вспыхнуло и помчалось по траншею, которая спиралью уходила вверх по стене. Через несколько секунд огонь снова погас, кроме одного места, где лежала груда промасленных тряпок. Пламя подсвечивало расположенные высоко в стене витражи, отчего по всей комнате плясали блики в виде оранжевых и черных бабочек. Несколько книг лежало на столе, между страницами под странными углами торчали закладки, как будто фолианты закрыли совсем недавно, а не несколько столетий назад.

Книги были такими старыми, что приходилось открывать их крайне осторожно, чтобы они не рассыпались в руках.

— Это может стать нашей величайшей находкой, — пробормотала Филоре, глядя на танцующих благодаря пламени изящных бабочек. — Как красиво.

— Верно, — согласился Арманд, хотя и не обращал внимания на блики. Он смотрел на нее. У Филоре перехватило дыхание. Она обернулась и увидела, что Арманд подошел ближе.

— Идеальное место, чтобы спросить тебя в последний раз. Филоре Ненроа, выходи за меня замуж. Вернись со мной в Беллисию и стань моей невестой.

Он буквально сверлил ее взглядом в слабом свете пламени.

Филоре отвернулась.

— Я не хочу снова заводить этот разговор. — Не впервые он просил ее руки, и не первый раз она ему отказывала.

— А я не хочу жить без тебя, — настаивал Арманд, обходя Фи, пока ей не пришлось взглянуть на него. — Я дам тебе что угодно. Копайся во всех руинах в Беллисии, заправляй всем моим поместьем. Я буду финансировать каждую экспедицию, найду любую книгу, любую древнюю карту — подарю тебе все, что ты когда-либо могла пожелать.

Филоре закусила губу, почти сочувствуя напарнику. Родители предостерегали ее держаться подальше от кладоискателей, но Арманд захватывал, завораживал, и каждый новый день в древних руинах в пограничных землях дарил новые высоты. Филоре влюбилась в него и в их дикие прогулки по опасной Ведьминской Шкатулке, поздние ночи за чтением древних книг и страстные поцелуи в тайных

коридорах пыльных поместий. Но Арманду этого было мало. Он всегда хотел большего. Он хотел обещаний. Хотел хвастаться своим богатством — хвастаться Филоре на своих роскошных вечерах. Ему нужен был кто-то, кого он мог бы привести домой в Беллисию, когда станет Хранителем границы. Филоре влюбилась в Арманда, влюбилась сильно, но никогда не хотела такой жизни. Они идеально подошли друг другу всего на краткий миг, и этот миг закончился. Таким было их партнерство. Она уже сказала ему, что это их последняя вылазка.

— Я хочу, чтобы ты отпустил меня, — ответила Филоре.

Она протиснулась мимо него, чтобы добраться до стола, и провела пальцами по скрутившимся от времени страницам.

Филоре спиной чувствовала взгляд Арманда. Напарник тяжело вздохнул и откинулся с лица челку затянутой в перчатку рукой.

— Что ж, я должен был попробовать в последний раз, не так ли? — Он говорил спокойно, холодно.

Филоре почувствовала, как расслабились плечи. Ранее Арманд грозился, что будет настаивать, пока она не скажет да. Может, он тоже, наконец, решил двигаться дальше.

Когда она подняла стопку бумаг, то увидела, что на них стоит оттиск восковой печати. Филоре взяла свой фонарь, поднесла его к дереву и провела по узору кончиком пальца.

— Вот оно. Я узнаю этот символ. Это...

— Метка Скитальца, — договорил Арманд. — Повелителя бабочек.

Филоре нахмурилась. Откуда Арманд это знал? Символ настолько выцвел, что едва угадывался. Может,

напарник нашел что-то более очевидное? Она выпрямилась, снова любуясь витражными бабочками.

— Значит, это и правда его утраченный кабинет. Мы могли бы разгадать, что случилось со Скитальцем после его исчезновения.

— Если бы только у нас было время, — пробормотал Арманд. Затем крикнул: — Филоре, лови!

Почему она тогда повернулась к нему? Почему не услышала злобу в его голосе, пока не стало слишком поздно? Все последующие ночи, ворочаясь в лихорадке от боли, она столько раз переживала этот момент заново — вспышку серебра, потрескивание огня в стене, обжигающую агонию, когда пальцы сомкнулись на ноже для разрезания писем, украшенном резьбой в виде бабочки Скитальца.

Фи закричала. Магия проклятия впилась ей в ладонь — и горела, горела. Уже после того, как Филоре выронила нож. После того, как упала на колени. После того, как глаза затуманились слезами и мир сузился до теней, боли и колеблющегося силуэта нависшего над ней Арманда.

— Мне жаль, что так вышло.

— Что ты наделал? — прошипела Фи. У нее так кружилась голова, что проекции бабочек казались почти реальными, тысячи силуэтов танцевали на насмешливом лице Арманда.

— Ты лучше, чем кто-либо, знаешь смысл отметины.

Верно. Нож для писем был опасной магической реликвией, о которой она заранее предупредила Арманда, — проклятым предметом, что превратил великого Повелителя бабочек в Скитальца. Плоть левой руки была обожжена, но физическая боль не шла ни в какое сравнение с агонией, терзавшей сердце. Фи сквозь слезы посмотрела на Арманда.

— Как ты мог так поступить со мной? — всхлипнула она, раскачиваясь взад и вперед на коленях.

— Я сделал это ради нас обоих, — ответил Арманд, опускаясь на колени, словно хотел обнять Филоре. Она в ужасе отпрянула. — Однажды ты сама увидишь, — пообещал он, вставая и глядя на нее с усмешкой. — Беллисия — единственное место, где проклятие не будет иметь силы. Я не жду, что ты сразу поймешь, но когда соберешься вернуться домой, я буду ждать тебя, Филоре. Так долго, как потребуется.

В ушах Фи отдавался какой-то незнакомый звук.

Потом она поняла, что кричит, кричит от гнева, разочарования и ненависти. Ее барабанные перепонки звенели. Она схватила платье бабочки и изо всех сил дернула юбку, разорвав прозрачную ткань прямо по шву.

Секунду спустя прибежала Шейн, наспех замотавшись в полотенце. Она бросилась к Фи, схватила ее за плечи и развернула так, что они оказались лицом к лицу.

— Эй, Фи! Что случилось? Ты в порядке? — Шейн потрясла ее, и Филоре задохнулась, прижав руку к глазам, чтобы скрыть слезы. Наемница вытерла прилипшую к уху пену. — Как-то быстро мы перешли от того, что «все под контролем», к нервному срыву.

Фи не знала, что делать: истерически расхохотаться или броситься в объятия подруги. Она опустилась на колени.

— Прости, Шейн, я...

— Не извиняйся, — перебила Шейн. Она взглянула на платье, затем села рядом с Фи на пол, прислонившись спиной к кровати. — Все, что я узнаю о твоем

бывшем, ужасно меня злит, твои извинения могут стать последней каплей, и мне придется убить его.

Похоже, Шейн не шутила. Фи выронила растерзанное платье и откинулась, сев плечом к плечу с наемницей, не заботясь о том, что они обе мокрые, Шейн вдобавок в мыле, а сама она едва не плакала.

— Этот парень сразу мне не понравился, — заявила Шейн. — Тебе не обязательно мне все рассказывать — я и не жду. Просто объясни мне: что такое с ним и с этими бабочками?

Фи не знала, кому можно доверять. Не Арманду, конечно, но и в себе она теперь тоже сомневалась. А еще оставался Шиповник. Вот бы он оказался здесь прямо сейчас, попытался рассмешить — побросал чайные пирожные на вычищенные ковры Арманда или стал бы ныть, что сто лет не принимал ванну. Или, может, так разволновался, заглядывая к ней под полотенце, что покраснел бы для разнообразия.

Фи не знала, сможет ли принц вообще появиться в Беллисии. Шиповник сказал, что теперь он маг Света. Может, Фи осталась одна, но уже успела от этого отвыкнуть.

«Нет, не одна», — напомнила она себе. Шейн, вероятно, больше всех заслуживала доверия. Если Фи и могла на кого-то положиться, так это на дерзкую и вспыльчивую наемницу.

Филоре медленно разжала левую ладонь, чтобы показать Шейн выжженную на коже бабочку. Крылья, казалось, колыхались от движения пальцев.

— Это знак проклятия, — произнесла Фи, не зная, что еще поведать. Она представляла, с какой жалостью глядит на нее сейчас напарница. Фи никогда не хотела, чтобы на нее так смотрели, как на человека, которого нужно спасти.

На лице Шейн застыл миллион вопросов. Она смерила Фи долгим взглядом.

— Это он с тобой сделал? — спросила наемница сдавленным от ярости голосом.

Фи кивнула.

— Чтобы мне всегда приходилось возвращаться к нему. С тех пор бабочка стала его эмблемой. — Она беспомощно указала на смятое и порванное платье. — Я думала, что справлюсь, но не могу его надеть.

Фи обхватила рукой колени. Внезапно ей стало так холодно.

Армандр держал своих бабочек под замком.

— А я тебе и не позволю, — пообещала Шейн. — К счастью, твоего имени на этих тряпках нет, записку его мелочная светлость послать не догадался, так что, думаю, оно мое. — Охотница быстро встала, схватила костюм бабочки и встряхнула его. — Сомневаюсь, что Армандр получит удовольствие, увидев в нем меня, — сказала она с ухмылкой. — И не бойся, уж я чертова платье поношу как следует. Плотно закушу, а потом пропотею до чертиков. Когда закончу, никто больше не сможет его надеть.

Фи всхлипнула, издав дрожащий смешок.

— Ты же знаешь, что я порвала юбку.

Шейн пожала плечами.

— Значит, сбоку у него будет сексуальный разрез.

И Фи смогла успокоиться. Она собралась, глядя на Шейн и цепляясь за ту часть себя, которая раньше была такой уверенной, такой нерушимой. Филоре пришла не потому, что наметила себе важную цель и ничто не могло встать у нее на пути.

Закрыв глаза, Фи представила белую башню из своих снов. Она не пойманная бабочка, а героиня, что идет спасать принца и королевство. Шейн наденет костюм монарха, а Фи — маску черепа и фрак. Роль нежити подходила ей гораздо больше.

Глава 19

Фи

Приемы Арманда остались точно такими же, как помнила Фи. Во всяком случае, вкусы молодого лорда стали еще более экстравагантными с тех пор, как их пути разошлись.

Большой бальный зал, широкий, как двор, блестел полированными полами и благоухал пионами в расписных вазах, вся комната была освещена росчерком алебастровых свечей в золотых люстрах. Балконы, выходящие в сад, обрамляли тяжелые бархатные шторы, а ветер доносил пьянящий аромат цветов, что смешивался с запахом жареных с чесноком баклажанов и кабачков. Тяжелые бочки с прекрасным бургундским вином принесли из подвалов и разлили по широкогорлым кувшинам. Одна стена была увешана зеркалами. Фи смотрела в них, как кружатся танцоры. Из-за отражений казалось, будто комната уходит в бесконечность.

Арманд явно не пожалел денег на этот бал, как и его гости, которые съехались со всего Дарфелла и даже из-за его пределов. Ни один человек не пришел без костюма, хотя одни подняли фальшивые личины на макушку, а другие застенчиво смотрели в прорези, держа

маски на тонких палочках. Женщины с вплетенными в волосы рубинами и жемчугом танцевали с мужчинами в искусно сшитых сюртуках. Все кланялись друг другу в пояс, когда трель флейты отмечала конец очередного движения.

Зал представлял собой море развевающихся подолов и тонких платьев-футляров, большинство в темных тонах. Фи казалось, что она смотрит на картину маслом, где краски начинают бежать, как только скрипки заводят следующую мелодию.

На фоне толпы Арманд выделялся как маяк. Фи не сомневалась, что так он и задумал. Бывший облачился в белый сюртук и штаны с золотой отделкой, а полу-маску на его лице украшал врезанный в лоб бриллиант. Длинные белые перья сверкали над темными волосами. Все его кольца тоже были золотыми. Молодой господин стоял среди толпы поклонников, в основном девушек. Некоторые были ровесницами Фи, другие — на несколько лет старше. Девушка в ярком костюме павлина, с вьющимися волосами, которые сияли на фоне ее смуглой кожи, хихикала, прикрываясь веером из блестящих синих перьев.

Арманд наклонился и прошептал ей что-то, от чего она покраснела, а блондинка в черно-золотом платье предложила ему выпить из своего кубка.

Фи отвернулась. Когда-то и она была очарована внешностью и обаянием Арманда, не замечая жестокость, что скрывалась за элегантным фасадом. Теперь же у нее буквально открылись глаза, и Филоре подмечала все. То, как он предпочитал, чтобы его обхаживали поклонники, а не слуги. То, как он с удовольствием командовал ими и разбрасывался комплиментами и оскорблением, чтобы заставить людей вцепиться друг другу в глотки. Глядя на него, Фи почти

не узнавала того предпримчивого молодого человека. Может, он изменился, а может, всегда был таким, и она просто не присматривалась и не видела гниль под золотым напылением.

Фи заставила себя отвернуться и принялась выглядывать свою новую напарницу.

Шейн нетрудно было заметить. Вечеринка у Арманда началась поздно, поэтому он не подавал официальную еду, только закуски, но наемница все равно извлекла из ситуации максимум пользы. Она уселась перед сервировочным столом и от души наедалась, как и обещала. На коренастой, мускулистой наемнице нежное платье бабочки больше напоминало костюм пирата, особенно юбка, которую пришлось подоткнуть и завязать, чтобы скрыть то место, где ее порвала Фи. Прозрачные крылья уже оторвались и свисали с корсажа, а маска запуталась в кудрявых волосах Шейн, что не помешало ей осушить еще один бокал вина. В другой руке она держала четыре палочки с маринованными луковичками и мягкими белыми грибами, причем откусывала сразу от двух. Большинство гостей обходили ее стороной.

Фи улыбнулась. Она встала у одной из парчовых занавесок и в своем черном фраке и маске-черепе превратилась в едва заметную тень.

Гости проходили, будто мимо пустого места. Тем не менее это было намного лучше, чем оказаться в центре внимания, как случилось бы, надень она выбранное Армандом платье. Он время от времени поглядывал на нее, вероятно, прикидывая, насколько хорошо ее унижает.

Фи уже подумывала пойти за вином, но от вида бывшего и его свиты сводило желудок.

Когда закончилась очередная песня, музыканты опустили смычки и флейты, делая небольшой перерыв.

Арманд сунул свой кубок в руки какой-то бедной девушки и зашагал к Фи с высокомерной улыбкой на губах.

— Какой позор, Филоре, — сказал он с притворной грустью. — Тебе могла бы позавидовать любая на этом балу, если бы ты просто надела то, что выбрал для тебя я.

— Мне оно не подошло, — парировала Фи, стиснув зубы.

— Ты уверена? — спросил Арманд, тряхнув головой. Длинное белое перо взъерошилось. — Если бы просто сдалась, могла бы обнаружить, что капитуляция куда приятнее.

«Ты не бабочка», — напомнила себе Фи. Она бросила на Арманда холодный взгляд сквозь маску-череп.

— Тебя заждались партнерши.

— Ревнуешь? — Арманд сдвинул маску на лоб, пристально глядя на Фи. — Ради тебя я отоспал бы их всех прочь. Только попроси.

Фи оставила свою маску на месте.

— Не забудь достать мне пропуска.

Глаза Арманда опасно сузились. Он с насмешкой оглядел Фи сверху вниз, затем опустил маску и не спеша направился к своей группе поклонников. Стой Фи ближе к стене, с радостью бы прислонилась к ней.

Она не хотела быть здесь. Ей не нравилось играть с Армандом в кошки-мышки. Шейн сравнила ситуацию с готовой захлопнуться ловушкой, но ошиблась. Механизмы в ловушках срабатывали не просто так, и их можно было остановить, разобравшись, как они работают, что приводит их в действие.

Просчитать Арманда? Невозможно.

Он ненавидел ее или любил? Проклял Фи назло или из-за какой-то извращенной одержимости? Не было ни одного ответа. Армандр мог думать, что любит ее, и все равно уничтожить. Это пугало Фи больше всего на свете. Ведь где-то глубоко, под ненавистью и горечью до сих пор таилась капля зависти, которая отзывалась болью, пока Фи смотрела, как он уходит с двумя девушками разом. Этой части себя она не могла доверять. Может, ее сердце было таким же эгоистичным и ненадежным, как и его, — может, вообще все сердца такие.

Красный плащ закружился в ее поле зрения, полностью закрывая Арманда. Фи подняла глаза, а перед ней остановилась фигура, молодой человек в темно-красном костюме печально известного вора, Красного Барона. На голове сидела алая треуголка с длинным пером, и вся одежда под плащом с высоким воротником была такого же темно-красного цвета, даже протянутая ей рука в перчатке. Как и Фи, он носил маску, которая целиком закрывала лицо, вот только его была гладкой и белой, без каких-либо черт, лишь глазные отверстия. В конце концов, легендарного вора так и не разоблачили, он то исчезал, то снова появлялся в старых баснях, словно призрак. В большинстве рассказов его называли потомком опального рода, который грабил дворян, разоривших его семью.

— Разрешите вас пригласить? — спросил молодой человек.

— Я здесь не затем, чтобы танцевать, — отрезала Фи, отводя взгляд.

— Даже со мной?

Она удивленно обернулась на знакомый голос. Юноша приподнял маску ровно настолько, чтобы

подмигнуть ей, озорная искорка плясала в его синих глазах.

Шиповник.

Взгляд Фи метнулся к ряду зеркал. Красная фигура стояла прямо рядом с ней, такая же реальная, как и прочие гости. Фи схватила его за протянутую руку, притянула поближе и прошипела:

— Как это возможно? Ты действительно здесь?

Из-за маски она не могла видеть выражение лица принца, но слышала звенящее в его голосе веселье.

— Просто немного волшебства. Ну же, Фи, зачем, по-твоему, я тренировался?

— Не для танцев на балу, — ответила она. — Тебе здесь как, хорошо? Имей в виду, это поместье особенное...

Шиповник вскинул руку в красной перчатке.

— Я знаю. Вот почему мне потребовалось так много времени, чтобы сюда добраться. А заодно пришлось одолжить этот прекрасный костюм. Только ты можешь видеть меня, Фи, — заговорщически поведал он, а затем отступил и театрально поклонился. — Но одежду видят все! — Шиповник быстро покружился, плащ взметнулся у него за спиной. — Так что давай, потанцуй с таинственным Красным Бароном.

— Невероятно, — признала Фи.

Принц казался довольным.

— Я собирался быть лихим, но «невероятный» тоже сойдет.

Фи покачала головой.

— Нет. Я имею в виду: невероятно, что ты тоже знаешь историю Красного Барона. Легенде должно быть больше ста лет.

Шиповник рассмеялся.

— Именно эта часть моего блестательного образа тебя больше всего интригует? Историческая?

Щеки Фи горели, но хотя бы через маску этого не было видно.

— Чему ты удивляешься, будто еще не привык? И если пребывание здесь требует так много магии, может, тебе стоит исчезнуть и приберечь ее для чего-то более важного?

— Это важно, — настаивал принц. Его глаза на секунду стали серьезными, но затем он наклонил голову, и Фи смогла представить себе его широкую улыбку. — Кроме того, я всегда хотел побывать таинственным незнакомцем на балу-маскараде. Ты же не отнимешь у меня шанс воплотить в жизнь одну из фантазий? — Он снова протянул руку. — Потанцуй со мной.

Фи закусила губу, сдерживая улыбку. Шиповник вел себя нелепо — так легкомысленно расходовал магию, — но разве она сама выглядела умнее, когда пряталась в тени и позволила Арманду одержать верх?

— Только один раз, — предупредила Фи, кладя свою руку на ладонь принца.

Он подмигнул.

— Будем надеяться, что нет.

Взяв Фи за руку, Шиповник повел ее обратно в зал, когда музыка достигла крещендо. Принц поцеловал свои костяшки, прежде чем переплести свои пальцы с ее, и Фи не сразу вспомнила, что это просто обычай, один из жестов придворных танцев, вышедших из моды в прошлом столетии. Получилось неожиданно очаровательно, как танцевать с учебником истории.

Шиповник поставил их на краю зала, рядом с длинной линией зеркал, и закружил. Сквозь стук сердца Фи едва слышала музыку.

Внезапно она снова смогла дышать. Бал Арманда и тяжесть его взгляда исчезли. В этот момент она могла думать только о Шиповнике — Шиповнике, чья рука грела ее сквозь красную перчатку, Шиповнике, который не отрывал от Фи взгляд, пока вел ее и вращал слишком быстро, невпопад размеренной музыке.

Шиповнике, который знал па танца не лучше, чем она сама. Фи с удивлением поняла это, когда он снова притянул ее к себе и их ноги запутались, они оба двигались влево, а не в противоположных направлениях. Она чуть не прогнулась назад, а принц попытался развернуть ее, держа обеими руками. Фи выпрямилась, стараясь не засмеяться.

— Обычно, когда кто-то с такой уверенностью приглашает на танец, то исполняет его немного лучше, — отметила она.

Шиповник пожал плечами.

— Кажется, мы равны. Хотя, признаюсь, опыта у меня мало. Я вечно убегал с уроков танцев, чтобы почитать книги заклинаний. — Ее сердце дрогнуло, когда он притянул ее к себе и прошептал: — Кроме того, я всегда думал, что одни движения интереснее других.

Принц иначе перехватил руку Фи, повернул партнершу раз, другой, все быстрее и быстрее, пока у нее не закружилась голова. Филоре пришлось опереться на его грудь. Когда она отдохнула, Шиповник медленно обошел ее по кругу, едва касаясь кончиками пальцев. Отражение скелета и Красного Барона следовало за ними в зеркалах, длинный красный плащ развевался. Фи ощущала такую легкость, что не могла понять, почему все еще стоит на полу, а не парит над ним в нескольких дюймах.

Она уже танцевала с Армандом на таких балах, следя за каждым безупречным шагом. Партнер кружила ее в идеальном ритме, а гости не отрывали от их пары глаз.

Вот только с ним Фи не испытывала подобной радости. Она невольно рассмеялась, когда принцу пришлось согнуться почти пополам, чтобы пролезть под ее рукой.

Прежнюю Фи, которая придумала себе идеальный образ любимого и как бы он двигался, обеспокоило бы, что Шиповник — плохой танцор. Новая Фи больше не желала лгать себе самой. Она сбежала бы с бала ради поиска сокровищ, променяла платье на что-то более практическое и отказалась от тысячи прекрасных танцев с Армандом ради шанса отдавить Шиповнику ноги.

— Ты совсем не похож на типичного принца, — призналась Фи.

— А будь я таким, нравился бы тебе больше? — спросил Шиповник.

— Нет. Ни капли.

Он определенно улыбнулся. Когда песня начала стихать, принц снова притянул Фи к себе, и она ощутила, что его сердце бьется так же быстро, как и ее.

— Думаю, мы заслужили эффектную концовку. Я никогда не пробовал нижнюю поддержку, поэтому за последствия не отвечаю.

Фи ухватила его за плечи и откинула голову назад, позволив Шиповнику уложить ее себе на руку. Песня просто сошла на нет — не было необходимости в ярком финале, и все же он казался идеальным завершением такого танца. Фи мельком увидела их отражение и расхохоталась. Элегантный Красный Барон склонил к полу скелет во фраке.

Шиповник тоже смеялся, да так сильно, что едва не выронил Филоре. Ей удалось подтянуться с помощью принца и мышц живота. Даже после того, как она встала, Шиповник продолжал держать ее за руку. Несколько любопытных гостей, вероятно, задались вопросом: кто смеет устраивать балаган на одном из блестящих балов Арманда? К счастью, похоже, никто не заметил, как Фи танцевала с кучей пустой одежды. Тем не менее она решила, что не стоит привлекать еще больше внимания. Шиповник, похоже, подумал так же и потащил ее к одному из балконов.

Снаружи Фи подняла маску, наслаждаясь прохладным ветерком. Звезды казались особенно яркими, как и всегда в горах. Она оперлась на металлический поручень. Рядом с Шиповником почти не думалось, что под ними простирается Беллисия. Прошел дождик, и все деревья и кусты мерцали под висящими фонарями. Даже оранжерея Арманда походила на бриллиант, сорванный с драгоценного ожерелья и сияющий под только что взошедшей луной. Фи представила себе бабочек в пленах этих стеклянных стен, как их крылья плотно сомкнуты, точно бутоны роз.

Белые монархи встречались редко, такой окрас нельзя было вывести специально. А значит, всех бедняжек поймали в дикой природе и доставили в оранжерею, некоторых, вероятно, привезли из этих самых гор.

Она крепче вцепилась в поручни. Фи знала, что должна вернуться внутрь — Арманд станет искать ее, — но ей не хотелось. Шиповник тоже облокотился на перила. Он все еще был в красном костюме, но снял маску, чтобы посмотреть на небо.

— Смотри, — сказал он, указывая вверх. — Падающая звезда.

Яркий хвост света пронесся сквозь тьму, и у Фи перехватило дыхание, когда принц наклонился ближе.

— Теперь ты должна загадать желание, — напомнил он. — Всё, что захочешь.

Шиповник поднял руку — и кончики его пальцев сверкнули, как будто он поймал упавшую звезду в ладонь. Фи поняла, что это значит. Он предлагал заняться магией. На лице принца сияла игривая улыбка, но в глазах появился незнакомый темный блеск. И Фи задумалась: на что действительно способна светлая магия Шиповника? Мог ли он уронить люстры и разбить все зеркала, разнести в щепки бал Арманда?

Не выдохнется ли принц, пытаясь превратить поместье в руины и пепел? Фи не знала, но чувствовала, что он отбросит осторожность и рискнет всем — своей магией и, возможно, даже своей жизнью, — если только она попросит. Сердце Фи заколотилось, и она посмотрела на искры белого света, отражающиеся в глазах Шиповника.

Нет, не надо ей ничего такого.

«Скромные пожелания, — практически услышала она шепот Письмовника. — Вот для чего лучше всего подходит магия». Фи отвернулась, глядя на сияющую оранжерею.

— Я хочу освободить бабочек Арманда.

— Такое маленькое желание, — прошептал принц, но в его голосе не было разочарования. Белый свет исчез, и Шиповник улыбнулся. — Ну, чего мы ждем?

Только он стоял прямо здесь, а в следующий миг красный плащ хлестнул, пустой костюм повис на металлическом ограждении, а сверху на кучу с тихим хлопком приземлилась шляпа.

— Фи! — позвал Шиповник откуда-то снизу. — Прыгай!

Она перегнулась через балкон и увидела, что принц ждет ее в мокрой траве, снова одетый в свой синий бархатный плащ. Золотые волосы сияли в лунном свете. Он протянул к ней руки.

Фи оглянулась на зал. Затем сорвала маску с черепом и бросила ее рядом с костюмом Красного Барона. Она перелезла через перила и встала на цыпочках на самом краю. Всего лишь второй этаж, но даже от такой высоты стало не по себе.

— Если уронишь меня...

— После стольких тренировок? — рассмеялся Шиповник.

Фи зажмурилась и отпустила перила, пока не успела передумать. Воздух засвистел вокруг, а желудок сжался от внезапного падения.

А затем она оказалась в руках Шиповника, его тело было мягким и податливым. Он развернул Фи, чтобы поглотить силу удара, и лишь потом поставил на землю. Вышло не очень грациозно — Фи подозревала, что грациозно у них ничего никогда не получится, — зато волнующе.

— А теперь исполним твоё желание, — сказал принц.

Фи с трудом верилось в происходящее. Она чувствовала себя завороженной, так же, как с костяным веретеном, только на сей раз ее очаровал Шиповник. Бок о бок они мчались к оранжерее. Где-то на краю сознания билась мысль, что это плохая затея. Но Фи устала от игр с Армандом, устала предугадывать его следующие десять ходов, вообще устала думать. Она хотела раствориться в чувствах и поддаться той хрупкой вещи — чем бы она ни была, — которая расцветала между ней и Шиповником. Хотя бы на одну ночь.

Они добрались до цели, тяжело дыша от бега. Фи повернула ручку, и та оказалась не заперта. В конце концов, кто стал бы грабить оранжерею?

Они с принцем обменялись последним безумным взглядом, а затем Фи распахнула дверь. Ничего не произошло. Фи знала, что ей не следовало ожидать большего, но сердце все равно дрогнуло. Бабочки, вероятно, даже не осознавали, что попали в плен. Может, ее желание и не такое уж маленькое.

Шиповник встал за ней и обнял, его бархатный плащ взметнулся. Принц больше не был осязаемым, но она все равно чувствовала его присутствие, волнующую близость и искорки. Он поднял руку, нарисовал пальцем сложный завиток и, двигаясь, оставил за собой след из сияющих золотых пятнышек. Воздух внезапно наполнился пьянящим ароматом роз.

Бабочки волной выпорхнули из оранжереи, следя за огоньками, которые изобразил принц. Фи ахнула, а Шиповник рассмеялся ей на ухо и воздел обе руки, дирижируя симфонией бабочек. Оранжевые и белокрылые монархи кружились среди крошечных голубых, желтых с круглыми крыльями и многих других. Крылья трепетали, как сердце в груди, и Фи посмотрела на принца, ослепленная его лучезарной улыбкой.

— Как я уже сказал, маленькое желание, — прошептал он.

Бабочки разом вспорхнули выше, разлетаясь во все стороны, чтобы вновь обрести свободу. Фи надеялась, что они улетят подальше, чтобы их снова не поймал Армандр, и станут жить среди летних полевых цветов, которые белыми и пурпурными пятнами усеивали склоны гор. Монархи могли даже присоединиться к огромным роям, мигрировавшим в далекие страны,

которых Фи еще не видела. И когда мир закружился в вихре красок, Фи кое-что для себя поняла.

Может, она все-таки начала верить в судьбу, совсем немного.

Глава 20

Шейн

Шейн поверить не могла, что Фи сбежала и бросила ее на этом снобском празднике. Причем, как сильно подозревала наемница, сбежала с одержимым призраком набором одежды!

Бал все еще продолжался, но для Шейн главное событие осталось позади. Она наслаждалась жаром полного ненависти взгляда Арманда, который рассматривал испорченный костюм бабочки, возмущала его гостей своими ужасными манерами и опустошала каждую тарелку на длинном столе с закусками.

Шейн стянула маску бабочки, поморщившись, когда вместе с ней выбились несколько прядей волос, и швырнула ее на пустое блюдо, липкое от жареного инжира. Оставалось надеяться, что Арманд обнаружит личину в конце своего душного приема и снова придет в ярость.

Заслышив легкий смех, Шейн вскинулась. Рядом с зеркальной стеной, положив одну руку на стекло, стояла девушка; ее рубиновые губы изогнулись, когда она встретилась взглядом с Шейн. Наемница так рот и открыла. Это была Рэд.

Шейн сочла ее очаровательной в дорожном плаще и поношенных ботинках, но они и в сравнение не шли с тем, как она выглядела сегодня вечером. Многослойное темно-красное платье цвело вокруг фигуры, как роза, шелковые лепестки, покрытые измельченной слюдой, мерцали при каждом движении. Блестящая серебряная маска держалась на водопаде кудрей. Рэд будто с вызовом подняла брови, а затем развернулась на каблуках и исчезла в арочном дверном проеме, взметнув подолом.

Шейн уже шла следом. Она столько раз думала о Рэд с момента их последней встречи, что не могла позволить ей ускользнуть. Наемница протиснулась через комнату, не обращая внимания на возмущенный крик женщины в украшенном драгоценностями головном уборе. Затем нырнула через арку в узкую нишу и обнаружила там уходящую во мрак кованую лестницу и поджидающую Рэд.

Она стояла, опершись рукой на железные перила. Если бальный зал заливали огни, лестницу освещали только несколько подвешенных на бронзовые крюки фонарей. Наемница едва сумела разглядеть очертания серебряной маски: острой угловатой морды волка.

— Рэд, — выдохнула Шейн. — Что ты здесь делаешь?

Да, наемница мечтала еще раз с ней столкнуться, но уж совсем не ожидала, что встреча произойдет на балу у напыщенного герцогского сына.

Рэд одарил ее дерзкой улыбкой.

— Для начала хочу сбежать с невыносимо скучного приема. Не присоединишься ко мне?

Шейн желала этого больше всего на свете. Она последовала за Рэд по узкой лестнице, музыка и смех остались позади.

— Часом не собираешься стянуть у герцога Беллисии какую-нибудь бесценную магическую реликвию? — спросила наемница. Фи сама о себе позабочится, а пока можно и полезные сведения ненароком добыть.

Рэд подалась ближе, хлопая длинными ресницами.

— Если я скажу да, ты меня выдашь?

— Арманду Беллисии? — фыркнула Шейн. Да лучше она еще десять раз подерется с охотниками на ведьм, чем окажет этому парню какую-либо услугу.

Рэд рассмеялась, как будто прочла мысли Шейн.

— Не волнуйся. На сей раз я ищу человека. Его трудно вычислить, но, думаю, я знаю, с кем он путешествовал. — Она игриво пожала плечами. — Тем не менее приятно понимать, что если я найду искомое, ты не встанешь у меня на пути.

— Не припомню, чтоб я такое обещала, — пробормотала Шейн.

Впрочем, почему нет? Рэд буквально завораживала, и у наемницы возникло опасное чувство, что она простила бы лукавой собеседнице почти что угодно. Пожалеет, и сама Рэд это понимала.

Пока они поднимались по винтовой лестнице, Шейн рассматривала идущую впереди красавицу, чье сверкающее платье шелестело по железным ступеням.

На языке вертелись сотни вопросов: что за татуировка на шее, где именно в Андаре ее дом, откуда она знает ту прекрасную и печальную колыбельную, которая до сих пор преследовала Шейн самыми темными ночами? Но что-то подсказывало: Рэд не оценит, если ее прижмут в угол и станут допрашивать.

Она, казалось, мерцала в приглушенном свете фонарей, ее щеки разрумянились, а копна волос ниспадала

на обнаженную спину. Завитки темно-малиновой вышивки украшали лиф платья, которое так облегало тело, что Шейн остро чувствовала каждый разделяющий их сантиметр пространства.

— Плялиться некрасиво, — поддразнила Рэд.

Шейн слегка сглотнула и заставила себя поднять глаза к лицу спутницы.

— Просто засмотрелась на твой наряд. Нечасто можно встретить красную волчицу.

— Уж такую волчицу точно больше нигде не встретишь, — довольно ответила Рэд, на миг отвернувшись, надела серебряную маску и вновь посмотрела на Шейн. — Бу!

Наёмница едва не отступилась. Мaska больше напоминала чудовище, чем волка: рваные пожеванные уши, рычащая пасть, полная кривых зубов. В зыбком свете карие глаза Рэд казались золотыми, свирепо блестя в огромных прорезях.

— И как ты не распугала гостей на балу, — удивилась наёмница.

— Я? — Рэд потянулась за спину Шейн и потрепала жестоко измятое крыло бабочки. — Кто бы говорил. Что за чудовище ты изображала?

Шейн усмехнулась, гордясь своим порванным и испачканным костюмом.

— Незваную гостью, решившую испортить очень дорогое платье.

Рэд с улыбкой подняла маску на макушку.

— Что ж, в таком случае вышло идеально.

Дверной проем впереди озаряли свечи. Узкая лестница выходила на небольшой балкончик с видом на бальный зал. Свисавшие с потолка массивные золотые люстры, каждая высотой более семи футов, оказались так близко, что можно было дотянуться рукой. В стене

из позолоченных зеркал они превращались в лес золотых ветвей, обрамляя отражение обеих девушки оплавившими свечами и мерцающими цепями. Покрашенные перила красного дерева не давали свалиться вниз.

— Отсюда вид намного лучше.

Шейн обернулась. Спутница уселась на перила, небрежно болтая ногами на самом краю.

— Эй, осторожно! — Наемница крепко схватила Рэд за локоть. Та переплела их пальцы — и огонь пробежал по всем нервным окончаниям Шейн.

— Я в полном порядке, — заверила Рэд. — Да и если что-то случится, ты явно сможешь меня поймать. — Ее взгляд задержался на мышцах голых рук наемницы, и Шейн едва удержалась, чтобы ими не поиграть.

Ощущив внезапный прилив смелости, она вздернула подбородок.

— Знаешь, там, откуда я родом, верят, что если случайно встретишься с человеком трижды, то вам суждено быть вместе.

— Но тогда никаких случайностей нет. Вас изначально сводит судьба, — заметила Рэд, очаровательно сморщив нос.

— Никогда об этом не задумывалась, — призналась Шейн. Рэд по-прежнему смотрела на нее, поэтому наемница продолжала болтать, лишь бы спутница слушала. — Поверье родилось из легенды о двух великих воинах, Сигрене и Алаваре. Они принадлежали к враждующим кланам. Каждый считался в своем лучшим бойцом, но встретились они, только когда оба явились к прорицателю в Зеленый храм за благословением. Месяцы спустя Сигрен и Алавар, не сговариваясь, пришли к одному горячему источнику, чтобы приготовить тела к битве.

— Становится жарко, — захихикала Рэд.

— Наконец, в самый канун битвы их обоих потянуло в рощу болиголова. В свете звезд они познали воинственный дух друг друга и влюбились.

— И что же тогда произошло? — спросила Рэд. Она спрыгнула с перил практически в объятия Шейн. Лицо красавицы оказалось так близко, что наемница могла бы сосчитать ресницы, коснувшись ее покрасневших щек.

— Они отказались сражаться друг с другом, и их любовь остановила войну.

Рэд усмехнулась.

— Ну, теперь понятно, что это басня. Никто в реальной жизни так легко не отделяется.

Она отбросила с шеи кудри, и наемница наконец увидела выбитое на коже Рэд изображение извивающихся змей. Запечатывающая метка, именно такая, как ее описала Фи.

Шейн облизала губы.

— Рэд. Татуировка у тебя на шее... — начала она.

Та мгновенно попыталась закрыть метку.

— Что ты об этом знаешь?

— Ничего, — поспешила заверить Шейн. — То есть самое основное. Ты ведьма, так? Родилась в павшем королевстве?

— И что с того? — Глаза Рэд опасно блеснули.

— Просто хочу спросить: не грозит ли тебе беда? Не нужна ли помощь?

— А, ты из этих, — горько усмехнулась Рэд. — Думаешь, меня всенепременно нужно спасать? Как предсказуемо. — Она глянула на Шейн с какой-то жалостью, а потом презрительно улыбнулась. — Прости, разочарую, спасители не нужны. И ты ничего обо мне не знаешь.

С кошачьей ловкостью ведьма нырнула под руку наемницы и уже хотела уйти, но Шейн перехватила ее запястье.

— Я знаю, что у тебя красивый голос. Что ты добрая, пусть и пытаешься это скрыть. Что красный — твой любимый цвет. Ладно, тут я больше догадываюсь. Мне он тоже нравится, — призналась Шейн, думая не о брошенном на кровать пыльном пальто, а о стоящей перед ней девушке, алой вспышке на фоне темного зеркала.

Наемница осторожно приблизилась, будто успокаивала пугливую лань.

— А еще каждый раз, как мы сталкиваемся, ты почему-то одна.

Рэд пожала плечами и улыбнулась, но глаза остались серьезными.

— Выяснила, что спутники меня задерживают. Вот и решила, что самой по себе лучше.

Интересно, сама ведьма слышала горький подтекст в своих словах?

— Знаешь, кто обычно так говорит? — Шейн крепче сжала ее руку. — Те, у кого, по их мнению, нет другого варианта.

Ведь она тоже твердила себе подобное, после того как покинула острова Несокрушимых. Шейн ушла сама, но ей все равно было больно. Она оплакивала потерю первой любви и еще более сокрушительную потерю Шайдена, своей второй половины, лучшего друга.

Впервые Шейн действительно осталась одна. Скитаясь по портам и приграничным городам, ведя жизнь наемницы, она затолкала боль глубоко в сердце и ожесточила его, чтобы больше не страдать. Увы, приобретенная черствость позволила ей с легкостью совершать поступки, которые прежняя Шейн бы не одобрила.

Вот, что видела наемница, глядя на Рэд. Того, кто жил под маской, потому что не мог себе чего-то простить. Шейн не знала, о чем речь, но понимала, какие ведьма испытывает чувства — глубочайшую уверенность, что ничем себя не обелишь, ведь слишком далекошел по кривой дорожке.

— Когда я только приехала в Дарфелл, то работала наемницей. И натворила многое, о чем теперь сожалею.

— Серьезно? — Глаза Рэд сверкнули, точно осколки льда. — Верится с трудом. Убеждена, некоторые границы ты никогда не переступишь.

— Возможно, — согласилась Шейн. — Но я знаю, что порой, приняв одно неверное решение, становиться проще пойти и на следующую подлость. Вскоре ты вообще уже плюешь на совесть, но каждый шаг понемногу убивает тебя, пусть ты этого и не ощущаешь.

Рэд стряхнула ее хватку и повернулась к лестнице. Шейн посмотрела на запутавшуюся в локонах ведьмы маску: волк запрокинул голову и выл, оскалив пасть.

— Ты понятия не имеешь, о чем говоришь. И что я натворила.

— Но хотела бы узнать, — ответила Шейн. Просьба сама сорвалась с губ, тело гудело от напряжения. Наемница не собиралась идти вот так, напролом, но теперь не могла остановиться. — Расскажи мне, Рэд. Расскажи всё. Ты ничем меня не отпугнешь.

— Невероятно наивное утверждение, — покачала головой Рэд. Но лицо ее смягчилось, а голос перешел в шепот, будто она не верила Шейн, но очень хотела.

Что-то изменилось между ними. Рэд приоткрыла губы, и наемнице показалось, будто ведьма и правда сейчас все ей расскажет. Но затем Рэд вновь медленно прошла к Шейн, шелестя подолом.

— Если правда хочешь мне помочь, то сделай одну вещь. — Ведьма оперлась рукой о плечо наемницы, поглаживая обнаженную кожу. — Потанцуй со мной. Совсем немного. Словно кроме нас в мире больше никого нет. А потом забудь о случайностях, судьбе и глупых порывах броситься мне на помощь. — В глазах Рэд отражалось пламя гаснущих одна за другой свечей. — Не вздумай в меня влюбляться, Шейн. Тебе только хуже будет.

Если так, почему именно Рэд выглядела так, словно вот-вот расплачется?

— Рэд...

— Ш-ш. — Ведьма прижала палец к губам Шейн. — Слышишь? Последняя песня.

Играли скрипки, пары двигались внизу в головокружительном вихре. Шейн не знала танец, но и как отказать, тоже не представляла. Она положила руку на талию Рэд, и ведьма ответила тем же. Они принялись кружиться, медленно, так близко друг к другу, буквально щека к щеке, едва не соприкасаясь носами.

Рэд не отводила взгляда, но и не убирала свободную руку с груди Шейн, будто говоря — *ближе нельзя*.

Одна выдыхала воздух, другая его вдыхала, и весь мир замер в этот миг, сосредоточившись на крохотном мгновении.

Шейн закрыла глаза, стараясь запечатлеть в памяти каждую деталь, но чувствовала, что образы уже расплываются. Остался лишь алый проблеск и тоска от потери чего-то очень близкого.

Наемница не понимала, когда успела так влюбиться, но ничего не могла с собой поделать. Ни разу прежде Шейн не ощущала такого притяжения, даже с Карой. Те отношения были захватывающими, мильными и многообещающими. Любовь к Рэд напоминала

водоворот — могучий, неумолимый, который уже утягивал Шейн на дно.

Но даже если ей суждено утонуть, сопротивляться она не собиралась.

Танец слишком быстро закончился. Пары отвесили последние поклоны, музыканты встали под гром аплодисментов. Часы где-то били полночь.

— Спасибо за танец. — Рэд подняла голову и невесомо поцеловала Шейн в уголок губ. — Не ходи за мной.

К тому времени, как наемница открыла глаза, ведьма уже исчезла на темной лестнице, а Шейн так и стояла на балконе с пылающим в груди сердцем.

Кара никогда не отвергала ее, но и не любила. Рэд, похоже, испытывала к Шейн какие-то чувства, но все равно их отрицала. Наемница коснулась губ, что до сих пор горели от поцелуя.

Не вздумай в меня влюбляться.

— Слишком поздно, — пробормотала Шейн, глядя на угасающие люстры.

Глава 21

Шиповник

Шиповник прошел через потемневшую комнату. Лишь свечи всколыхнулись ему вслед. Он остановился возле увенчанной завитками кровати с шелковыми простынями и пуховыми подушками и посмотрел на спящее лицо Арманда Беллисия.

Принц и сам не знал, что здесь делает. Было бы разумнее вернуться к Фи или в свою белую башню, уснуть и восстановить магию. Шиповник ночь напролет безрассудно расходовал свою силу и снова оказался почти на грани истощения. Однако не мог остановиться, и причина лежала в этой роскошной постели.

Какой бы умной ни была Фи, кое-что в этом человеке она просто не могла увидеть, а вот принц догадался обо всем, едва глянув на Арманда Беллисия и на то, как он следил за Фи на балу. Аристократ из кожи вон лез, бросал на нее взгляды через всю комнату, пытался заманить ее, уговорить, даже оскорбить, лишь бы она обратила на него внимание. Каждый жест, холодное слово и жестокая улыбка служили только одной цели — вернуть Фи в свои объятия. Она лишится всего, а Арманд получит ее любовь. Фи будет

носить то, что он выбрал, подчиняться его прихотям. Но вышло не так, как хотел Арманд.

Шиповник очень на это надеялся. Ему прежде не доводилось изображать благородного рыцаря, но именно им он себя чувствовал, когда взял Фи за руку и закружил в танце. Не потому, что спас от Арманда, — герцогский сын больше ничего не значил. Шиповник смог заставить Фи улыбнуться — даже рассмеяться.

Глядя, как она смотрит в ночное небо и созвездия отражаются в ее карих с прозеленевшими глазах, принц поймал себя на мысли, что, возможно, все это время ошибался насчет любви. Может, любовь — это не сбывающееся заветное желание или каприз судьбы. А ощущение, которое приходит, когда вам так хорошо, что вы его и не замечаете.

Например, когда Фи закатывала глаза и отказывалась впечатляться ужасными познаниями Шиповника в магических языках.

Или когда она краснела и прятала лицо под широкие поля своей шляпы, словно он не видел алеющие кончики ушей.

Или когда Фи бросила на него дерзкий взгляд, прежде чем нырнуть в секретный проход в старом поместье. На миг он увидел ее прежнюю, из тех времен, когда она промышляла кладоискательством. Шиповник то и дело запускал искры в воздух, просто чтобы похвастаться и заметить написанное на ее лице изумление.

Или, может, любовь пришла, когда Фи откинулась на его руки в зале и засмеялась, следя и ведя одновременно. Он тоже смеялся, забыв обо всем, в сердце не хватало места для иных чувств. Фи завораживала его каждое мгновение во время танца и после.

Сколько раз один человек может влюбиться в другого? И влюбится ли Фи когда-нибудь в ответ?

Фигура на кровати зашевелилась, застонав во сне и привлекая внимание Шиповника. Фи не хотела мстить Арманду, она ясно дала это понять. И все же принц пришел сюда после того, как Фи заснула, рухнув на Шейн, которая по ошибке забралась в ее кровать.

Что-то горело в нем — ярость, которую он, казалось, не мог погасить.

Фи держалась замкнуто, и доверие между ними было очень слабым. Шиповник никогда не позволил бы себе допытываться, что сделал Арманд. Но он должен был знать. Оставался только один человек, который мог бы рассказать, и принц собирался получить ответы, даже если ему придется ради этого проникнуть в разум Арманда.

Теперь ходить во сне стало легко.

Шиповник склонился над кроватью, собирая магию в ладони.

Материализоваться в поместье оказалось труднее, чем где бы то ни было, и принц не сразу понял, что представители рода Беллисия сами по себе устойчивы к магии. Даже сейчас, чем ближе Шиповник подносил руку к Арманду, тем сильнее чувствовал, как что-то отталкивает его прочь, словно яростный ветер. Принц упорно сопротивлялся. Сверкающие кончики пальцев зависли над лицом Арманда. Шиповник хотел положить ладонь на лоб молодого герцога, но стоило коснуться кожи, как магию высосало из руки, искры исчезли. Принц зашипел, ощущив головокружение и пустоту, ладонь стала почти прозрачной.

Арманд принялся ворочаться и стонать.

— Филоре! — крикнул он во сне.

Да как негодяй смел произносить ее имя! Даже не понимая, что делает, Шиповник копнул глубже, призвал другую силу, ту, которую поклялся никогда не

использовать. Это была темная магия, что влилась в него благодаря связи с Пряхой. Чары мгновенно отзывались, взметнувшись, как бурлящий прилив, и обтянули руку, как вторая кожа. На кончиках пальцев потрескивали искры — уже не бледно-белые, а темно-багровые, цвета розы и крови. Грубая сила текла по жилам, океан темной магии только и ждал приказа.

Шиповник провел пальцами по лицу Арманда, словно закрывая глаза мертвому. Дыхание холодного ветра скользнуло в комнату, и герцог вскрикнул, погрузившись в кошмар. Он будет страдать по крайней мере одну ночь. Хотя заслуживал куда большего.

— Филоре! — снова позвал он.

Взгляд принца стал жестче. Даже в плenу кошмара, несмотря на все, что натворил, молодой герцог продолжал мечтать о ней. Память о Фи билась в разуме Арманда Беллисия, как бабочка под стеклянным колпаком, и у Шиповника не было возможности ее освободить. Его пальцы сомкнулись на горле соперника, и тот стал задыхаться. Невыносимо было слышать ее имя из уст Арманда.

И вдруг Шиповник заметил, что его рука начала меняться. Ногти удлинились и превратились в блестящие костяные когти. Он уставился на то место, где когти упирались в плоть на горле Арманда. Он мог бы прикончить соперника здесь и сейчас, если бы только захотел.

А ему и правда хотелось.

Но Фи бы не одобрила.

В памяти принца всплыли карие с прозеленью глаза. Как Фи зачарованно любовалась магией Света. Как в ответ на предложение сделать что угодно попросила сущий пустяк.

Шиповник очнулся, с ужасом поняв, что едва не натворил. Тяжело дыша, он неровным шагом отошел от кровати.

Темная магия Пряхи всегда жила в нем, нашептывала искушающие слова бархатным голосом. Если дать слабину, тьма поглотит его. Шиповник думал, что владеет собой, но глядя на человека, который мучил Фи, мигом утратил весь контроль. Давно уже принц не знал такого гнева, такой печали, *таких ярких чувств*.

Шиповник потряс рукой, пока та не стала снова нормальной.

Он по-прежнему чувствовал тягу этой магии, темной и соблазнительной, сулящей исполнить любую прихоть. Но если бы принц поддался, то стал бы монстром куда хуже Арманда Беллисия. Тогда он не заслуживал бы любви Фи, даже если бы она ответила взаимностью.

Шиповник чувствовал, что угасает, что силы на исходе. Взгляд упал на фигуру в постели.

— Я никогда не стану таким, как ты, — пообещал принц спящему сопернику.

А затем растворился в темноте, как свеча гаснет в завитке дыма.

Глава 22

Фи

Маленький городок на границе сильно отличался от поместья Арманда. К тому времени, как они добрались до поселения, опорной точки Хранителя границы и его многочисленной стражи, горы уже остались за спиной, а далекие пики под низко висящими облаками казались серыми и зловещими. Все здания были приземистыми, за исключением нескольких высоких сторожевых башен. На смотровые площадки вели длинные лестницы, а сверху наблюдали любопытные солдаты. По дороге Фи постоянно чувствовала чужие взгляды, прежде всего Арманда.

Границу между Андаром и Дарфеллом обозначала высокая стена, в три раза выше самой Фи, построенная из грубо отесанных бревен, втиснутых между тусклыми блоками древнего камня. По верху барьер укрепили заостренными столбами, и его патрулировали солдаты в серых мундирах, отороченных золотом Беллисии. Пройти можно было только через узкие ворота, по бокам которых стояли десять мужчин с гербом пограничного патруля — щитом, разделенным на четыре части скрещенными пиками. Закрытая

железная решетка вонзилась в землю острыми зубами. Сквозь прутья проглядывал пейзаж, но огромный Терновый лес казался лишь далеким черным пятном.

Всю дорогу путешественники молчали. Фи взглянула на Арманда. Тот спустился к завтраку уже не в духе. Наверное, припозднился, развлекая какую-нибудь красотку, решила Фи с неприятным привкусом во рту.

Тем не менее он настоял на том, чтобы лично сопровождать их до пропускного пункта, и, казалось, всю дорогу о чем-то размышлял, не говоря почти ни слова. Все это вызывало у Фи дурное предчувствие.

Оно лишь усилилось, когда Арманд остановился у ворот, спустился с коня и передал его слуге. Он даже не подумал залезть в седельные сумки или вытащить из кармана деревянные пропуска. Низкий раскат грома встревожил лошадей. Путешественницы спешились, и Фи передала поводья напарнице, настороженно наблюдая за Армандом. Тот все тянул, приглаживая свои короткие волосы под звон колец.

— Чего мы ждем? — наконец спросила Фи.

Арманд наклонил голову, с улыбкой глядя на нее.

— Я думал, что дам тебе шанс попрощаться.

Фи приготовилась к очередной его выходке.

— Мне нечего тебе сказать.

Ее язвительные слова не возымели действия. Во всяком случае, Арманд только разулыбался еще больше.

— Надеюсь, ты не пожалеешь об этом, — сказал он. Затем повернулся, обращаясь к стражу у ворот: — У меня два пропуска. Один для нее... — он указал на Фи, — ...и один для себя. Мы переправимся в Андар.

Не может быть.

Фи показалось, что сердце перестало биться или, может, оно билось слишком быстро.

В ушах зашумело.

— Что?! — проревела Шейн.

— Ты же дал слово! — возмутилась Фи.

— И сдержал, — парировал Арманд. — Ты просила два пропуска, я их сделал. Просто решил *сам* тебя сопровождать. Так тебе лучше. А твоя служанка наверняка другую работу подыщет.

— Слушай, ты, коварный, изворотливый, двуличный змей...

Шейн еще что-то говорила, но Фи едва слышала. Мир будто съежился, и остались только они с Армандом.

Прошло больше года. Фи уже не была наивной девушки в дорогом черном пальто, а он — партнером, которому она безоговорочно доверяла. Но каким-то образом Арманд перенес ее обратно в тот момент и снова предал.

— Ты не можешь так сделать, — сказала она.

— Разве? — переспросил Арманд.

Конечно, он мог. На что только она рассчитывала?

Не выдержав, Фи рванулась вперед и вцепилась в его высокий кружевной воротник.

— Ты чудовище, — выплюнула она. — Не знаю, что я вообще в тебе находила.

— Не драматизируй, Филоре, — рассмеялся Арманд и убрал ее руки. — Я не собираюсь стоять здесь и выслушивать оскорбления. Я определенно голоден; завтрак никуда не годился, но, кажется, теперь у меня разыгрался аппетит. Наслаждайся своей маленькой истерикой. Когда придешь в себя, встретимся в тавerne.

Арманд отвернулся, а Фи поняла, что с тем же успехом могла рыдать перед ним на коленях. След от бабочки горел на коже, как раскаленный уголь. Она была дурой тогда и осталась ей сейчас. Думала, что использует

бывшего, что у нее все под контролем. Похоже, насчет последнего Фи заблуждалась сильнее всего.

Она повернулась и побежала. Фи не могла думать, не могла дышать, ей было все равно, куда идти, лишь бы подальше отсюда. Шейн что-то кричала вдогонку, но Филоре не замедлила шаг.

Она добежала до стоявших на самой окраине ветхих зданий. В темных облаках гремел низкий раскат грома. Фи бросилась на стену, тянувшуюся вдоль края поселения, бессильно сползла по ней, и камни оцарапали ей спину. Фи сцепила руки на коленях.

Что-то мокрое скользнуло по щеке. Сначала она подумала, что плачет, хотя будто заледенела изнутри. Но тут забарабанили новые капли, они стучали по рукам и плечам коричневой куртки. Шел дождь, совсем несильный, капли падали с неба, как слезы. Фи сняла с руки перчатку, села, подтянув колени, и уставилась на ладони.

На левой руке виднелась отметина в виде бабочки, черные размашистые линии безжалостно врезались в кожу. Метка, которую поставил Арманд, чтобы заманить в ловушку.

На правой руке малиновая линия обвивалась вокруг пальца, точно нить. Метка от веретена, привязавшая ее к Шиповнику.

А есть ли разница? Фи задумалась.

Ей хотелось верить, что она сама решила спасти принца, но, возможно, это не так. Вероятно, у нее и не было никакого выбора, и проклятия и магия просто таскали Фи за собой, как ветер швыряет в стороны лист во время бури. Холодное отчаяние сковало сердце, и она безучастно посмотрела на свои руки.

Внезапно Фи поняла, что вода больше на нее не капает.

Она запрокинула голову и увидела, что это Шиповник уперся руками в стену и закрывает собой от дождя. Мокрый плащ повис, волосы принца прилипли ко лбу. Он печально посмотрел на нее сверху вниз, его блестящие синие глаза стали серыми.

— Теперь я понимаю, — мягко сказал Шиповник, — почему тебе не нравлюсь.

Сердце Фи остановилось. Сейчас у нее не было сил на этот разговор.

— Шиповник, пожалуйста...

— Я не шучу, Фи. — Он запнулся, будто с трудом заставил себя произнести ее имя. Вся обычная игризость исчезла без следа. — Это потому, что ты обязана ко мне прийти. Прямо как к нему.

Фи не знала, слеза ли упала ей на ладонь, или то просочилась капля дождя. Не знала, что понял Шиповник по ее раскрытым ладоням, но, вероятно, не трудно было догадаться, о чем она думала. Принц наклонился и взял ее правую руку в свою.

— Эта связь между нами, — сказал он, крепко сжимая пальцы Фи. — Да, не о таком ты мечтала. Но это не проклятие — это судьба.

— Откуда тебе знать, — резко возразила она, выдергивая руку. — Ты думаешь, что любовь — это какой-то прекрасный сон, но она порой толкает людей на ужасные поступки.

Слова, что выплыли из груди, будто забрали с собой кусок ее сердца.

Принц выглядел потрясенным. Он отстранился и долго смотрел на свои руки. Фи не знала, что Шиповник там нашел, но никогда не видела его таким мрачным.

— Возможно, ты и права, — признал он. — Поначалу я был так уверен, что раз ты сняла проклятие

беспробудного сна, то нам суждено быть вместе. Но теперь...

Принц замолчал, опустил руки, встретившись глазами с Фи, и медленно выдохнул.

— Я не хочу тебя заставлять.

— Что? — моргнула она.

Шиповник опустился на колени в грязь и костяшками смахнул каплю дождя с лица Фи.

— Я не хочу, чтобы ты влюбилась в меня, потому что нас связало костяное веретено. Я верю, что мы созданы друг для друга, но знаю, каково это, когда все в твоей жизни решают за тебя. — Бледная рука Шиповника задрожала, и перед глазами Фи промелькнул другой его образ — одинокий принц, утопающий в розах. — Я не хочу для тебя такого.

Фи не могла пошевелиться. Дождя она больше не чувствовала, а грозу едва слышала. Эта боль в груди — из-за Шиповника или Арманда? Что-то горело внутри нее, что-то яркое и хрупкое, как искра магии принца. Но одновременно железная хватка Арманда медленно и неумолимо сокрушала ее сердце. Все смешалось. Неизменными остались только две вещи: тепло прикосновения Шиповника и взгляд его прекрасных глаз, таких серьезных и грустных.

Казалось, весь мир затаил дыхание вместе с ней, когда принц наклонился и прижался лбом к ее лбу.

— Я хочу этого, Фи, — прошептал он. — Чтобы мы были вместе. А не попрощаться и расстаться навеки. Я хочу, чтобы ты осталась со мной в Андаре. Ты значишь для меня больше, чем я мог себе представить. Ты моя надежда — надежда всего королевства. Но... — Он тяжело сглотнул, его голос стал хриплым. — Если я для тебя чудовище, если заставляю тебя чувствовать то же, что и он, тогда...

Принц убрал руку, и на щеке остался лишь отголосок прежнего ощущения. Шиповник сел ровнее и убрал мокрые волосы с глаз.

— Тогда иди назад. Забудь Андар, забудь обо всем этом. Мы вернемся к Письмовнику, и я использую все, что когда-либо знал о магии Священной Розы, чтобы разорвать нашу связь.

Фи потрясенно открыла рот.

— А как же твой народ? — запинаясь, побормотала она. Ведь поцелуй должен был разбудить не только принца.

Он покачал головой.

— Мое королевство — мои проблемы. Найду иной путь.

Фи поперхнулась. Шиповник смотрел твердо и решительно. Он готов был ее отпустить, даже если терял самый верный способ спасти себя и Андар.

Разве не этого Фи хотела?

С одной стороны, ее действительно тянуло все бросить и отказаться от затеи. Но это значило отказаться от самого Шиповника. Он был не просто проклятым принцем. А Шиповником — Шиповником, который не умел шутить, который позвал ее на танец и отдавил ноги, который бежал с ней по саду как безумный и выпустил на волю всех тех бабочек. Шиповником, который так часто приходил к ней ночами, пугал бандитами, камнепадами и гусеницами, пока не добивался улыбки. Шиповником, который иногда смотрел на Фи так, словно она — единственный луч света в непроглядном мраке.

Принц не хотел владеть ею, как Арманд. Не желал власти над Фи. Он нуждался в ней.

Она начала что-то чувствовать к нему — что-то слишком хрупкое, чтобы выразить словами, будто если она

осмелится их произнести или даже просто от души понадеется, это ощущение улетучится. Но даже так Фи знала, что никогда не сможет бросить принца одного.

Она много в чем сомневалась. Не знала, действительно ли решила стать спасительницей Андара. Не знала, можно ли доверять сердцу — вообще кому-то доверять. Но была уверена, что Шиповник совсем не похож на Арманда. Принц дал ей выбор. И теперь решение осталось за ней.

Фи глубоко вздохнула.

— Знаешь, — начала она и ущипнула Шиповника за прохладную мягкую щеку. — Для принца ты ведешь себя очень безответственно. Я думала, что судьба всего твоего королевства в моих руках.

Шиповник с облегчением улыбнулся.

— Ну, как ты, наверное, догадалась, я был самым младшим претендентом на трон, которого никто не собирался туда сажать.

— Скажем так, я не удивлена, — усмехнулась Фи.

Однако оставалось кое-что еще — признание Шиповника. Фи слогнула.

— Шиповник, я...

— Эй, я же сказал, что *не* хочу торопить события. Так что не делай такое лицо. — Он криво улыбнулся. Боль исчезла из его глаз, принц снова стал прежним Шиповником, в голосе опять зазвенели озорные нотки. — Я просто озвучил свои чувства и ничего не ждал взамен. Свалился на тебя со своими признаниями, а ведь помню, как ты любишь сюрпризы. Пожалуй, прямо сейчас я то, что хочу, не услышу.

Фи рассмеялась и откинула голову на холодную каменную стену, наблюдая, как принц поднимается на ноги. Небо за его спиной было ярким, как на картине, ливень почти унесло ветром.

Шиповник протянул ей руку.

— Ты прагматик. Поэтому обдумай все хорошенько, покрути со всех сторон, а потом скажи мне, чего ты хочешь. Когда будешь готова.

Фи кивнула, опасаясь, что голос ее подведет. Но кое-что ей нужно было прояснить. Она снова надела перчатку и схватила протянутую руку Шиповника.

Когда он помог встать, Фи сказала:

— Ты мне его не напоминаешь. И я никогда не говорила, что ты мне не нравишься.

Глаза принца расширились. Его рука внезапно стала бесплотной — и Фи с криком упала назад, перепачкавшись в грязи. Она потрясенно уставилась на Шиповника. Тот с легким ужасом смотрел в ответ.

— Ты же сейчас не заберешь слова назад? — поморщился он.

— Нет, а надо бы, — проворчала Фи. — Ты заслужил. — Но улыбнулась и вновь протянула руку, давая второй шанс.

Еще раз подняв Филоре, Шиповник придержал ее, внимательно глядываясь в лицо.

— Дальше станет еще опаснее. Как только ступишь на земли Андара, каждый шаг будет приближать тебя к проклятому замку и чарам Пряхи. Последняя возможность передумать.

— Вот уж не дождешься, — пообещала Фи и ощущила, как в ответ на улыбку принца в груди вспыхнула искорка магии.

Она приняла решение. Фи хотела стать той героиней, которой ее считал Шиповник. Вот бы еще теперь добраться до Андара, не пойдя на поводу у Арманда.

Глава 23

Шейн

Шейн влетела в таверну, распахнув дверь так, что та врезалась в стену. Задача стояла только одна: найти этого изворотливого ублюдка Арманда. Как она с ним поступит дальше, Шейн не очень представляла, но скользкому гаду определенно не поздоровится.

Помещение, куда она ворвалась, было почти пустым, если не считать горстки путешественников с набитыми рюкзаками и нескольких мужчин и женщин из пограничной охраны, которые обернулись, чтобы изучить ее повнимательнее.

Группа, играющая в карты за дальним столиком, даже не подняла глаз. Шейн прищурилась, стараясь приглядеться в тусклом дневном свете. Место не то чтобы идеальное, но намного чище, чем большинство известных ей таверн.

Арманд не было видно. Однако рядом с крутой лестницей, оцепленной золотой веревкой, стояла на страже женщина с тяжелым взглядом и длинным мечом на поясе. Шейн цокнула языком. Стоило догадаться, что Арманд побрезгует сидеть в общих помещениях со всяkim сбродом. Пока ему удалось ускользнуть.

А идеи у Шейн закончились.

Она прошла мимо стойки и худощавого трактирщика — вероятно, бывшего пограничника — и направилась к столику в углу, откуда открывался вид на лестницу. Все равно не вышло бы отловить Арманды и выбить из него пропуска. Фи с Шейн были на его территории, и он знал это, судя по тому представлению у ворот.

«Ничего, встретимся мы как-нибудь в темном переулке», — подумала Шейн, хрустя костяшками.

Правда, мысль эта ничуть не успокоила. Не хотелось ждать этого самого «как-нибудь», нужно сейчас всыпать негодяю, если решила помочь Фи. Напарница куда-то сбежала, и Шейн оставалось лишь гадать, что сейчас творится в голове Фи. Как она поступит? Отправится с ним? Бросит Шейн здесь? Как ни крути, они партнеры — ни для кого другого наемница в то платье бы не вырядилась, — однако ничего друг другу не обещали. Может, на том все и закончится. Может, в этом городке они разойдутся.

Ужасное чувство. Шейн уперлась лбом в сжатые кулаки. Она ненавидела проблемы, которые нельзя разрешить с помощью топора. Ей казалось, мерзкое ощущение беспомощности осталось позади, на островах Несокрушимых. Когда неважно, чего ты сам хочешь, уродливое будущее стремительно приближается, а делать с ним ничего нельзя.

Шейн вылетела из дверей и взбежала на стену замка. Ветер бросал в лицо пригоршни снега. Холод пробирал сквозь тонкую тунику, но от злости Шейн его не замечала.

Как и ожидалось, Шейден стоял у бойниц. Вихри трепали его толстый шерстяной киртиль, пряжки

сапог поблескивали в розовых лучах утреннего солнца. Брат смотрел на беспокойное зимнее море.

Его щеки раскраснелись от укусов ветра. Далеко внизу, под обрывом, туман скрывал черную воду. Шейден едва глянул на сестру.

— Как ты можешь так со мной поступать? — спросила Шейн. — Почему оставил меня одну оправдываться перед отцом?

Шейден не сводил глаз с горизонта.

— Я предупреждал: он не передумает. Но ты не слушала. Как всегда.

А кто бы слушал? С тех пор как она поцеловала Кару и осознала, насколько пустой и неполноценной будет остаток ее жизни, Шейн чувствовала себя горшком, который медленно закипал и наконец выплеснул содержимое.

Всю прошлую ночь она расхаживала у окна, глядя на две яркие звезды — Близнецов, или Влюбленных, — что сияли сквозь голые вязы. А на рассвете пошла к отцу.

Стоя перед ним в зале Вождей, она умоляла сделать наследником Шейдена — позволить ему занять ее место главы клана Рагнall и жениться на Каре.

— Шейден не может быть королем. — Отец выглядел таким же суровым, как статуи предков, что выстроились вдоль зала и смотрели на Шейн сквозь прорези шлемов, держа оружие на изготовку, словно армия безмолвных часовых.

— Но почему нет, отец? Ты же знаешь, что править должен он!

— Линия наследования никогда не прерывалась, — холодно отрезал он. — Титул Военного вождя переходит к старшему ребенку без исключения. Это традиция, благодаря которой Рокриммон остается сильным.

— Но какая из меня королева! — Шейн сжала кулаки, стараясь не сорваться на крик. — Шейден знает историю каждого клана, помнит все договоры и торговые соглашения и никогда не оскорбляет послов на пирах...

Отец пренебрежительно махнул рукой.

— Из него выйдет отличный первый министр.

— А король получился бы еще лучше, — прорычала Шейн. — Всю мою жизнь ты пытался вылепить из меня его подобие, терпеливое, серьезное и мудрое. Но Шейден уже сам по себе такой. Ты получил бы идеального наследника, если бы нарушил одно маленькое правило, но ты слишком упрямый.

— Что ж, по крайней мере, понятно, в кого ты такая уродилась.

Отец поднялся со своего сучковатого дубового трона — явный признак того, что разговор окончен. Но Шейн не могла позволить ему уйти: внутри бушевал океан, казалось, что огромное злое существо пытается проломить грудь. Она вспомнила ужасное, пустое выражение лица Кары, когда поцелуй Шейн остыл на ее губах.

— Шейден — лучший выбор для Кары, для всего Рокриммона! У них даже может быть общий наследник, — отчаянно бросила она.

Это стало последней каплей.

— Ты выносишь следующего наследника, Шейн! — прогремел король, хлопнув рукой по подлокотнику трона. — И Кара выберет подходящего парня из Айсферна. Так делали всегда. Не придумывай проблемы на пустом месте.

Он медленно хрипло вздохнул, успокаивая бурю эмоций, до которой его могла довести только Шейн.

— Твоя мать умерла, приведя тебя в этот мир. Я не позволю тебе обесценить ее жертву своим эгоизмом. — Отец снова превратился в короля, жесткого и непреклонного. — Ты родилась, чтобы стать Военным воождем, Шейн. Иначе ты ничто.

Эти слова и выгнали ее из холла в снег. Ярость так душила, что с трудом удавалось перевести дыхание.

Возможно, Шейн знала, что ничего не выйдет. Но ожидала, что Шейден встанет рядом с ней, плечом к плечу. А не будет торчать в одиночестве на стене под сторожевой башней, глядя на гавань так, словно уже сдался.

Шейн двинулась к нему, твердая корка снега хрустела под ногами.

— Вы должны поговорить с ним. Ты и Кара, вместе. Может, под давлением Айсфера отец изменит линию престолонаследия…

— Этого никогда не случится, — сказал Шейден так уверенно, с таким смириением. Ей хотелось стереть с лица брата это торжественное, задумчивое выражение.

— И ты согласен? — Шейн схватила его за одежду и рывком повернула к себе. — Проклятье, Шейден, хоть раз в жизни сразись за что-нибудь. Я делаю это для тебя.

— А я делаю это для тебя! — крикнул в ответ брат.

Слова тысячекратным эхом отдались от утесов и ледяных стен. Шейден зажмурил глаза, его дыхание стало слишком быстрым.

— Ты наследница, Шейн. Ты рождена для трона и для Кара. Мои желания ничего не изменят.

Шейн опустила руку.

— Ты ошибаешься, Шейден. Они меняют *всё*, — настаивала она хриплым голосом. — Потому что я не

смогу с этим жить — особенно теперь, когда знаю, что ты чувствуешь.

— Тебе и не придется, — пообещал Шейден, склонив голову. — По крайней мере, недолго. — Какое-то время он молчал, как статуи старых королей в зале. Затем выдохнул: — Отец получил предложение о помолвке — меня хотят обручить с Никой, второй дочерью Военного вождя Блэкскволла. Я уезжаю после праздника солнцестояния.

— Что? — Мысли Шейн закружились. Брат покидает Рокриммон? Что за чушь. — Это невозможно. Блэкскволл совсем крошечный, а Ника даже не наследница. Отец никогда бы не принял...

— Я попросил его. Так будет лучше. Для всех нас.

Шейден поднял голову. Наконец-то Шейн увидела все, что он скрывал, — боль и тоску, а еще тайное желание, которое брат никогда не сказал бы вслух: вот бы он родился на три с половиной минуты раньше нее.

Три с половиной минуты. Именно они отделяли мир, где Шейн придется занять трон и оказаться в ловушке брака без любви с Карой, от мира, где Шейден унаследовал бы корону, для которой словно был рожден, и правил бы вместе с любимой девушкой. И что тут справедливого? Как могли предназначенные им роли оказаться на деле настолько неподходящими? И почему этого не видел отец?

Три с половиной минуты. В них заключалась разница между миром, где каждый получил бы то, что хотел, и миром, где счастливым не станет никто.

— Ты не можешь уйти.

Горло сдавило. Да, признание Кары причинило боль, но к наследнице Айсферна Шейн только начала испытывать чувства. А вот брата любила всегда. Стоило

лишь представить жизнь без него, как душа разрывалась надвое.

Шейн покачала головой.

— Мы обещали править вместе, помнишь? Вожди-близнецы. Что случилось?

Глаза Шейдена стали холодными, как серое море.

— Мы были детьми, — просто сказал он. — Повзрослей, Шейн.

Брат ушел, а его слова так и звенели у нее в голове. Шейн еще не знала, что больше ничего от него никогда не услышит. А пока просто стояла там, злая, виноватая и бесполезная, и чувствовала себя совершенно беспомощной, стискивала зубы, а вокруг завывал ветер. Она прислонилась к стене, запустив покрасневшие пальцы в снег.

Может, действительно пора повзрослеть. Шейн всегда говорила себе, что они с братом должны править бок о бок, но правда заключалась в том, что ей вообще не следовало становиться королевой. Она бы пригодилась в прежние времена, когда вожди вели свои армии в великие сражения, как в старых сказках. Но восемь кланов островов Несокрушимых уже несколько поколений жили в мире.

Именно такого правителя, как Шейден, и заслуживал Рокриммон. Брат каждый день доказывал свои права на корону, посвящая себя изучению законов, сидя вместо Шейн на заседаниях совета — хотя отец вечно на него ругался, — и делал все это, ничего не прося взамен. Но он никогда не стал бы бороться за трон. Глупый, верный, самоотверженный Шейден — он собирался бросить все и исчезнуть. Хуже того, думал сделать так ради нее.

Шейн не могла этого допустить. Не из-за трех с половиной минут. Она смотрела, как лодки бороздят

ледяную воду, растворяясь в тумане, и ей хотелось исчезнуть вместе с ними.

Почему бы нет?

Идея пришла так быстро, будто все это время сидела внутри, ожидая подходящего момента.

Шейн вскинула голову и посмотрела вслед лодкам, вспоминая то, что бабушка сказала ей давным-давно, когда ее руки все еще ныли от топора для колки дров:

«Моя маленькая одичавшая воительница. Оружие выбирает Военного вождя, а не наоборот. Топор свидетельствует о том, что у тебя дух странника — того, кто умеет найти правильный путь и идти по нему, не взирая на то, что пришлось оставить позади».

Брат сказал, что ничего не поделаешь, но ошибся. Шейн могла уйти — первой, сегодня, прямо сейчас, до праздника солнцестояния. Отцу придется ее низложить, и наследником станет Шейден. Вот так одним махом она все и исправит.

С плеч будто гора упала. Мир вновь ожила — дикий зимний ветер пах солью и морем, пел о неведомых краях, какие Шейн и представить себе не могла. О месте, где она станет сама собой.

Было больно покидать семью. Отъезд сестры ранит Шейдена. Но она была совершенно уверена, что поступает правильно. Брат получит корону и Кару. И Шейн добьется того, о чем мечтала, — свободы.

Отец сказал, что если она не Военный вождь, то никто. Впрочем, король много в чем заблуждался — и в этом тоже.

Поэтому она уплыла с островов, намереваясь проложить свой собственный путь. Шейн не сдалась тогда и не сдастся сейчас.

Громкий смех карточных игроков заставил ее вздрогнуть. Тот, кому везло, хохотал как простуженный шакал. Шейн поморщилась. Всегда находится какой-нибудь придурок, которому хорошо, когда тебе плохо. Лестница оставалась раздражающе пустой.

По таверне прокатился очередной взрыв смеха, хриплый и... почти знакомый.

Стоп.

Шейн вскочила со своего места и бросилась к картежникам. Те играли в покер. Пара покрытых шрамами рук смахнула со стола кучу денег.

Шейн слишком хорошо знала бледное жесткое лицо победителя. Она проигнорировала стражницу и торговца, который сокрушался о проигрыше, и впилась взглядом в седого мужчину с уродливой ухмылкой.

— Столерой, — выдавила Шейн, глядя в его шакалы глаза.

Столерой был кладоискателем — одним из старейших и самых успешных из ныне живущих. Он продавал собранные им магические реликвии тому, кто больше заплатит, обычно охотникам на ведьм. Шейн несколько раз ругалась с ним из-за того, что вместе с реликвиями он сдавал и информацию о вероятных ведьмах.

— Шейн, — ответил Столерой, складывая серебряные и медные монеты ненадежной башенкой. Раз на столе не было золота, высоких ставок никто не делал.

— Стоило догадаться, что в здешних трущобах я наткнулся на таких отбросов, как ты, — процедила Шейн. — Все еще водишься с этими грязными охотниками на ведьм?

— Эй, ты же знаешь, я не обращаю внимания на предрассудки, — спокойно ответил Столерой. Он подбросил

серебряную монету, и та покатилась по столу. — Все деньги говорят на одном языке. — Наемник прихлопнул монету ладонью. — Как поживаешь, Шейн? Видел твою уродливую рожу на объявлениях о розыске — по крайней мере, вроде это была ты.

Шейн нахмурилась.

— И что? Хочешь заработать?

Столерой был ушлым, жадным до денег бродягой, который провел так много времени за границей на территории охотников на ведьм, что странно, как ему еще не определили должность. Она пихнула бедром край стола и опрокинула башенку, наслаждаясь раздражением шакала.

— Проваливай. Ты мне портишь удовольствие, — велел седой, перетасовывая карты.

Шейн облизала губы, обдумывая идею. Обычно она держалась от Столероя подальше, но на сей раз и он мог для чего-то пригодиться.

— Сперва скажи: у тебя все еще есть пограничные пропуска, благодаря которым ты так дружишь с охотниками на ведьм?

Постоянные пропуска ценились на вес золота, и Столерой был одним из немногих кладоискателей, кто ими владел.

Шейн подозревала, что получил он их за небольшую взятку.

— Только что вернулся с той стороны, — вместо ответа сказал Столерой и пнул свой рюкзак под столом. В переднем кармане виднелось несколько увесистых апельсинов.

Шейн заставила себя говорить безразлично.

— Вижу, игрок из тебя паршивый. Не хочешь бросить эту ерунду и заключить со мной пари?

Столерой оглядел ее с ног до головы.

— А денежки-то у тебя водятся? Ты же вечно на мели.

— Да куры не клюют, — парировала Шейн.

Конечно, многое она с собой не взяла. Обычно наемница оставляла заработок Письмовнику, хотя тот, похоже, раздавал деньги нуждающимся ведьмам и другим несчастным, пока самой Шейн не было в городе. Маленького мешочка с золотом, что лежал в рюкзаке, надолго не хватит. Придется играть по-крупному.

Судя по лицу Столероя, он понял ее затею. Седой оглядывал Шейн, а сам задумчиво щелкал картами мозолистым большим пальцем. Наемница знала, что Столерой не из тех, кто отказывается от легких денег, особенно если мог еще и унизить кого-то в процессе.

— Хорошо, — согласился наемник. — Сыграем разок. Посмотрим, подучилась ли ты по сравнению с прошлым разом.

Шейн скривилась. Карты не были ее сильной стороной, и она ни черта не умела блефовать. Оставалось рассчитывать на удачу.

— Отвалите, — велела она двум другим игрокам. Затем плюхнулась на пустой табурет стражницы, опершись локтями о стол. — Давай поиграем.

Две раздачи спустя Шейн поняла, что, возможно, погорячились.

Пусть она продержалась первый раунд, во втором Столерой без труда собрал две пары. В мгновение ока наемница лишилась половины денег. План состоял в том, чтобы обчистить проходимца, а потом вынудить сыграть на пропуска. Но еще один такой раунд — и ей конец.

Следующую раздачу она провела слишком грубо, пришлось перетасовывать колоду, когда на стол упала семерка бубен. Карта невольно напомнила Шейн об одной вещи в потайном кармане куртки, припрятанной

вечность назад. Вообще-то такие ставки не делают, но может не оказаться иного выхода.

Шейн проверила свои карты. Пара дам, пик и червей, но три остальные карты были тоже черви. Придержать пару или идти на флеш?

Наёмница посмотрела на Столероя. Тот спокойно раскладывал свои карты, старательно изображая скучу. Для победы пары может не хватить.

— Говорят, если ухватил даму, то нельзя ее упустить, — прошептал тихий голос на ухо Шейн. Она подпрыгнула и изумленно уставилась на знакомую склонившуюся фигуру.

— Рэд!

Ведьма вновь облачилась в красное, но теперь из-под подола выглядывали тяжелые черные сапоги с почти такой же толстой подошвой, как у наёмницы.

— Не ожидала увидеть тебя так скоро.

Честно сказать, Шейн вообще больше не ожидала встретить Рэд. Однако вот она, все с той же идеальной улыбкой, ведет себя так, будто между ними ничего не произошло. Хотела бы наёмница уметь так же — вот у нее все органы подпрыгнули к горлу, что стало трудно глотать.

— Ну, я тоже не ожидала тебя увидеть, тем более наблюдать, как с тебя тут последнюю рубашку снимают, — легко и весело призналась Рэд. — Послушай меня. — Она кивнула на руку Шейн, добавив шепотом только для нее: — Что-то мне подсказывает, что на дам тебе везет.

Желудок Шейн перевернулся, поцелуй Рэд вспыхнул на щеке, как клеймо. Не слишком ли много она себе надумала тогда, на балконе? Может, Рэд всегда так развлекалась: потанцевать, провести душераздирающий разговор, разбить пару сердец и отправиться на покой.

Но даже если наемница хотела разозлиться, она не могла забыть сладостно-горькую улыбку Рэд, когда та стояла на фоне люстры и лгала себе так же, как и Шейн, якобы *одной быть лучше*.

Столерой громко откашлялся, бросая на них нетерпеливый взгляд.

— Я возьму одну карту, — сказал он. — Если только ты не решила заняться чем-то поинтереснее. Можешь отказаться в любое время.

Шейн вернулась к игре, хотя и позволила Рэд маячить за плечом. На счастье. В конце концов, никогда не повредит иметь на своей стороне красивую девушку, даже ту, к которой у тебя сложные чувства. Шейн сбросила лишние черви, передала Столерою одну карту и взяла три себе.

Когда она проверила улов, то готова была расцеловать Рэд — по многим причинам, никак не связанным с игрой, но в основном потому, что в комбинацию попала еще одна дама.

Наемница чувствовала ухмылку Рэд, когда они делали окончательные ставки. Шейн отодвинула в банк остатки своего золота.

— Тройка, — объявила она, бросая дам.

Столерой усмехнулся, качая головой.

— Ты хорошо разбираешься в женщинах, Шейн, но совершенно не разбираешься в картах. Фулл хаус. — Он выложил свои валеты поверх четверок на стол.

Шейн выругалась. Удача не должна покидать людей в такие минуты! С другой стороны, казалось, что ей везет только в самый последний момент, а она еще не дошла до грани.

— Очень жаль, — проворковала Рэд.

— Не повезло, высокочка, — поддел Столерой и потащил ее золото через стол.

— Стой! — Шейн вытянула руку. — Последняя ставка.

Несколько других посетителей с интересом смотрели на них. Столерой выглядел самодовольным.

— Уж не знаю, будет ли справедливо забрать у тебя еще золото.

Шейн фыркнула.

— Не переживай, у меня есть кое-что получше золота, и я жду от тебя равную ставку.

Она полезла в карман куртки и вытащила свой коzyрь: корону из розовых бриллиантов в изящной серебряной оправе. Ту самую, которую успела забрать за секунды до того, как Фи коснулась костяного веретена и все пошло под откос.

Это было единственное сокровище, с которым Шейн не смогла расстаться.

По трактиру пронесся дружный вздох. Даже Рэд казалась удивленной, ее руки внезапно напряглись на плечах наемницы.

— Последний раунд, победитель получает все, — объявила Шейн. — Моя корона за твои пограничные пропуска и все мое золото.

Отчаянный шаг. И что? Она и была в отчаянии.

Наемница помнила ужас на лице Фи в тот момент, когда Арманд их обманул. Что из самой Шейн за партнер, если она ничего не предпримет?

Столерой дернулся, прижав руку к карману.

— Эти пропуска стоят целое состояние!

— Так же как и эта корона, сам знаешь.

— Один предмет, каким бы бесценным он ни был, не стоит того, чтобы отказываться от всего моего дела, — проворчал Столерой. Но его жадный взгляд скользнул к короне. — Хотя почему нет? — сказал он наконец, потянувшись за картами. — Похоже, мне везет.

Столерой принялся тасовать, а затем сдавать карты, пока у каждого из них не набралось по пять. Шейн проверила руку, чувствуя, как дрожит от возбуждения. У нее уже было две пары, короли над валетами. Да, такой расклад обеспечит ей эти пропуска.

— Одну, — уверенно сказала Шейн, толкая шестерку через стол.

— Похоже, у тебя наконец-то появились достойные карты, — заметил Столерой с излишне самоуверенным видом для человека, заявившего, что возьмет три.

Внезапно Рэд уселась на колено наемницы, обвила рукой шею и прошептала прямо на ухо:

— Ему не везет. Он жульничает.

— Что? — прошипела Шейн. Даже Столерою не хватило бы наглости мухлевать в пограничном кабаке местных стражей.

Смех Рэд согрел шею.

— У него карты в рукаве. Сама погляди.

И точно — на глазах у Шейн Столерой осторожно сдал себе три карты с верха колоды, а затем тайком смахнул их себе на колени, обменяв на три карты из рукава. Он был до отвращения хорош в этом, обладал споровкой карманника, который снимет кольца у вас с пальцев, а вы и не заметите.

— Лжецы и воры всегда чуют других лжецов и воров, — прошептала Рэд.

Шейн почти не слушала. Она резко встала, потянулась через стол и схватила Столероя за руку. Рэд с удивленным писком свалилась на пол. Краем сознания Шейн, которая, казалось, не могла оторвать глаз от ведьмы, еще отметила: она такая милая, даже когда взъерошенная. Но в целом наемница была слишком зла, чтобы оценить вид.

— Жульничашь? — спросила наемница, дергая Столероя так, что спрятанные карты упали у него с колен. — Мне стоит тебе шею свернуть.

— Эй, эй, — заерзal Столерой, пытаясь вырваться. — Это всего лишь игра.

— У тебя хватило наглости дурить меня в комнате, полной стражи, — прорычала Шейн. — Я могу сдать тебя им, и будешь сидеть за решеткой, пока не выпадут последние зубы.

— Ты бы так не поступила, — возмутился Столерой. — Это не в твоем духе.

Шейн сжала его руку.

— Верно. Не в моем.

Она отпустила жулика. По лицу Столероя скользнуло довольноное выражение. Но не успел он моргнуть, как Шейн перевернула стол — золото и карты с грохотом посыпались на пол.

Затем она врезала шакалу по лицу.

Его голова отклонилась назад, он споткнулся о собственный стул. У Шейн заныли костяшки, будто она ударила о каменную стену, зато в памяти навсегда осталось искаженное лицо ублюдка с разбитым носом.

Стражи повскакивали на ноги, включая трактирщика, который бросился к драчунам, прихватив метлу из прутьев. Шейн нырнула вперед, подхватила Столероя под руку и заставила его встать.

— Мой добрый друг просто немного пьян, — сказала она хозяину. — Поскользнулся и разбил лицо о стол.

Похоже, трактирщик не купился на сказку.

— Неужели?

Шейн бросила на Столероя свирепый взгляд, но ей не стоило беспокоиться. Старый жулик, как и Шейн,

не хотел, чтобы пограничные власти вмешивались в его дела.

— Вроде того, — ответил он, потирая нос. Оперся на Шейн всей тушей, а сам полез в карман и выудил бурдюк, очень дорогой на вид и по крайней мере наполовину полный какого-то крепкого пойла. — Я немного перебрал, но знаю, когда надо остановиться. — Он многозначительно посмотрел на наемницу.

Хозяин еще раз оглядел их, а затем удалился к стойке. Другие посетители тоже сели, тихо бормоча.

Шейн отпихнула Столероя, пока он не испачкал кровью ее куртку. Жулик тут же отступил, с кислым выражением лица зажимая нос.

— Забирай свое золото, — проворчал он, указывая на разбросанные по полу монеты.

— И пропуска, — напомнила ему Шейн, протягивая руку.

Столерой посмотрел на нее и на дверь, словно прикидывая свои шансы на побег. Наконец он развязал мешочек на поясе и вытащил два деревянных жетона с выжженной печатью Хранителя границы.

— Держи, мошенница, — прорычал он, пихая жетоны в грудь Шейн.

Она оттолкнула его вдвое сильнее.

— Видишь ли, я собиралась отпустить тебя, но ты мне нагрубил. Оставь-ка заодно бурдюк — и эти апельсины! — добавила она, указывая на фрукты, выглядывающие из его рюкзака. Столерой бросил на нее недоверчивый взгляд, но повиновался. Шейн поправила стол и собрала золото, пока оно не успело сгинуть у жулика в сапоге.

— Ты закончила меня обчищать? — пробормотал Столерой, и его безобразная ухмылка превратилась в гримасу.

— На сегодня — да, — ответила Шейн, подойдя так близко, что увидела щетину на его лице. — Но я буду следить за тобой, Столерой, и если мне что-то не понравится, в следующий раз мы встретимся за таверной.

Жулик невесело усмехнулся.

— Ты всегда была злюкой.

В его тоне мелькнули уважительные нотки, и это примирило Шейн с тем, что не получалось смотреть свысока на человека более чем на фут длиннее себя. Столерой резко кивнул и пошел прочь из таверны, согнувшись от уязвленной гордости.

Шейн сгребла все золото в рюкзак, радостно щелкнула пропусками и вдруг поняла, что забыла корону.

На полу валялась только разбросанная колода карт. Наемница в панике обернулась.

— Ищешь это? — спросила Рэд, крутя корону на пальце. — Чудесная штучка — как можно было ставить такую роскошь на кон?

— Хорошо, что я выиграла.

Рэд рассмеялась, вероятно, припоминая, как именно *выиграла* Шейн. Однако наемница получила все, чего хотела, а Столерой ушел с пустыми руками. Победа? Победа.

— Как я и говорила, — пробормотала Рэд, — всегда ставь на даму.

Она протянула корону.

Шейн заколебалась, когда ее пальцы коснулись пальцев ведьмы. Вспыхнул тот же огонь, та же сила тянула ее к Рэд, хотя прошлой ночью Шейн изрядно обожглась.

Если забрать корону, ведьма снова исчезнет. Это точно.

Но Шейн не была готова ее отпустить.

Рэд не хотела ничьей помощи. Фи не верила, что ведьме можно помочь. Так почему же что-то внутри Шейн упорно отказывалось сдаться? Да, Рэд воровка. Да, сама Шейн только пострадает.

И тут наемница поняла. Она вспомнила себя, ожесточенную, злую и обиженнюю; как сидела в захудалом баре и едва могла поверить, что после всех своих выходок вообще заслуживает помощи. Как Письмовник с мягкой улыбкой протянул ей руку, и его глаза окружила сеточка морщин.

Какой человек отвернется от того, кто попал в беду?

Может, Рэд и отвергла ее чувства, но все равно нуждалась в помощи, и Шейн могла ее оказать.

— У меня есть для тебя предложение, — начала наемница, посмотрев ведьме в глаза. — Ты действительно из Андара, верно? Значит, прошла через пустоши.

Рэд сморщилась, как будто не могла понять, не готовят ли ей ловушку.

— Я знаю пустоши, — сказала она наконец.

— Мы с Фи пытаемся добраться до Тернового леса.

— Я так и поняла. — Рэд равнодушно пожала плечами. — Зачем еще двум кладоискательницам ошибаться у самой границы?

Шейн облизнула губы. Фи, наверное, ее прибьет — ладно, не наверное, *точно* прибьет, но...

— Не могла бы ты доставить нас туда? Стать нашим проводником?

Рэд рассмеялась. Затем моргнула, и выражение ее лица изменилось.

— Ты серьезно?

Шейн еще никогда ни к чему не относилась столь серьезно. Каждый раз, когда она загоняла Рэд в угол, ведьма убегала. Она не была готова показать Шейн

свои шрамы, поэтому наемница не могла их залечить. Преследование только оттолкнет Рэд. Если Шейн действительно хотела помочь ей — а она хотела, — нужно было предложить Рэд то, что дал ей самой Письмовник. Шанс облегчить совесть. Шанс жить своей жизнью на собственных условиях. Разве в итоге этот способ не принес Шейн свободу?

— Пойдем с нами, — попросила она.

Эмоции, которые Шейн не могла прочесть, боролись на лице Рэд.

— А что я с того получу?

Шейн подняла корону в руке ведьмы.

— То, что нельзя ставить на кон.

Горло Рэд перехватило, она слготнула. Ее взгляд задержался на короне. Рэд явно пыталась решить какой-то сложный вопрос — что-то гораздо серьезнее, чем путешествие через пустоши. Наконец она посмотрела на Шейн.

— Я отведу тебя в Терновый лес, — сказала Рэд. — Но это не отменяет того, что я сказала прошлой ночью.

— Я и не ждала, — кивнула Шейн, засовывая корону обратно в куртку. — Пусть пока побудет у меня.

Не совсем того желало ее сердце. Но так было правильно, а пока и этого хватит.

Шейн отвлек стук шагов по лестнице. Мгновение спустя в таверну ввалился ее самый нелюбимый дворянин, чуть не споткнувшись об им же натянутый золотой шнур.

— Что здесь происходит? — спросил Армандр, оглядев таверну и остановился на Шейн.

Та бесстрашно посмотрела в ответ.

— Ничего особенного. Просто беру то, что мне причитается. — Она помахала пропусками, и до Арманда

дошло. — Похоже, Фи ты все-таки не нужен. — Шейн схватила Рэд за руку и потащила за дверь.

Ей предстояло найти напарницу и похвастать нежданно свалившейся удачей. Наконец-то Шейн повезло.

Глава 24

Фи

Фи не могла решить, броситься напарнице на шею или придушить ее. Может, всего по немногу.

Она вернулась в город, смирившись с тем, что оставшуюся часть пути пройдет в одиночестве, — а нашла ожидающую ее Шейн, которая торжествующе размахивала двумя деревянными жетонами и свирепо ухмылялась. Ей удалось добыть пропуска — судя по всему, не совсем честным путем, но какая разница. К сожалению, вдобавок Шейн столкнулась с вором, с которым играла в кошки-мышки со времен Уистбрука, и пригласила в качестве проводника Рэд. Даже не посоветовавшись с напарницей.

— Шейн, о чем ты думала? — спросила Фи. Они с Шейн оставили лошадей в конюшне и теперь стояли, прислонившись к пыльной стене гостиницы, и ждали, пока новая компания соберет вещи и присоединится к ним. Фи провела рукой по лицу. — Как ты могла рассказать Рэд о нас?

— Я не сказала ей ничего, о чем она уже не знала, — возразила Шейн. — Она просто думает, что мы кладоискатели, решившие забраться в Терновый лес.

— И в этом нет ничего подозрительного, — саркастически протянула Фи с растущим разочарованием. — А вдруг она узнает о Шиповнике? Как ты могла позвать с собой чужака?

Шейн оттолкнулась от стены, ее взгляд стал суровым.

— Рэд *не какая-то чужачка*. Она в беде. Человек, который через многое прошел, ей просто нужно, чтобы кто-то в нее поверил. Когда-то и я была на ее месте.

— Ты ничего о ней не знаешь...

— Я знаю все, что мне нужно.

Глаза Шейн были совершенно серьезными, и Фи задумалась о том, не произошло ли между ними на балу Арманда больше, чем говорила напарница.

— Ладно. Допустим, ты права. Но ты правда думаешь, что лучший способ помочь Рэд — это протащить ее с нами через пустоши Андара? — Фи всплеснула руками. — Ты сказала, что ей вообще не нужна твоя помощь!

— Насколько я помню, ты тоже не нуждалась в *моей* подмоге, — ответила Шейн.

Фи удивленно отстранилась. Она почти забыла об этом.

— Это безрассудно даже по твоим меркам. Наша задача слишком важна, чтобы рисковать из-за какой-то *влюблённости*. На кону стоит все королевство Шиповника, не говоря уже о его жизни и наших.

Шейн сжала челюсти.

— Знаешь, я все жду, когда наше партнерство станет обоюдным, но, похоже, не дождусь. Важны только вы с Шиповником, а больше места ни для кого нет.

Слова прогремели как пощечина. Фи открыла рот.

— Что? Нет, я...

— Я понимаю, — перебила Шейн напряженным голосом. — Ты продолжаешь видеться с этим принцем и хочешь спасти его. Но должна понять, что я чувствую то же самое по отношению к Рэд. — Она посмотрела в глаза Фи. — Я не могу уйти от нее. Не могу.

Какая бы злость ни терзала Фи, она мгновенно улетучилась. Филоре прислонилась к стене рядом с Шейн, откинув голову.

— Ты права. Я знаю, каково это — нуждаться в помощи, даже если сам не хочешь. И я бы не забралась так далеко без тебя. — Они прошли долгий путь с того момента в башне Письмовника, когда Фи неохотно согласилась взять Шейн с собой. — Если считаешь, что нашим проводником должна быть Рэд, так тому и быть. — Фи вздохнула. — Только присмотри за ней, пожалуйста.

— Я так и собиралась, — пообещала Шейн, толкнув ее плечом. — Спасибо, партнер.

Через несколько минут из гостиницы вышла Рэд. Она сменила платье на брюки и тунику с длинными рукавами и тщательно собрала волосы. Повязка, совсем как у Фи, свисала с шеи. Ведьма определенно выглядела так, будто привыкла путешествовать по Андару.

— Пустоши мне нравятся меньше всего, — фыркнула Рэд, сморщив нос. — Там не место красивой одежде — если только не любишь, когда песок задувает тебе под юбку.

Фи оттолкнулась от стены, рассматривая новую спутницу.

— Шейн сказала, что ты можешь провести нас через пустоши. У тебя есть пропуск, верно?

Шейн бросила на Фи предупреждающий взгляд, но та его проигнорировала.

Рэд вроде бы и не обиделась.

— Да, вот. — Она вытащила из кармана деревянный жетон и слегка помахала им. В точности такой, как у Шейн, за исключением одной детали.

На обороте, напротив печати Хранителя, стоял не знак дома или клеймо торговца, а выжженные глубокие бороздки в виде буквы «Х».

То есть Рэд была вовсе не гражданкой Дарфелла, а пришлой из падшего королевства. Такой пропуск давал право в любой момент вернуться в Андар, но не гарантировал, что тебе разрешат прийти сюда снова. Фи опять подумала о татуировке на шее Рэд и о том, какой жизнью ведьма, должно быть, жила.

Может, Шейн права, и это Филоре вела себя эгоистично, отворачиваясь от человека, который попал в беду. Неприятное чувство. По дороге к воротам Фи решила дать Рэд шанс.

Они показали свои пропуска охраннику, тот щелкнул начищенными ботинками и дал сигнал открыть ворота.

Железная решетка поползла вверх, пограничники тянули ее с помощью лебедки. Фи отбросила последние сомнения. Что бы ни случилось, она пересекала границу вместе с Шейн, своей напарницей.

Арманд стоял у стены рядом со стражами. Прищуренные, холодные, как обсидиан, глаза обещали, что это еще не конец, но Фи уже приняла решение порвать с прошлым. Она никогда не вернется в Беллисию. Если в замке Андара и правда окажутся реликвии и древняя магия, Фи сумеет выручить не только Шиповника, но и себя. Она не удостоила Арманда и взглядом.

Ворота наконец со скрипом остановились. Фи улыбнулась, и Шейн сунула деревянные жетоны ей в карман. Затем все трое прошли через арку бок о бок.

Фи прикрыла ладонью глаза, рассматривая королевство Андар.

Она уже видела его однажды, сидя на спине маминой лошади, когда была совсем маленькой. Фи уставилась широко раскрытыми глазами на темный пейзаж и спросила мать о том, почему они едут в кошмар. Последние крутые горы обрывались головокружительными утесами, а дальше до самого Тернового леса простиралась огромная пустошь черной пыли. Прежде Андар славился своей пышной зеленью, золотом полей и цветущими лугами.

Теперь осталась лишь пустыня с зазубренными скалами, голой землей и песчаными бурями, которые гоняли свирепые ветра.

— Очень веселая штука эта темная магия, — пробормотала Шейн.

Рэд сунула ей лишнюю повязку.

— Держи.

— Зачем? Здесь и так жарко, чтобы еще шея прела.

— Потом пригодится, — пообещала Рэд.

Ведьма обменялась понимающими взглядами с Фи, а Шейн с ворчанием повязала ткань на шею. Фи задыхалась в своей короткой коричневой куртке и платке, но и то и другое окажется весьма кстати, если повезет угодить в пыльную бурю.

— Сначала нам нужно идти сюда, — сказала Рэд, указывая на северо-восток, в дюны.

— Ты уверена? — Фи прищурилась, всматриваясь в дымку. — Я думала, Терновый лес находится прямо на востоке.

— Так и есть, но прямой путь пролегает через один из самых опасных участков пустоши — зыбучий песок и ловушки, спрятанные под ним. Я знаю более безопасную дорогу.

Фи неуверенно закусила губу. Рэд бросила на нее взгляд.

— В чем смысл брать проводника, если не даешь ему вести?

— Верно, — смягчилась Фи. — Показывай дорогу.

Продвигались они медленно. Икры Фи болели от ходьбы по зыбучим пескам, и она быстро устала от вида: бескрайние пепельные поля и далекий призрак Тернового леса, который, казалось, совсем не становился ближе. Рэд несколько раз меняла курс, но, к облегчению Фи, они ни разу не зашли слишком далеко в неверном направлении.

Им никто не попался. Те немногие торговцы и кладоискатели, которые путешествовали в Андар, как правило, держались утесов, где руины оставались почти нетронутыми, или направлялись на север, к поселениям в горах. Ни у кого больше не было причин бросать вызов пустоши. Черная пыль оказалась даже гуще, чем ожидала Фи, приходилось щурить покрасневшие, воспаленные глаза. Вскоре и Шейн отчаянно прижимала ткань к лицу.

Несколько часов спустя они добрались до развалин давно забытого города. Из черных облаков вдруг возникли скелетоподобные сооружения — остатки полузыпанных стен и колонны прохода с сорванной крышей. Рэд сделала краткую остановку, присела в тени и достала свой драгоценный бурдюк с водой.

Шейн сорвала с себя платок и сползла по стене.

У Фи возникло искушение последовать их примеру, но вдруг она никогда больше не увидит это место? Филоре забрела в руины и остановилась поглязеть на статую огромной мраморной змеи, почти в два раза выше ее самой. Гибкие кольца извивались вверх, словно рептилия стремилась в небо. От головы остался

лишь обрубок, но Фи сразу поняла, где они находятся: на месте, что осталось от ордена Дождя — школы ведьм, где занимались магией превращения. Уцелевшие чешуйки были круглыми, как галька, в точности как у белой рептилии из сна Шиповника. Змея славилась как самая могущественная чародейка-перевертыш из когда-либо известных, поэтому ее статуя высилась в самом сердце школы.

Фи огляделась, пытаясь сопоставить увиденное с тем, что читала в книгах по истории. Вместо пепла и пыли тут некогда простирался двор с насекомыми, птицами и другими существами, некоторые из них были ведьмами в животной форме. То, что Фи понадчула приняла за огромную мраморную купель, вероятно, было внутренней чашей огромного фонтана, окружавшего статую белой змеи. Более широкие бассейны, которые не пощадило время, кольцами расходились от изваяния, словно рябь по пруду. Согласно старым записям, служители Дождя практиковали свою магию в фонтане, поскольку вода была средой, наиболее тесно связанной с преображением: лед в воду, вода в туман, туман в дождь. Каждая ведьма ордена начинала с этих основ, но дальше они учились делать совершенно фантастические вещи. Говорили, что зимой чародеи строили массивные башни из чистого льда с комнатами и лестницами, под ослепительно белыми куполами звенели ледяные колокола, а потом они таяли под весенным солнцем и превращались в ревущие водопады.

Что-то хрустнуло под сапогом. Фи отдернула ногу и отшатнулась. Это была длинная кость, может быть, ребро. Кое-где из черного пепла торчали и другие пыльно-белые кости. Некоторые из них принадлежали людям, но другие походили на останки крупных

зверей — изогнутое ребро высотой с арку и череп с глазницами, через которые Фи могла бы пролезть.

Вероятно, часть ведьм умерла в измененных формах. Чем крупнее животное, тем больше магии на него требовалось; некоторые колдуны погибали от одной попытки принять форму гигантского зверя. Фи могла лишь представить, какая битва развернулась здесь между армией Пряхи и ведьмами Андара.

Внезапно ей показалось, что она мельком увидела Шиповника. Он грустно провел рукой по изгибу хвоста каменной змеи, затем склонил голову и исчез.

Фи плотно закуталась в куртку, прячась от ветра. Шиповник сказал ей, что никогда не покидал замок. Вероятно, он впервые увидел свое королевство и все, что от него осталось.

Фи невольно вспомнила, как сама бродила по пепелищу тетиного дома, разрушенного проклятием Бабочки.

Под вечер Рэд привела их в другой маленький город-призрак, чтобы разбить лагерь. В тени каменного здания, которое защищало от хлещущего ветра, они по очереди отплевались от пыли и разожгли небольшой костер. Фи пришлось признать, что проводник оказался очень кстати. Она была готова путешествовать по пустошам сама, но тогда они с Шейн, вероятно, ночевали бы, закутавшись в одеяла и наполовину зарывшись в дюны.

Наемница вытащила что-то из рюкзака.

— Лови, — сказала она, бросая Фи апельсин. Второй полетел Рэд, и та от неожиданности уронила его на колени. — Поживилась немножко в городе.

— В следующий раз предупреждай, — проворчала Рэд.

Похоже, если бы ведьма не так хотела есть, апельсин вернулся бы Шейн прямо в нос.

— Спасибо, — поблагодарила Фи.

Ранее она съела несколько кусочков вяленого мяса и сухарей, но не получила особого удовольствия из-за песка во рту. Первая долька апельсина растеклась по пересохшему языку сладкой прохладой.

Шейн возилась со своим апельсином, глядя в небо, большой палец попал внутрь фрукта — и сок брызнул ей на руки.

— Знаешь, сегодня ночью должно быть полнолуние — если бы мы могли что-нибудь разглядеть сквозь эту пыль.

Фи попыталась различить очертания луны сквозь облака.

— В Андаре полную луну называли Глазом Ведьмы, — рассеянно сказала она.

— Жуть какая, — пробормотала Шейн.

— Эта история появилась еще до проклятия, — объяснила Фи, опираясь на руку. — Есть старая народная сказка о ведьме, запертой в такой высокой башне, что она стала частью неба. Колдунья смотрела на Андар через единственное маленькое круглое оконко, в котором всю ночь горел свет.

— Я знаю эту историю, — подхватила Рэд, подавшись вперед и проглотив сочный ломтик апельсина. — Как сказал мой отец, ведьму там заперли собственные родители. Девочка появилась на свет со злой силой и жестоким сердцем, отец с матерью обманели ее в башню и запечатали. Говорят, если прислушаться к ветру, завывающему в восточных каньонах, можно различить, как она кричит, мечтая выбраться наружу.

— Ужас, — промычала Шейн сквозь фрукт, который запихнула себе в рот. — Какой родитель пойдет на такое?

— Вероятно, тот, кто хочет выжить любой ценой, —
фыркнула Рэд.

Фи внимательно присмотрелась к ней и задалась вопросом: а что самой ведьме, рожденной в Андаре, пришлось делать ради выживания?

— Есть много версий этой сказки, — сказала Фи. — По одной, девочка научилась высасывать магию из земли, в конце концов ее тело стало жестким и превратилось в черный шпиль. В этом варианте луна — ее настоящий глаз, блуждающий по королевству.

— Фу! — Шейн бросила в нее апельсиновой коркой.

Фи не сдержала улыбки.

— В другой она — просто бедняжка, которую обманом заставили впустить в себя монстра.

— А счастливый конец у этой истории есть? — спросила наемница.

Фи запрокинула голову, глядя на пелену тумана там, где должна сиять луна. Несмотря на то что легенда была старой и имела много разных концовок, ни в одной из них ведьме не удавалось спастись.

— Нет, — призналась она.

— Тогда мой черед, — объявила Шейн. — Тише, вы, обе, и я покажу вам, как надо рассказывать настоящую историю — с хорошим концом! — Она подалась вперед, понизив голос. — Давным-давно на северных островах жил-был вор, который поклялся украсть луну с неба, погрузив ночь в вечную тьму. Он взял самую длинную удочку в деревне и поплыл на своей покосившейся лодке в черное море...

История Шейн была причудливой, полной невероятных поворотов, и Рэд даже засмеялась, когда вор попытался поймать луну на большой кусок сыра. В иное время Фи с удовольствием послушала бы сказку из родного

королевства Шейн, пусть даже сильно приукрашенную, но сейчас не могла сосредоточиться. Она все думала о заточенной в башне ведьме, которая не спасалась, сколько бы раз ни пересказывали эту историю.

В похожей башне сидел и Шиповник.

Фи никогда не задумывалась, почему он назвал ее своей надеждой, но, глядя на эту унылую пустошь, возможно, наконец поняла. И содрогнулась, представив, каково это — просидеть здесь взаперти сто лет. Он не закончит, как ведьма в башне, — Фи об этом позаботится.

Кажется, Шейн болтала, что вор стал великим рыбаком, сколотил состояние и женился на девушке, которая вышла из растаявшего под солнцем льда, — Фи уже не слушала. Затем наемница улеглась, пристроив рюкзак вместо подушки, а Рэд свернулась калачиком у каменной стены. Фи закуталась в свои одеяла и решила немного поспать.

Той ночью Шиповник к ней не пришел. Каждый раз, просыпаясь от завываний ветра, она видела его на обломках стены: он сидел и смотрел на кустарник вдалеке.

Ей хотелось подойти к нему, сесть рядом и коснуться его своим плечом — если он позволит. Но даже так, что Фи могла сказать? Она узнала душераздирающее горе, написанное на лице принца. Андар был могилой из праха, обломков и костей, и Шиповник скорбел над ней. Фи даже представить не могла такую огромную потерю. От своей она убегала целый год.

Фи стиснула отметку в виде бабочки, сжимая ладонь до боли в суставах. Шиповник ясно выразил свои чувства и обещал ждать сколько нужно, пока она не определится с ответом.

Но Фи боялась, что ждать ему придется очень долго. Пока она носит метку Бабочки — останется одинокой, будет скитаться, не в силах назвать какое-либо место своим домом. То же самое ждало ее спутника. Как она могла даже подумать о том, чтобы обречь Шиповника на такие мучения?

Когда Фи, наконец, заснула, то увидела призрак Пряхи. Красные губы изгибались за черным кружевом вуали. Веретено вращалось, из колтуна пряжи тянулась мерцающая золотая нить. Обычно красивую белую башню принца сейчас окружали черные шипы, они тянулись сквозь розы, словно зараза, пытаясь задушить бутоны. Шиповник уже не лежал безмятежно в своей постели, а был опутан паутиной из золотых нитей, его голова запрокинулась, а руки и ноги сгибались в суставах, как у марионетки.

Глава 25

Шейн

На второй день дорога лучше не стала. Три дня спустя тоже. На самом деле, решила Шейн, вытирая пот с лица, эта проклятая пустыня быстро возглавила список ее наименее любимых мест для путешествий — а список у нее накопился немалый.

Было жарко. Пыльно. Землю усеивали коварные песчаные ямы, постоянно грозила опасность съехать вниз по дюнам и быть погребенной заживо. Хуже всего оказались пыльные бури, которые часами приходилось пережидать, сидя на корточках.

А еще была Рэд.

Путешествие с ведьмой вышло мучительным и прекрасным, а временами превращалось в чистую пытку. По остроте языка Рэд не уступала даже Фи, и Шейн задумалась: не зря ли свела их двоих вместе, ведь они, похоже, в основном подтрунивали над ней? Но Шейн не могла отрицать, что ей нравился звук смеха Рэд и как на ее лице плясали слабые блики костра, пока ведьма зачарованно слушала истории. Шейн перебрала все сказки, которые только могла вспомнить, и уже сочиняла на ходу новые, лишь бы эти прекрасные сонные глаза смотрели на нее чуть дольше.

В отличие от прежних мимолетных встреч, когда Рэд казалась загадочной и неприступной, совместное путешествие дало наемнице шанс увидеть ведьму уязвимой. Например, в первые секунды после пробуждения, пока Рэд протирала глаза, или когда злилась, пытаясь распутать взлохмаченные волосы. Или смотрела на Шейн, думая, что та не замечает. Лицо ведьмы отражало множество эмоций, которые наемница не могла понять: сожаление, тоска, грусть? Словно Рэд хотела приблизиться, но инстинктивно сдерживалась.

В такие моменты Шейн отчаянно хотелось притянуть ее к себе и еще раз попросить довериться. Но наемница пообещала себе, что больше не переступит эту черту, если Рэд сама не позовет.

Шейн бросила быстрый взгляд на ведьму, а затем посмотрела на идущую справа Фи. Напарница выглядела просто неприлично собранной, будто вовсе не шла через самую большую в мире песчаную пустошь. Шейн не представляла, как Фи это удается. Каждый раз, когда Рэд встряхивала кудрями, из ее грави выпадало полпустыни песка. Шейн подозревала, что вторая половина обосновалась в ее собственных штанах.

Шейн попрыгала на одной ноге, пытаясь отряхнуться. Наружу выпала всего пара песчинок. Затем под ногой что-то хрустнуло.

Шейн с воплем выдернула сапог. Каблук стискивали зубы полуразвалившегося черепа. Очень хотелось верить, что это останки животного.

Рэд и Фи остановились. Напарница озабоченно хмурилась, вероятно, переживая, не уничтожила ли Шейн какие-нибудь драгоценные артефакты. Рэд же едва сдерживала смех.

— Ненавижу это место! — зарычала Шейн, сильно тряхнув ногой. Череп отлетел и разбился о камень. — Вот бы оказаться на пляже в Писарре. Единственное место, где должно быть столько песка, — прямо у океана.

Глаза Рэд загорелись.

— Я никогда не видела океан, — призналась она.

— Правда? — Шейн покачала головой. — По сравнению с этим там рай. — Она взмахнула рукой. — Представь себе пустыню — но вместо песка глубокая сине-зеленая вода, до самого края света. Воздух свежий и прохладный, а солнце так ярко сверкает на поверхности, будто кто-то выбросил в волны кучу драгоценностей.

— Ну разумеется, именно так ты его и могла описать. — Голос Фи из-за повязки звучал приглушенно, но она определенно закатила глаза. Шейн проигнорировала напарницу.

— «Вода до самого края света»? — повторила Рэд и оглянулась на Фи, ожидая подтверждения.

— Эй! Чего ты на нее смотришь? — возмутилась Шейн. — Она не все знает.

— А еще она не рассказывала мне небылицы о людях, удящих луну, — заметила Рэд. Шейн не видела выражение лица напарницы, но подозревала, что оно сейчас крайне самодовольное.

— Так вот, — выдавила наемница. — Можно пойти поплавать или растянуться на песке и вздрогнуть. И если на что-то наступишь, это будет просто морская звезда, или морской еж, или морская ракушка, но не кучка мерзких скелетов и мертвецов!

Фи откашлялась и опустила платок.

— Строго говоря, звезды, ежи и ракушки — останки мертвых морских существ.

— Ты на чьей стороне? — спросила Шейн. Рэд хихикнула.

— Я просто... — начала Фи, но наемница натянула платок обратно ей на рот.

— Не слушай ее, — сказала Шейн ведьме. — Океан великолепен. Ты должна сама когда-нибудь его увидеть.

— А ты меня туда отвезешь? — поддразнила Рэд.

— А ты мне позволишь? — не подумав, ляпнула Шейн.

Глаза Рэд внезапно стали холодными, она вновь нацепила идеальную улыбку.

— Позволю отвезти меня или дать обещание, которое ты не сдержишь? — парировала она и ушла прочь.

— Она права, — заметила Фи, хлопнув Шейн по плечу. — У тебя дурная привычка раздавать обещания направо и налево.

— Сказала та, кто пользуется моим последним обещанием, — фыркнула Шейн.

Лицо Фи стало обеспокоенным.

— Слушай, Шейн. Если ты хочешь разорвать наше партнерство, я отпущу тебя в мгновение ока.

Старая добрая Фи — вечно пытается всех бросить ради их же блага.

— Не заставляй меня запихивать эту повязку тебе в глотку, — с ухмылкой ответила Шейн. — Ты так просто от меня не избавишься.

Фи усмехнулась, и они поспешили вслед за ведьмой. Рэд остановилась на вершине высокого склона, устремив взгляд на восток. Перед ними маячил Терновый лес. Каким-то образом за те часы, пока они петляли в дюнах, он стал намного ближе, темная масса превратилась в лабиринт ветвей, переплетенных с острыми шипами.

Фи убрала волосы с лица.

— Мы ближе, чем я думала.

— Будем там к вечеру. — Рэд так плотно сжала губы, что Шейн задумалась о том, не проглотила ли ведьма горсть горькой пыли. — Я отведу вас до края леса. Дальше вы сами.

Она посмотрела на Шейн. Увы, разгадать ее эмоции не получилось. Может, Рэд тоже не была готова к расставанию?

— Этого более чем достаточно, — сказала Фи. — Спасибо, Рэд. Что бы Шейн тебе ни посутила, ты более чем заслужила плату.

Интересно, не заберет ли Фи слова обратно, если узнает, что речь о бесценной короне из заброшенного замка.

Но о чем напарница не знает, за то не сможет отругать.

— Пошли, — сказала Шейн. — Давайте быстрее уберемся с пустоши.

Ведьма не ошиблась. Они добрались до Тернового леса ровно к закату. Грозная непроходимая чаща нависала над ними, толстые ветви тянулись к красному небу. Она напомнила Шейн гнездо черных змей с шипами и клыками. Несмотря на свое уродство, лес притягивал взгляд — и возникало ощущение, что он и сам на тебя смотрит.

Путешественницы нервничали, вздрагивали от каждого шороха. Они разбили лагерь, и костерок стал единственной светлой точкой посреди стремительно опускающихся сумерек. Шейн завернулась в одеяло, и остальные последовали ее примеру.

Фи не сводила глаз с костра.

— Говорили, выжившие люди Андара много раз пытались спалить Терновый лес, но ветви были твердыми, как окаменевшие кости. Они чернели, но не загорались.

— Конечно, разве могло быть так просто. — Шейн запрокинула голову.

Во мраке лес казался лишь зловещим пятном, но криевые ветки торчали вверх, как будто хотели сорвать звезды с неба.

Рэд не сказала ни слова. Просто сидела, сгорбившись и вороша угли.

Шейн заснула, сжимая топорище и глядя в темноту под шипами.

— Тсс, эй, ты.

Шейн проснулась, схватив топор. Ведьма, которая тряслась ее за плечо, отпрянула.

— Рэд? — хрипло спросила наемница, моргая от сна и пыли в глазах.

— Да, я. — Рэд пальцем толкнула топор обратно на колени Шейн. — И на прощание разрубить меня этой штукой на части было бы ужасно невежливо с твоей стороны.

Шейн сощурилась. Рэд уже собрала волосы и повесила рюкзак на плечо. Ветер трепал ее плащ с красной подкладкой.

— Решила сбежать посреди ночи? Даже оплаты не подождешь?

— Хотела бы *сбежать*, не стала бы будить. — Рэд уперла руки в бока. — И плату я уже забрала.

Куртка Шейн с вывернутыми наизнанку карманами валялась поперек рюкзака.

— Воровка, — с улыбкой упрекнула наемница.

Рэд не улыбнулась в ответ. Она встала и обхватила себя руками, прикрываясь от ветра.

— Я сказала вам, что больше сделать не могу. Но хочу дать тебе шанс вернуться, пока не стало слишком поздно. Не заходи туда. — Ведьма кивнула на дикую

путаницу шипов, в ее серьезных глазах отражался свет костра.

— О чём ты? — Шейн медленно поднялась на ноги. Ночной воздух, казалось, пробирал ее насквозь.

— Проклятия — могущественная вещь. — Рэд говорила тихо, почти шепотом. Внезапно Шейн вспомнила бал в поместье, когда глаза ведьмы светились в прорезях ужасной волчьей маски. — Может, твоя партнерша вынуждена идти туда, но ты-то не должна. Это как подписать себе смертный приговор.

Шейн покрутилась вокруг, ища свернувшуюся клубком Фи. Та лежала спиной, но наемница видела выбившиеся тонкие пряди и то, как Фи во сне обхватила руку в перчатке. Знала ли Рэд что-то о метке напарницы? Или просто говорила о древнем проклятии, лежавшем на принце Андара?

Первым порывом Шейн было перейти в оборону — встать между партнером и угрозой. Но Рэд не угрожала. Она словно была в отчаянии.

— Ты говоришь мне бросить напарницу на верную смерть, — выпалила Шейн. — И что потом?

— Ты могла бы пойти со мной.

От этих слов перехватило дыхание. Шейн уставилась на девушку, стоящую перед ней в темноте. Искры угасающего огня сияли в глазах Рэд, она подняла руку и положила ее на грудь наемницы, успокаивая сердце легким прикосновением.

— Может, я и правда устала от одиночества. — Рэд покачала головой, растрепавшиеся кудри разевались вокруг лица. — Может, ты покажешь мне другой путь?

Шейн потеряла дар речи. Рэд казалась уязвимее, чем когда-либо, ведьма смотрела с надеждой и мольбой одновременно. У Шейн возникло ощущение, что Рэд уже давно ни у кого ничего не просила.

Не хотелось обижать ее, какой бы крохотный кусочек себя ни предлагала ведьма. И все же Шейн сказала то, что должна:

— Рэд, я не могу пойти с тобой. — Больно было смотреть, как эти красивые карие глаза снова становятся темными и настороженными, как что-то внутри Рэд захлопывается. — Послушай, когда все закончится, я найду тебя. Обещаю.

— Ты и твои обещания...

Рэд шагнула вперед, пока кончики их сапог не со-прикоснулись, приподнялась на носках и поцеловала Шейн. Так мягко и мимолетно, лишь легкое прикосновение губ, и, отвечая на поцелуй, наемница захотела гораздо большего.

Этого было недостаточно. Этого никогда не будет достаточно. Рэд начала отстраняться, но Шейн схватила ее за руки, углубив поцелуй. Она почувствовала, как ведьма задыхается, но продолжала держать, точно обезумела, кожа вспыхивала везде, где они соприкасались. Если это был их последний поцелуй, Шейн хотела, чтобы Рэд никогда его не забыла.

Она провела рукой по спине ведьмы, наслаждаясь ее дрожью и притягивая к себе. Рэд растворилась в ее ласке. Ее губы приоткрылись, и тогда Шейн перестала думать вообще, все ее тело загорелось. На мгновение между ними не осталось ничего — ни секретов, ни масок, — только губы Рэд на губах Шейн, вспышка обжигающего жара посреди ледяной ночи.

Потом ведьма отстранилась. Холод опалил внезапно опустевшие руки Шейн, и ей остались только боль и тоска.

— Никакого «после» нет — не для нас, — прошептала Рэд.

Было невыносимо слышать горечь в голосе любимой и осознавать, что она, скорее всего, права. Если они сейчас расстанутся, Шейн рискует никогда больше не увидеть Рэд, никогда не узнать, что бы у них получилось.

— Последний шанс, — предложила Рэд.

В глубине души Шейн хотела пойти с ней. Но это означало бы бросить Фи одну перед лицом опасности, а так наемница никогда бы не поступила.

В какой-то момент их партнерство переросло в нечто большее, чем просто одолжение Шейн Письмовнику. Фи стала ей другом, возможно, первым настоящим другом за долгое время. Шейн напросилась в приключение, завоевала доверие напарницы, превратилась в главную цель охотников на ведьм и врага Арманда Беллисия не затем, чтобы сейчас повернуться и уйти.

— Прости. — Она сделала шаг назад. — Но Фи — мой партнер. Я не оставлю ее.

Рэд цокнула языком.

— Я боялась, что ты это скажешь. Ты ведь такая...

— Верная? — подсказала Шейн, натянув улыбку. — Храбрая? Героическая?

— Я хотела сказать *упрямая и твердолобая*. — Ведьма отвернулась. — Прощай, Шейн.

— Береги себя, Рэд.

Она последний раз оглянулась на Шейн. Красный плащ бешено развевался на ветру, и на секунду показалось, что ведьма прикована к оскаленным черным зубам, что буря уже ее пожирает.

— Я всегда себя берегу, — ответила Рэд и ушла, растворившись в ночи.

После этого Шейн почти не спала, ворочалась, пока красное зарево рассвета не вспыхнуло над горизонтом.

Наемница села, ежась в холодном утреннем воздухе, и обнаружила, что Фи уже проснулась и пинками разбрасывает пепел от костра.

— Рэд ушла вчера вечером, — сказала Шейн, потирая затекшую шею.

— Да, я поняла. — Фи выкопала холодный хлеб и последний апельсин и бросила их наемнице. — А жаль — она начала мне нравиться. — Она послала Шейн полуизвиняющуюся улыбку, и наемница приняла протянутую оливковую ветвь.

Они быстро запихнули в себя завтрак, собирались и как-то уж очень скоро встали перед искривленным лесом.

— Ты готова? — спросила Фи.

«Это смертный приговор» — слова Рэд звенели в голове, но Шейн прогнала их. Она приняла решение.

— Пошли, — сказала наемница, поднимая топор. Затем нырнула под истерзанные ветки и последовала за Фи в Терновый лес.

Глава 26

Фи

Черновый лес оказался кошмаром. Ни клочка зелени, ни одной травинки или намека на листва — только извивающиеся, кривые, изогнутые ветки, покрытые острыми шипами. Корни уходили глубоко в черную грязь. Весь кустарник напоминал Фи крепость с толстыми стенами, узкими проходами и крутыми лестницами, построенными из спутанных лоз. Кое-где попадались остатки первоначального леса, скелеты давно погибших деревьев, задушенных колючими ветвями. Иногда лозы сами сплетались в огромные, искореженные деревья, образуя шипастую клетку, настолько плотную, что местами она закрывала солнце.

Сначала ветер устрашающе свистел им в спину, но дальше воцарилась мертвая тишина. Ни зверей, ни птиц, даже насекомые не ползали. Фи вздрогнула, осторожно перебираясь через ветку толщиной с дуб. Оступишься — и один из шипов вонзится в руку или в ботинок.

Сами колючки были темными и твердыми, как гранит, их не мог разрубить даже топор Шейн. Кладоискательницы попробовали лишь раз. Шейн ударила

лезвием по лозе, которая преградила им путь, но удалось отколоть только один шип. Он отлетел и злобно царапнул наемнику по щеке, оставив неровную красную линию. После этого они отказались от затеи.

Фи достала потрепанный компас, но даже с ним было невозможно ориентироваться. Они двинулись в нужном направлении, стрелка уверенно указывала на восток, но уперлись в стену шипов. Попытка прорваться завела в лабиринт, тесный, как пещера, где острые колючки будто выпрыгивали из темноты, а проходы бесконечно петляли по кругу. Фи знала, что мысль безумная, но даже сами шипы казались ей живыми: кончики радостно поблескивали, когда им удавалось пустить путешественницам кровь.

Перед глазами снова встал образ изломанного принца-марионетки, а в ушах зазвучало его предупреждение: «Как только ступишь на земли Андара, каждый шаг будет приближать тебя к проклятому замку и чарам Пряхи». Фи слегка затошило.

— Кажется, я уже видела эту терновую арку, — пробормотала Шейн, глядя вверх на изгиб черных шипов. Секундой позже они заметили на земле цепочку своих же следов.

— Ладно, хватит, — объявила Шейн, плюхаясь под арку и поднимая темное облако пыли. — Пора звать своего невидимого принца.

— Что? — удивилась Фи.

Шейн посмотрела на нее.

— Ну, сами мы явно ничего не добьемся. Я не жду, что призрак нам путь проложит, но он ведь местный? Вот пусть и поможет сориентироваться.

Фи никогда раньше не звала принца. И не понимала, почему эта мысль заставила ее нервничать.

— Шиповник? — окликнула Фи, чувствуя себя немного глуго. — Шиповник Розоцвет?

Мгновение ничего не происходило, и она уже подумала, не говорит ли с воздухом. А потом налетел могучий порыв ветра, взметнув такой столб пыли, что Шейн принялась отплевываться, ругаясь на чем свет стоит.

— Что за... ой, я его вижу! — ткнула наемница пальцем. — Это ж он? Тот самый парень?

Шиповник возник прямо за спиной Фи, выглянул из-за нее, улыбнулся Шейн и помахал рукой.

— Я совершенно точно тот самый парень. И ты меня видишь, потому что чем ближе мы к моему спящему телу, тем я сильнее. Уже почти полностью восстановился. Рад знакомству, Шейн, напарница Фи.

— Взаимно. — Северянка оглядела его сверху донизу и вроде осталась довольна увиденным. — Ну так что, как нам пройти? — махнула она на длинные ключки.

— Не представляю, — признался Шиповник. Он подплыл к кривой ветке и провел рукой по стволу. — Весь лес вырос уже после того, как я заснул, когда Пряха напала на Андар. Поэтому тропинки я не видел, лишь знаю, что она точно есть.

— Вот уж помог так помог, — проворчала Шейн.

Фи бросила взгляд на напарницу и подошла к принцу. Он тронул пальцем кончик шипа.

— Вероятно, мы что-то упускаем из виду. Можешь припомнить что-нибудь еще об этом лесе? Что угодно? — попросила она.

Шиповник прищурился, его взгляд стал далеким, будто он представлял это место сверху.

— Тут должна быть река, — наконец сказал принц. — Я видел ее из окна своей башни. Думаю, я мог бы указать вам нужное направление.

— И эта река течет прямо в замок? — с надеждой спросила Шейн.

— Было бы кстати, да? — согласился Шиповник. — Увы, река просто течет через лес, хотя в итоге впадает в озеро во дворе замка.

— Ну хоть что-то, — сказала Фи. — Веди.

Она отправилась вслед за принцем по извилистым проходам, а в голове кружились мысли. Нельзя прорубить путь, нельзя ориентироваться по компасу; нельзя даже двигаться методом проб и ошибок, как в лабиринте, потому что неизвестно, есть ли вообще прямой путь. Сомнение закралось в сердце Фи, как озноб. Высокая клетка из шипов словно бы давила на нее со всех сторон. А сумеют ли они с Шейн выбраться наружу?

«Что единственное сильнее магии, Филоре?»

Внезапно она услышала шепот матери, а вместе с ним пришли и десятки перекрывающих друг друга воспоминаний. Как мама с длинной косой, перекинутой через плечо, улыбалась, пока Фи ломала голову над книгой заклинаний, написанной чернилами, которые двигались по странице. Как мать, вооруженная потрепанной шляпой и тщательно прочерченной картой, стоит на краю ущелья, называемого Ведьминой Шкатулкой. Как ясно и уверенно говорит мама, после того как все их факелы потухли и они остались в темноте в оставе рушащегося поместья.

«Что единственное сильнее магии?»

Но самое главное воспоминание — это момент из детства, когда Фи пришла к матери, сжимая в руках сборник рассказов «Три ведьмы», и умоляла даровать ей магические силы.

— Я дам тебе что-нибудь получше, — пообещала мама, садясь рядом с ней на колени. Глаза Филоре

расширились, она выронила книгу, которую протягивала родительнице. *Лучше магии?*

Лилия улыбнулась.

— Есть только одна вещь сильнее магии, Филоре, — сказала она и подалась вперед, словно делясь какой-то великой тайной. — Она прямо здесь. — Мама нежно постучала пальцем по лбу Филоре. — Знания.

Лоб Фи закололо от призрачного прикосновения. Может, она неправильно воспринимала это место. Да, оно заколдованное, но это не значит, будто лес не подчиняется никаким правилам. Она почти забыла, что есть ключ к замку, вплетенный в историю о падении Андара:

Змея обернулась гигантской рептилией цвета слоновой кости и протянулась сквозь Терновый лес, чтобы вечно охранять путь к замку.

Надо оценить лес как любое другое заброшенное место. Какие есть подсказки? Что не совпадает?

Фи попыталась вспомнить каждый крошечный отрывок, который когда-либо читала о Змее. Та умела говорить с рептилиями и другими животными и повелевать ими, но это была ее природа, и здесь не осталось существ, которые могли бы привести путешественников в замок. Змея принадлежала к школе магии превращения. Выбеленное тело мертвого дерева напомнило Фи массивные кости из пустоши, но она отбросила эту мысль. Превращенное или нет, здесь не осталось ничего живого.

Так что же сделала Змея?

Определенно, часть разгадки заключалась в реке, именно она не вписывалась в картину. Насколько Фи знала, в этой части Андара протекала только одна большая река. Она тянулась от высоких гор мимо замка и до южных зеркальных озер. Даже если бы река

с годами разбилась на более мелкие ручьи, они бы не петляли по Терновому лесу. Это место было мертвым, таким же мертвым, как пустошь из черной пыли. Подобные костям ветви не нуждались в воде. Так что же могло прорезать русло так глубоко, чтобы образовалась река, и с какой целью?

— Фи.

Голос Шиповника выдернул ее из мыслей. Она подняла голову. Принц выжидающе улыбался. Фи улыбнулась в ответ, не очень понимая, что ему надо.

— Да?

— Я не смогу стоять так вечно! — предупредила Шейн.

Филоре с запозданием поняла, что напарница отдернула в сторону занавес из спутанных лоз и держит, чтобы Фи могла пролезть внутрь, не оцарапавшись. Покраснев, она поспешила сквозь брешь. Когда северянка отпустила завесу, ветка выпрямилась с такой силой, что Шейн от разрубания напополам спасла только хорошая реакция.

Принц нырнул под последнюю преграду. Шипастые стены остались позади, путешественники оказались на небольшой лужайке. Фи ощущала, что снова может дышать. И сразу поняла, что изменилось. В лесу стояла гробовая тишина, а тут под колючим пологом хротала бегущая вода. Поляну пересекал овраг с крутыми берегами. Что-то невесомое и белое болталось на ветвях, покачиваясь от дуновения ветра. Вроде рваных полосок ткани, но Фи не могла их разглядеть.

Она решила изучить реку. Между отвесным берегом и водой было фута три. Шейн снова прицепилась к принцу, требуя больше подсказок, но Фи не стала слушать. Она отложила свой рюкзак, легла на живот, свесившись с края, и опустила пальцы в реку.

Фи думала, вода будет ледяной, как в горных ручьях, но та оказалась теплой, словно дождевая лужа. Течение неслось с такой скоростью, что Филоре даже руку отдернула, чтоб не утащило. Река тянулась через поляну, а потом резко сворачивала и исчезала в лесу.

Самым очевидным решением было следовать за ней. Неважно, сколько придется шагать, в итоге река достигнет замка — и они вместе с ней. Но Фи уже видела, что задача неосуществимая. Берег то и дело закрывали толстые ветви, а лес был таким непроницаемым, что реку они обнаружили, только когда практически в нее залезли, и, значит, на звук идти не получится.

Фи на миг задумалась о том, не спуститься ли им до замка на плоту, но, пожалуй, так они еще вернее расшибутся. Даже на поляне в русле бултыхались толстые лозы, а некоторые висели так низко, что вода облизывала темные шипы. Особенно непролазный участок ждал буквально несколькими шагами ниже. Любого, кто полез бы в реку, разорвало бы в клочья.

И все же река была ключом. Фи села на корточки, потянула себя за мочку и еще раз оглядела терновник. А потом прищурилась, заметив пучок тонких белых нитей.

Если посмотреть внимательнее, их здесь было куда больше, чем казалось на первый взгляд. Они вплетались в терновую стену вдоль берега реки. Что это? Какой-то мох? Маловероятно, учитывая толщину. Больше походило на веревки, натянутые между лозами, каждая нить была припорошена пылью.

— По-моему, там что-то движется, — сказала Шейн, указывая в сторону. Она отбросила свой рюкзак и схватила топор.

Фи поднялась на ноги, вглядываясь в тени. Она не видела ничего, кроме густого сплетения шипов. Но было что-то странное в форме — ветки собирались вокруг чего-то выпуклого и круглого. На секунду ей показалось, что к ним ползет сам лес, что длинные черные лозы с корнем вырываются из грязи.

Фи сложила два и два в тот самый миг, когда восемь лоз — нет, ног — распрымились и из расщелины среди кустов выбралось какое-то существо.

Это был здоровенный паук, а белые нити оказались его паутиной. Чудище со смертоносной грацией беззвучно выползло из тени. Его ноги с коричневыми полосами были тонкими, но только по сравнению с остальным телом. Он легко превосходил размерами всех троих путешественников и щелкал острыми клешнями под восемью глазками-бусинками. Во рту у Фи пересохло.

— Что это такое? — крикнула Шейн.

— Пещерный паук, — выдохнула Фи. — Никогда раньше их не видела.

Гигантские паукообразные в основном обитали в глубоких пещерах и расщепленных скалах в самых высоких горах, но иногда их находили в развалинах, которые стояли нетронутыми десятилетия или даже больше. А какое место оставалось запечатанным дольше, чем замок Андара?

— Возможно, это самый старый гигантский паук в мире, — предположила она вслух.

Шейн бросила на подругу дикий взгляд.

— Фи, ну ты нашла время!

Многочисленные глаза паука обшаривали поляну. Затем он внезапно бросился на путешественников, двигаясь быстрее, чем Фи могла себе представить. К счастью, его целью оказался Шиповник. Принц

инстинктивно вскинул руки, и паук проскочил сквозь него, хлестнув ногами пустой воздух. Тело чудища качнулось, когда он развернулся, цепляясь за нити паутины.

Филоре схватилась за веревку на поясе, проклиная себя за то, что до сих пор ее не вытащила. И успела дернуть только металлическое кольцо, а паук уже отвернулся от Шиповника и кинулся на нее.

— Осторожно! — закричала Шейн, отталкивая напарницу с дороги.

Фи увидела, как мелькнули скользкие от яда жвалы, когда северянка перехватила дергающиеся ноги паука топором и отшвырнула существо в сторону.

Все еще сражаясь с веревкой, Филоре в ужасе отступила на шаг.

Ее ботинок провалился в пустоту. Время, казалось, замедлилось. Она увидела широко раскрытые синие глаза Шиповника. А затем под грохот воды полетела с берега прямо к реке и поджидающим в ней шипам.

— Фи! Нет!

— Фи!

Она слышала, как Шейн и принц звали ее, но они были слишком далеко и не могли помочь. У Фи оставалась всего секунда. В тот момент, когда она ударится о воду и течение понесет ее на шипы, ей конец.

Филоре отклонилась назад, насколько могла, и вытянула руки, чтобы превратить падение в нырок. Она распутала металлическое кольцо на конце веревки. Половина шнура так и осталась на талии, но Фи на это и рассчитывала. Она глубоко вздохнула, прежде чем коснуться воды, а затем быстро нырнула глубоко под шипы. В центре реки было чистое пятно — только бы добраться до него.

Фи отчаянно брыкалась, течение увлекало за собой, тащило по дну. Руки скользнули по гладкой белой гальке вдоль русла. Камни были теплыми, как и вода. Затем что-то дернуло ее за талию так, что вылетел воздух из легких. Металлическое кольцо зацепилось за одну из колючих ветвей наверху, и веревка натянулась.

Фи бы обрадовалась, но у нее не осталось кислорода. Она оттолкнулась от дна реки, схватилась за шнур и подтянулась. Течение продолжало мотать Филоре, как ветку, и она чуть не разбилась о шипы, вынырнув на поверхность.

Она повозилась с ремнем и освободила еще немногого веревки, чтобы проскочить опасное место.

Этого оказалось недостаточно. Крик вырвался из груди — один из шипов вонзился в руку, оставив рваную рану ниже плеча.

Фи задыхалась, извиваясь в воде. Она не осмелилась схватиться за какую-нибудь лозу и, взглянув дальше по реке, не увидела ничего, кроме новых шипов, готовых разорвать ее на части, стоит отпустить веревку. Не получится нырнуть так глубоко и задержать дыхание так надолго. Выхода не было — вокруг только колючки, натянутая веревка и блестящие на дне реки белые гладкие камешки.

Нет, не камешки. Чешуя. Чешуя, которую Фи уже видела раньше, на статуе белой змеи и на рептилии из воспоминаний Шиповника.

Вот так и пришел к ней ответ. Фи поняла, как привести их через Терновый лес. Все, что нужно, лежало прямо здесь, в месте последнего упокоения Змеи, которая действительно отдала жизнь, чтобы проложить этот путь.

Только как поведать об открытии Шейн — если та вообще еще жива? Фи ничего не видела на берегу,

а грохот воды перекрывал все звуки боя. Наемница не могла далеко уйти. Если Фи выберется из воды, то сможет увидеть Шейн, помочь, объяснить, как им сбежать...

Поток снова утащил ее вниз.

Фи вынырнула, жадно глотнула воздух и оставила все попытки самостоятельно вылезти на берег. Тягаться с рекой ей не под силу. Придется надеяться на Шейн и продолжать барахтаться.

Глава 27

Шейн

На глазах Шейн Фи оступилась и упала с обрыва прямиком в русло. Северянка едва успела взмолиться, чтобы подругу не перемололо шипами, а затем поверженный паук вновь поднялся на ноги, и пришлось заниматься своими проблемами.

Чудище настигло Шейн за секунду. Огромная туша передвигалась невероятно быстро. Наемница попыталась рубануть по брюху, но тварь отскочила назад к колючему стволу, цепляясь за него и размахивая своими волосатыми ногами, словно кирками.

Глаза-бусинки пробежали по Шейн. Потом тело паука дернулось и выплюнуло веревку из странной бледной жижки.

Паутина — как та, что на деревьях.

Шейн бросилась в сторону, но не успела. Липкая веревка зацепилась за сапог и опрокинула наемницу. Паук тряс ее, как тряпичную куклу, покачивая туловищем взад-вперед, а затем, тошнотворно изогнувшись, начал втягивать паутину обратно, увлекая за собой добычу.

Мелькнула синяя вспышка. Шиповник появился рядом и схватил наемницу за плащ. Его рука прошла

насквозь, лишний раз подтверждая бесполезность принца.

Шейн издала не боевой клич, а поток ругательств. Ее тащили через поляну к щелкающим жвалам и вращающимся черным глазам. Топор продевывал в грязи борозду, и наконец северянка ощутила на шее колючие коричневые волоски паучьей лапы. Шейн впечатала каблук между клыками твари.

Голова существа отклонилась назад. Наемница вырвалась из его хватки, вонзив топор в обнажившееся брюхо, а затем отпрыгнула, когда в грязь хлынула чернильная кровь. Паук рухнул на спину, поджав ноги. Шейн содрала с себя остатки липкой веревки, проклиная этого паука и всех остальных, которые когда-либо бродили по земле. Она не знала, как ее напарница могла выносить этих уродливых восьминогих тварей.

Фи. У наемницы снова подскочил адреналин.

Она повернулась и помчалась к руслу, топор подпрыгивал у нее на плече.

— Фи! — крикнула Шейн. Она практически съехала на берег и попятилась назад, когда рыхлая земля посыпалась из-под ног. Сердце билось в горле, не давая вздохнуть. Шейн обшаривала взглядом реку, выискивая в бурлящей воде хоть что-то, а затем заметила чуть ниже по течению фигуру, цепляющуюся за веревку между двумя колючими зарослями.

Живая. Шейн испытала такое облегчение, что громко рассмеялась.

— Фи! Держись!

Она сомневалась, услышала ли ее напарница сквозь грохот.

— Шейн!

Наемница не сразу поняла, кто зовет. Это был голос Шиповника.

Призрачный принц стоял посреди поляны. Еще один паук спускался по нити сверху полога, нависавшего над ними, точно гниющая рука. Если б не Шиповник, тварь застала бы Шейн врасплох.

Как бы ни хотелось достать Фи, той, вероятно, прямо сейчас грозила меньшая опасность. Шейн с нехорошим чувством рассмотрела паука. Впервые в жизни наемница пожалела, что не обзавелась луком или копьем — любым видом оружия, которое позволило бы не приближаться к твари.

— Надеюсь, боец из тебя лучше, чем кажется, — крикнула Шейн принцу.

Тот покачал головой.

— Не особо. Магия Света не боевая, но сделаю что смогу.

— Утешил.

Паук плюхнулся на землю и метнулся к реке. Слишком поздно Шейн поняла, что охотился он не за ней, а за Фи, которая в воде стала легкой добычей.

Ну уж нет, не бывать такому.

Когда паук обогнул наемницу, та размахнулась изо всех сил и вонзила топор прямо ему в ногу, отрубив одну волосатую фалангу. Чудище развернулось, корчась от ярости, и врезало Шейн лапой в живот.

Ее швырнуло в воздух, топор вылетел из рук, и она тяжело приземлилась в грязь.

Северянка не ожидала такого удара. Ребра болели, как будто кто-то проделал в груди дыру размером с кулак. Топор воткнулся в землю посередине поляны.

Теперь Шейн определенно привлекла внимание паука. Он преследовал ее с жуткой скоростью, даже невзирая на отрубленную ногу. Наемница помчалась к шипам. Без оружия на поляне она не протянет и секунды.

Паук почти нагнал ее, она буквально чувствовала яд в воздухе. Терновые кусты маячили впереди. В последнюю секунду Шейн бросилась вниз и скользнула под одну из ветвей. Жестокие шипы рвали кожу и куртку, но наемнице волновал только паук — его ноги дергались, глаза вращались, он нависал над ней, шевеля жвалами.

Шейн перекатилась на спину и ударила ногой по ветке, вонзив шипы в голову чудища. Ослепленное, оно отшатнулось назад. Если бы только у нее был топор...

И вдруг принц сунул ей в руки желанное оружие. Шейн не знала, что он так может, но вопросов задавать не стала. Она вывернулась, замахнулась и со всей силы опустила лезвие, глубоко загнав его в бороздку между головой и брюшком.

Паук рухнул, обливаясь вязкой темной кровью. Едкий запах яда обжег глаза Шейн. Она ухватилась за шипы, тяжело дыша.

Ребра пульсировали — точно останутся синяки.

Собравшись с духом, она велела себе забыть про боль и выбралась из зарослей.

Шиповник ждал снаружи. Наемница смерила его взглядом.

— Ладно. Может, ты не совсем бесполезный.

— Ну спасибо, — скривился принц.

Со стороны реки донесся плеск и вопль.

Шейн засунула топор в скобы на спине и побежала к берегу, Шиповник следил за ней.

Фи так и болталась в реке, сжимая веревку и брыкаясь, чтобы удержать голову над водой. Теперь стало ясно, чего она кричала. Поначалу шнур зацепился за толстую ветку, которая низко свисала над водой, но затем веревка начала медленно распутываться,

петля за петлей. Сердце Шейн остановилось, когда металлическое кольцо соскользнуло с верхнего шипа и зацепилось за нижний. Долго подруга так не продергивается.

— Фи! — крикнула северянка. Терновая стена препрепядила путь к берегу. Напарница оставалась в добрых пяти футах дальше по течению, но увидела Шейн, и на ее лице отразилось облегчение.

— Ты цела!

— Думаешь, я позволю какому-то жуку-переростку меня сожрать? Подожди, я вытащу тебя оттуда, — закончила Шейн, хотя понятия не имела, как это сделает.

Если не считать клочьев паутины, лес представлял собой сплошные шипы, а веревку Фи уже использовала. Может, следующий гигантский паук успеет выловить ее прямо перед тем, как сожрет.

Шиповник, не колеблясь, прыгнул с берега на искошенную ветку и направился к Фи. Но та тряслась головой и пыталась перекричать реку.

— Не вытаскивайте меня. Это дорога к замку!

— О чём ты?

Подруга промокла до нитки, по ее плечу стекала кровь, но в глазах горел знакомый огонь — она разгадала загадку.

— Это Змей! — крикнула Фи. — Река — это Змей!

— Ты несешь какую-то чушь, — заорала Шейн в ответ. Веревка Фи почти перетерлась, потрепанный шнур стремительно истончался. Похоже, очередного рывка ей не выдержать. — Шиповник, доставай ее оттуда!

— Шейн, заткнись и послушай! — завопила Фи.

Эти слова едва не стали ее последними. Лоза дернулась, и веревка сорвалась, серебряное кольцо блеснуло

в воздухе. Фи взвизгнула и ушла под воду. Затем чья-то рука схватила веревку — принц опирался на ветку и боролся с течением, сжав губы от напряжения. Сердце Шейн упало в желудок, но тут Фи вынырнула, отплевываясь и смаргивая воду.

— Шиповник! — с благодарностью окликнула она.

Шейн бросилась на край высокого берега, не заботясь ни о грязи, ни о запахе гнили, ни о бурлящей реке. Она встретилась глазами со своей напарницей.

— Говори мне, что делать.

При иных обстоятельствах Фи от души бы позвала. К счастью, ее занимали другие мысли.

— Нагрузи наши рюкзаки чем-нибудь тяжелым, — крикнула она.

— Зачем? — спросила Шейн, но сама уже схватила их поклажу. Рюкзак Фи по сравнению с ее ничего не весил, поэтому наемница сунула туда мешок с золотом, отнятый у Столероя.

Фи подавилась водой, объясняя:

— Слышала рассказы, как Великие ведьмы отдали жизни за Андар? Змея обратилась в рептилию и протянулась через Терновый лес, чтобы проложить путь. Она буквально стала этой рекой — просто сотню лет спустя этого уже не видно. Поверь мне!

Хуже всего то, что Шейн и правда ей верила. Напарница не походила на человека, чей разум помутился от воды. Нет, то была прежняя гениальная Филоре. И все же она кое-что упустила.

— Даже если ты права, любого, кто полезет в реку, разорвет в клочья.

— У нас нет времени это обсуждать, — встрял принц.

Он уже задыхался, и Шейн вдруг задумалась, сколько еще Шиповник продержится, пока не станет вновь бесплотным.

— Для этого и нужны рюкзаки! — затараторила Фи так быстро, что северянка едва за ней успевала. — Шипы только на поверхности. Если будем держаться близко к руслу, течение понесет нас к замку. Ты можешь дышать с помощью бурдюка. Доверься мне, Шейн!

— И снова о доверии, — проворчала наемница, откапывая среди вещей бурдюк.

Обидно было выливать дорогой напиток на землю, но отчаянные времена требовали отчаянных мер. Без жидкости кожаный мешочек печально обвис. Шейн надула его как следует и закупорила. Это подарит ей несколько вдохов, но не более.

— Не тороплю тебя, но... — Лицо принца посерьело от напряжения.

— Готова? — окликнула Шейн, беря рюкзак напарницы.

Шиповник наклонился, Фи что-то прошептала ему на ухо. Он кивнул.

— Готова, — крикнула Филоре.

Шейн раскачала груз и зашвырнула. Тяжелый рюкзак пролетел по воздуху и врезался в хозяйствку. Веревка вырвалась из рук принца, и он нырнул вместе с Фи. Она кувыркалась под поверхностью, то исчезая, то появляясь. Шейн запаниковала, слишком поздно поняв, что забыла что-то важное.

У нее-то бурдюк есть, а вот Фи чем дышать будет? Оставалось надеяться, что раз подруга попросила о доверии, этот вопрос она решила сама.

Шейн крепко обхватила бурдюк, прижала к губам и прыгнула в реку. Рюкзак и течение мгновенно

утащили ее ко дну. Наемница могла лишь сжимать кожаный мешок, пока ее швыряло о стенки русла.

Лучше бы им поскорее добраться к цели, а то беспокоиться придется не только о воздухе.

Глава 28

Шиповник

Шиповник крепко держал Фи, пока они неслись по бурной реке. Лозы были повсюду, зловещие колючки вспарывали воду. Филоре зажмурилась, ее темные волосы разметались, а течение тащило их обоих дальше.

Отчаянные слова Фи до сих пор звенели в ушах принца: «Шиповник, ты можешь подышать за меня? Как тогда, на озере?»

Он словно вернулся в ту их первую встречу. Фи тонула, ее руки обмякли, глаза закрылись. В рассеянном свете она казалась прекрасной, почти умиротворенной. Не раздумывая ни минуты, Шиповник прильнул к ее холодным губам, вдохнул в них воздух и увлек к поверхности. Сердце колотилось в груди, ведь после ста лет ожидания он наконец нашел ее — ту девушку, которой суждено его освободить.

Принц знал, что Фи разрушила проклятый сон, но не понимал, что она спасла его и в других смыслах.

Сидя в одиночестве в башне, Шиповник сходил с ума. Ему нечем было заняться, кроме магии, и он доводил ее до совершенства. Даже когда принц научился выходить из снов, он все равно оставался один,

бродил по замку, натыкаясь на тела, что лежали повсюду, точно трупы. Камелия исчезла, но остались другие — оружейник, который пытался научить юного принца владеть мечом, посудомойка, которой запретили соваться на кухню, потому что она перебила слишком много тарелок, почтенный магистрат, который говорил так же медленно, как и двигался.

Шалфей, обмякший на троне.

Шиповник настолько отчаялся, что даже попытался самостоятельно разрушить зачарованный сон. Ничего не вышло, зато он впервые ощутил чудовищную силу, ту самую темную магию, которую призвал, когда решил проникнуть в спящий разум Арманда Беллисия.

Злобные чары едва его не погубили. Не оставайся Шиповник под защитой Великих ведьм, точно навсегда бы стал рабом Пряхи. А так, во сне, он просто продолжил бродить по замку, словно жуткий призрак. Чурался всех зеркал, не в силах видеть костяные когти вместо пальцев, разрозненные куски вместо нормального тела. С каждой каплей темной магии принц все меньше походил на человека.

На то, чтобы отыскать путь назад, к свету, ушли годы, и Шиповник поклялся никогда больше неходить так далеко. Вместо этого он рассказывал себе истории, держался за хорошие воспоминания и мечтал о любви, такой яркой и сильной, что она сумеет озарить даже самые мрачные уголки его души.

Река резко вильнула вбок, таща их по белой гальке. Магия Шиповника дрогнула, и он испугался, что выпустит Фи, поэтому стиснул ее покрепче, призвав все оставшиеся силы. Она доверила ему свою жизнь.

А вдруг Филоре ошибалась насчет реки и он не сможет ее спасти? Что станет, если Шиповник потеряет

любимую навеки? Что тогда помешает ему потерять и себя?

Впереди показался спутанный клубок терновых веток. Принц вовремя его заметил, подтянул Фи поближе и перекатился, принимая удар на себя. Спину обожгло болью — а в следующий миг их уже потащило дальше.

Теплая, невредимая Фи прильнула к груди. Их все кувыркало и кувыркало в воде, и Шиповник закрыл глаза, представляя, будто они вновь танцуют на балу, смеются, задыхаются, а мир вокруг просто не существует.

Кто-то потянул принца за плечо. Шиповник моргнул. На него смотрела Фи. Ее карие с прозеленью глаза завораживали, казались единственным маяком в вихре белой воды, синего бархата, темных волос и черных лоз. Фи снова потянула, и принц понял, чего она хочет. Подышать.

Он вновь запечатал ее губы своими, постарался вложить в поцелуй всего себя, дать не только глоток воздуха, но и показать, как Фи стала ему важна, как сильно Шиповник ее ценит. Как нуждается в ней.

Филоре прильнула ближе, отвечая на поцелуй с таким же пылом. Ее губы дрожали, пальцы крепко цеплялись за ворот.

Вот кем Шиповник хотел стать — магом Света, парнем в синем бархатном плаще, юношой, который может спасти Фи так же, как она спасает его.

Филоре была его надеждой. Он ни за что не даст ей утонуть.

Глава 29

Фи

Ф

и выбралась из воды и упала в грязь.

Она отбросила в сторону тяжелый рюкзак, жадно глотая воздух. Река пронесла их через весь Терновый лес, сворачивая то вправо, то влево, и наконец выплюнула в небольшое озеро. Рядом кашляла и отплевывалась Шейн. Фи подавила желание прокричать, чтобы спасти принца. Голова кружилась не только от недостатка кислорода.

Может, река так подействовала, но на этот раз Шиповник целовался иначе. Не скользнул невесомо своими нежными губами, а прильнул отчаянно и страстно, так, что все тело затрепетало.

«Мы просто были на грани жизни и смерти, — сухово осадила себя Филоре. — Конечно, принц поддался эмоциям».

Она села, выискивая взглядом Шиповника. Он стоял чуть поодаль, запрокинув голову. Поняв, на что принц засмотрелся, Фи ахнула.

Перед ними стоял ослепительно-белый замок Андара, высокие башни и заиндевевшие окна сияли, точно кристаллы льда. Но крепость находилась в осаде.

Темные кусты терновника ползли по стенам, пронизывали балюстрады и обвивали башни. Шипы еще не доросли до шпилей, но все равно тянулись вверх, как руки скелета, которые однажды сцепятся вместе и завершат терновую клетку. Вокруг замка мерцала белая дымка, а далеко в небе кружили черные точки. «Вороны», — поняла Фи.

В отличие от леса, здесь не все умерло. Земля под руками была мягкой и коричневой. По берегу озера тянулись тонкие, как плети, камыши, а между широкими камнями мостовой пробивалась трава.

Фи мерещилось, что она видит два замка одновременно.

Один представлял собой красивое сооружение из белого камня, увитое цветами и плетью роз, сияющее, как при ясном небе. Это был прежний Андар, тот самый, о котором с благоговением рассказывали путешественники: «Шпили взлетали к самым облакам и целовали звезды на ночном небе. Удивительное место, полное знаний, смеха и магии».

И другой, как отражение в темном зеркале, то, во что скоро превратится твердыня под гнетом проклятия: безмолвный замок в разрушенном королевстве, гробница для своих обитателей — ни живых, ни мертвых.

Шейн закряхтела, выбирайсь из воды. Она оттащила рюкзаки повыше, а затем вернулась за напарницей. Как только они оказались на суше, северянка рухнула рядом с поклажей, схватившись за живот.

— У тебя все нормально? — обеспокоенно спросила Фи.

Шейн скривилась.

— Ага, отлично. Просто восхищаюсь своей чокнутой напарницей, которая сидела в воде и плялилась на старый замок, пока сама истекала кровью.

Боль прошила плечо Фи, словно только и ждала этого момента. Она и забыла, как напоролась на шип. Наёмница покопалась в рюкзаке, выбросила промокшие сухари, одеяла и старую карту, что привела их сюда.

Фи туто смотала свою веревку, с шипением стянула куртку и оглядела голое плечо. Неровная красная рана напоминала оскалившийся рот. Фи стало немногого дурно, и она отвернулась.

А Шейн наконец отыскала, что хотела, — небольшой флакон меда. Она откупорила крышку и понюхала содержимое.

— Поверить не могу, что ты в такую минуту можешь думать о еде, — заметила Фи.

Она-то как раз боролась с желудком, стараясь не вывернуть завтрак.

— Есть мед прямо из банки? Я же не животное какое-то. Только с маслом и булочками, — проворчала наёмница, сдергивая с шеи платок. — В крайнем случае можно закрыть рану медом. Жаль, алкоголя нет. — Она печально посмотрела на пустой бурдюк, лежавший среди камыша.

— Зачем спиртное, если замазываешь рану медом?

— Выпить, чтобы меньше жгло.

— Глупости, — отрезала Фи, — еще мне надраться сейчас не хватало.

— Думаешь? А как по мне, идеальная деталь для приключения, которое должно закончиться поцелуем.

Фи усмехнулась, а потом зашипела от боли, когда Шейн принялась обрабатывать рану.

— Эй ты! — рявкнула северянка Шиповнику, который так до сих пор и смотрел на замок. — А ну помоги чем-нибудь. Отвлеки ее.

Фи сказать ничего не успела, как наёмница схватила небольшой камушек и швырнула в принца. Снаряд

пролетел через бесплотное плечо. Шиповник вздрогнул и прижал руку к груди.

— Похоже, повезло мне, что я выдохся, — заметил он.

— Уже? — спросила Фи, позабыв о боли.

— Наверное, поиздержался в реке, — признался Шиповник. — Но вплотную к замку быстро восстановлюсь. — Знакомые игривые искры вспыхнули в его глазах. — Уверяю, магию я потратил наилучшим образом и ни о чем не жалею.

Фи отвела взгляд. «Умеет же он заставить меня улыбнуться».

Шейн затянула повязку, вызвав последнюю вспышку боли, и села, любуясь работой.

— Ну вот. Теперь у тебя рука не отсохнет, — сообщила она Фи, соскабливая мед с пальцев.

— Только ты можешь смеяться над подобным.

Плечо пульсировало. Фи поднялась на ноги и пошла за Шейн и принцем по берегу, закрепляя веревку на поясе. Рюкзаки они не взяли, еще будет время за ними вернуться.

— «Ой, спасиочки, Шейн», — проворчала северянка. — «Мне теперь так хорошо, я так рада, что сохранию руку, ты такая умничка».

Фи невольно улыбнулась.

— Я бы в жизни так не сказала. И спасибо.

Шейн удивленно посмотрела на напарницу.

— Ой, заткнись уже, — отмахнулась северянка и зашагала вперед, но Фи все равно заметила улыбку на ее лице.

Филоре с принцем обменялись понимающими взглядами, но Шиповник все равно с тревогой посматривал на замок. Она слегка пихнула его локтем, хоть и знала, что тот проскочит насквозь.

— Не переживай, она пошутила, что у меня рука отвалится.

Принц натянуто улыбнулся.

— Знаю. Просто думал, какой ужасный шрам у тебя останется.

— Вот спасибо. — Зачем ей такие образы, и без того подташнивало.

Шиповник снова повеселел.

— Вообще-то я хотел сделать комплимент. Украшенная боевыми шрамами спасительница Андара — какая великолепная история! Преодолей ты весь путь без единой царапины, чем бы потом хвастала?

— Пусть хвастает Шейн, у нее прекрасно получится.

Они прошли в тени белых башен так близко, что при взгляде на них у Фи закружилась голова. Легкий ветерок трепал ее волосы, и она поежилась, радуясь тому, что палящее солнце уже их высушило. Путешественники пробирались мимо заросших садов и увитых плющом каретных навесов. Она с удивлением оглядела вымытенный каменными плитами большой двор, где смогла бы разместиться сотня карет. Вокруг лежали обломки свергнутых с пьедесталов статуй трех Великих ведьм. По безмятежному лицу Камелии пробежала трещина.

Большие изогнутые ступени вели к главной двери. Когда они достигли вершины, Фи поняла, что странная дымка, окутавшая замок, на самом деле была слоями паутины, как в лесу. Гигантские пауки свили гнезда по всей безмолвной твердине, накрыв ее, словно саваном. С карниза над двустворчатой дверью свисала прозрачная вуаль из тысячи крошечных нитей, сотканных пауками более привычного размера.

— Теперь понимаю, почему Андар прогнал ту ведьму, — пробормотала Шейн, щупая одну из гигантских

веревок. — Не слишком липкая, значит, по крайней мере, не свежая.

Резкое карканье заставило Фи подпрыгнуть. Ворона низко пролетела над их головами и уселилась на тонком дереве за спиной. Филоре подавила дрожь, глядя на существо, которое нетерпеливо перепрыгивало с ноги на ногу.

Пряха наверняка знала, что они здесь, но до сих пор ничего не предприняла. Фи не понимала почему. Стало не по себе. Она будто упускала что-то важное. Не слишком ли просто все получается или Фи себя накручивает?

— А мне никто не поможет? — позвала Шейн.

Филоре отвернулась от вороны и присоединилась к подруге. Вместе они содрали паутину, что закрывала дверь в замок. Белые нити были грубыми и липкими, а по рукам побежали маленькие коричневые пауки. Фи почувствовала, как один ползет вверх по подбородку, и едва успела сжать губы, пока наглец не залез ей в рот. Она мотнула головой и раздавила насекомое о плечо. Даже принцу было не слишком приятно наблюдать, как пауки снуют сквозь его бесплотное тело.

Разбрасывая тварей в стороны, Шейн издала звук отвращения.

— Это худшее, что с нами случалось!

— Все познается в сравнении, — усмехнулась Фи, смахивая особенно недружелюбного паука с шеи напарницы.

Шейн ткнула в принца облепленным паутиной пальцем.

— Очень надеюсь, внутри дела обстоят лучше!

Затем она ухватилась за одну железную ручку, Фи — за другую, вдвоем они распахнули двери и вошли в замок.

Глава 30

Шейн

П вердыня Андара полностью отвечала своей репутации. Она значительно превосходила размерами коренастые квадратные замки островов Несокрушимых. Те в первую очередь были крепостями — с толстыми стенами и узкими бойницами. А вот Андар построили, чтобы производить впечатление. Он был восхитителен, начиная от высоких окон, заканчивая насыщенно-синими вымпелами на стенах.

Шейн прищурилась, разглядывая расписанный золотом потолок. Фи тихонько ахнула, медленно кружась в попытках увидеть все и сразу. Звук тысячекратным эхом разлетелся по похожему на пещеру холлу.

Ряд арочных окон с витражами отбрасывал цветные блики на лестницу, ведущую в сердце замка. Из золотой рамы на них смотрело изображение голубоглазой женщины с длинными светлыми волосами и в короне из роз. Шейн и без подсказки поняла, кто это.

Даже она слышала об Авроре Розоцвет, первой королеве-ведьме Андара, хотя, по правде, больше интересовалась гигантским рубином из ее венца.

К счастью, после всех выпавших на их долю злоключений, теперь вокруг не было ни паутины, ни крысиных гнезд, ни пылинки. Это место казалось нереальным, как замок из сна. Шейн потерла глаза, борясь с волнной усталости. Битва в Терновом лесу серьезно ее вымотала — а может, доконала река, что швыряла северянку как тряпичную куклу. Или все эти пауки.

Шейн передернуло от одного воспоминания.

Принц уже стоял у подножия лестницы. Сейчас он выглядел осозаемым как никогда и явно радовался происходящему. Шиповник поманил их:

— Башня там. Идите за мной.

Принц повел спутниц по лабиринту коридоров, под резными арками и мимо бархатных занавесей, совершенно не тронутых временем.

Фи распахнутыми глазами смотрела вокруг, восхищаясь каждым gobеленом, суповой ложкой и дверной ручкой. Шейн же просто старалась не отставать. Ребра болезненно пульсировали. Поначалу она еще держалась, но теперь едва переставляла ноги.

Вероятно, именно поэтому наемница чуть не споткнулась о спящего мужчину на пороге зала. Он был одет в синюю ливрею гвардейца и шляпу с пером. В руке охранник сжимал рукоять меча. Шейн выругалась и с трудом устояла, отступив к колонне и чуть не сшибив вазу из синего стекла.

— Ты в порядке? — озабоченно спросила Фи, поправляя бесценный антиквариат.

— Да, — ответила Шейн. — Просто не уследила за чужими ногами.

Прежде чем двинуться дальше, она еще раз глянула на охранника. Он не походил на труп, скорее на человека, который хорошенько погулял в таверне и задремал на посту. Грудь стражи мерно вздымалась. Меч все еще

был отполирован и заточен. Люди в замке не просто уснули — они застыли во времени, годы прошли, не оставив на них следа.

Шейн встряхнулась, сдерживая зевоту. Фи и Шиповник снова ушли дальше, в самый конец коридора. Принц шагал спиной вперед и обещал показать напарнице все: сады, бальный зал и особенно библиотеку. При других обстоятельствах Шейн потребовала бы добавить в этот список сокровищницу, но теперь едва могла держать глаза открытыми. Она понимала, почему Шиповник совсем не устал — строго говоря, он сейчас спал, — но почему Фи перенесла путешествие по реке куда легче?

По мере приближения к башне им попадалось все больше и больше людей: стражники, которые спали, опираясь на копья; мужчины и женщины в роскошных придворных нарядах, судомойка с милым лицом, дремлющая у колонны с подносом в руках. Шиповник обогнула их, даже не удостоив взглядом.

Шейн была крепким орешком. Она заставляла себя двигаться, шла практически вслепую и просыпалась всякий раз, как натыкалась на углы. Но когда они достигли основания башни, северянка бросила взгляд на длинную винтовую лестницу и поняла, что до вершины ей не добраться. Ее взгляд остановился на фигуре седой женщины, спящей под окном, свесив голову на грудь. Старушка выглядела мирной и безмятежной.

— Нам наверх, — сказал Шиповник. Его шаги звучали где-то очень далеко.

Шейн вложила в последний шаг все силы, затем у нее подогнулись колени, и она упала, прислонившись спиной к стене. Северянка с облегчением прижалась щекой к прохладному камню.

— Шейн! Шейн, вставай!

Фи звала ее, настойчиво тряслася за плечи, но Шейн совершенно вымоталась, и никакие уговоры не могли прогнать черную пелену, которая заволакивала взгляд.

— Извини, партнер. Думаю, дальше тебе придется идти без меня, — пробормотала наемница, наслаждаясь тем, как легко было закрыть глаза. Встревоженное лицо Фи поплыло и исчезло.

Напоследок мелькнула мысль, что, наверное, это все-таки ненормально, и может, стоило подумать дважды, прежде чем лезть в замок, окутанный заклятием беспробудного сна.

Глава 31

Фи

Фи перескакивая через ступеньки, Фи бежала по винтовой лестнице белой башни. В ушах звенели слова Шиповника: «Это все проклятие». Чары вечного сна завладели Шейн, и существовал лишь один способ ее разбудить.

Укол от веретена начал гореть, Фи будто тащило вперед невидимой нитью. Она буквально летела по ступеням и приостановилась лишь у самой вершины. Вокруг дверного проема мерцали розы, а сердце колотилось в груди.

Филоре так переживала за подругу, что даже позабыла, что ждет ее в этой башне, вернее, кто.

Дверь со скрипом распахнулась, и Фи вошла в комнату, которую столько раз видела во сне. Только теперь все было взаправду. Повсюду тянулись плети роз, они пологом завешивали сводчатое окно и взбирались по белым стенам. В углу стоял крошечный письменный стол, вокруг деревянных ножек которого вились яркие красные бутоны. Аромат цветов висел в воздухе, будто здесь только что прошел дождь. Фи повернулась к кровати. Тонкий балдахин зацепился за шипы, и сквозь щели ткани виднелась фигура, лежавшая на белых

простынях. Та же самая фигура, которая стояла рядом с ней.

Принц Шиповник Розоцвет растянулся на кровати в своем бархатном плаще, не сложив руки на груди, а мирно подперев щеку, словно просто задремал. Его золотые волосы разметались по подушке.

Щеки были не бледными, а розовыми и живыми, грудь спокойно вздымалась. Фи замерла, глядя на спящего принца Андара. Если она коснется его, он не рассеется, как порой случалось с Шиповником, который то появлялся, то исчезал из ее жизни.

Филоре повернулась посмотреть на парня, которого успела узнать, но принц уже двинулся к ложу; бархатный плащ разевался за его плечами. Фи последовала за ним немного медленнее, ей пришлось отодвигать слегка покачивающиеся занавески, сквозь которые прошел Шиповник.

Все вело к этой минуте, однако Фи вдруг поняла, что не готова. Спящая фигура не шевелилась.

Шиповник обернулся. В его улыбке таилась какая-то грусть, но вместе с тем была и надежда, маленькая, хрупкая надежда, столь же невесомая, как дыхание.

— Ну вот.

— Да. — Фи слотнула, собираясь с духом. — И я приняла решение. Мы целуемся... а потом каждый пойдет своей дорогой. — Она хотела произнести слова холодно и уверенно, но практически прошептала их.

Глаза принца расширились. Тысячи воспоминаний промелькнули на его лице, тех же самых, которые хранила и она: как он заставлял ее смеяться, как ловил ее руку своей теплой ладонью, как наклонялся ближе, и Фи трепетала. Шиповник медленно выдохнул, и она увидела в его прекрасных синих глазах боль разбитого сердца.

— Не надо так, Фи, — взмолился он. — Я уже обещал, что не стану давить. Необязательно ведь жить тут ради меня. Останься в любом статусе — королевского библиотекаря, главного кладоискателя, друга короны. Только останься.

Фи покачала головой, чувствуя, как закололо в глазах.

— Это невозможно, Шиповник. — Каждое слово камнем падало на сердце, но Фи ощущала небывалую решимость. Так надо, так будет правильно. Она стиснула обтянутую перчаткой руку и отвела взгляд. — Прости. Знаю, не это ты хотел услышать.

— Забудь. — Принц схватил ее за плечи и развернул к себе. — Забудь все, что я когда-либо говорил, все, о чем просил. Посмотри мне в глаза и скажи, чего на самом деле хочешь. Только не уходи. Пожалуйста. — В отчаянии он стиснул Фи в объятиях и прошептал ей в макушку: — Я люблю тебя. Останься.

Она зажмурилась, пытаясь сдержать слезы.

Я люблю тебя.

Самые прекрасные и самые горькие слова. Фи и не думала, что они такими бывают. Та искорка, что вспыхнула в ее груди подобно отголоску магии Шиповника, разгорелась как лесной пожар, волна тепла прокатилась по телу, и кожу закололо. Фи была уверена, что сейчас светится. Она обвила руками его шею, и на секунду не осталось больше ничего — только объятия Шиповника и эти его слова. Филоре пыталась запечатлеть в памяти каждую деталь: мягкость его волос, аромат роз, быстрое биение сердца. Она уже безумно скучала по нему и все же никак не могла оставаться.

Каким-то невероятным образом принц нашел путь в ее сердце, миновал все преграды и стены, все горькие

мысли и болезненные воспоминания, и все это он делал, заставляя ее смеяться. Ей нравилось все: то, как он паршиво разбирался в волшебных языках, как танцевал не лучше нее, как продолжал улыбаться, будто ему шестнадцать, а не сто шестнадцать, а самое главное — старался подарить радость ей.

Она любила его.

Может, судьба и правда существует. Как и предсказывал принц в башне Письмовника, Фи влюбилась. Однако все равно не могла оставаться с ним, в этом прекрасном замке. Пока ею владеет проклятие, твердыне не уцелеть. Шиповник видел метку Бабочки под дождем, должен был понять, что это такое, но не знал всей ужасной правды — чего злые чары стоили Фи и будут стоить ей самому.

Столько раз она готова была признаться Шиповнику. Увы, как прагматик Фи оценила ситуацию со всех сторон и уже понимала, чем бы все закончилось.

Даже в лучшем случае, если бы ведьмы собрались заново и смогли восстановить волшебное королевство, не было никакой гарантии, что чары Бабочки снимут просто и быстро. Речь шла об одном из самых мощных проклятий, что вынудило отправиться в изгнание легендарного колдуна. Фи, возможно, еще предстоит пройти долгий путь.

Рассказать принцу о проклятии означало поставить его перед выбором между ней и всем, что ему дорого. Фи уже знала: Шиповник пожертвует всем, чтобы пойти с ней, — семьей, жизнью здесь, в Андаре, всем, что он собирался вернуть. Она не могла такого допустить. Фи знала цену близким и что значит уйти. Ей пришлось так сделать. На такую жертву она никогда не обречет любимого.

Фи крепче обняла Шиповника. Тонкие занавески разевались вокруг них, распускались красные бутоны роз. Она найдет способ разрушить заклятие Бабочки, а затем вернется, и Шиповник — настоящий, который встанет с этой кровати, у кого будет любящая семья и целое королевство... если Шиповник действительно любит ее, если им суждено быть вместе, тогда они снова встретятся, сколько бы времени ни прошло. В такую судьбу Фи могла поверить.

А до тех пор придется его отпустить.

Фи знала, что в жизни не сумеет объяснить принцу свои мотивы. Она встала на цыпочки и шепнула ему на ухо:

— Спасибо за приключение.

Затем она вырвалась из его рук и склонилась над Шиповником Розоцветом. Губы принца были мягкими, сначала Филоре ничего не почувствовала, касание вышло пустым и холодным по сравнению с поцелуем в реке. Затем тепло постепенно вернулось в его тело, и принц положил руку Фи на шею, прижимая девушку к себе. Филоре закрыла глаза и стиснула бархатный плащ. Поцелуй таил в себе весь свет и нежность, что родились между ними, все, что сделало ее спасительницей Шиповника. Пожалуй, их лучший поцелуй, ведь Фи наконец-то вложила в него всю душу.

Она отстранилась и посмотрела на юношу на кровати. Невероятно яркие синие глаза моргнули. Фи не знала, что сказать. Это все еще Шиповник? Тот самый, который минуту назад сказал, что любит ее? Потом знакомая кривая улыбка растянула его губы, и сердце Фи дрогнуло от облегчения.

Рука принца соскользнула с ее щеки и запуталась в волосах, перебирая мягкие пряди.

— Фи... — начал Шиповник чистым ясным голосом.

Если она останется, если послушает, что он хочет сказать, то растеряет всю решимость.

— Я должна найти Шейн, — заявила Фи и практически выбежала за дверь.

На полу пути вниз по лестнице она чуть не врезалась прямо в наемницу. Филоре охватило облегчение.

— Шейн! — воскликнула она, сжимая плечо подруги. — Ты проснулась, сработало!

— Не так хорошо, как ты думаешь, — мрачно ответила Шейн. — Что-то не так. Пошли быстрее — ты тоже, Шиповник, — добавила она, бросив взгляд за спину Фи.

Принц следовал за ней по лестнице. Он смотрел грустно и серьезно, только неясно, из-за того ли, что сейчас произошло между ними, или из-за того, что поджидало внизу.

Фи поняла, о чем говорила Шейн, как только достигла подножия лестницы. В замке было слишком тихо. Всем полагалось проснуться, встать на ноги и отряхнуть с себя вековой сон. Но ни одна из фигур даже не пошевелилась. Беспокойство, которое преследовало Фи с тех пор, как они добрались до замка, вернулось с удвоенной силой, скрутив желудок узлом. Что-то здесь было очень, очень неправильно.

Шиповник протиснулся мимо нее. Он присел рядом с седовласой женщиной в длинном синем платье, зовя ее по имени и нежно встряхивая. На воротнике старушки была вышита змея цвета слоновой кости, и Фи задумалась, не ведьма ли это из ордена Дождя. Голова женщины прислонилась к стене.

Бледный принц недоверчиво посмотрел на Фи и Шейн.

— Я не понимаю. Они должны проснуться.

— Думаю, дело в этом. — Северянка присела рядом, осторожно потянув за почти невидимую нить, туго обернутую вокруг шеи женщины.

Та засияла желтым на солнце.

Золотая нить. Фи похолодела.

— Когда я проснулась, нитка светилась, — объяснила Шейн. — И не только на ней. На всех. — Она мотнула головой в сторону коридора.

Фи в ужасе проследила за ее взглядом. Теперь, зная, что ищет, она и правда их увидела: тонкие золотые нити, обвивающие шеи каждой фигуры в зале, тугие, как струны рояля, и невидимые, пока на них не попадал свет.

— Пряха, — просипел Шиповник, опускаясь на колени. Его рука дрожала на плече спящей женщины. — Это все она. Пряха связала их, чтобы они не могли проснуться.

— Это мы еще посмотрим. — Шейн выдернула из сапога серебряный кинжал и подцепила золотую нить.

Фи могла бы сказать ей, что это не сработает. Но чувствовала странное оцепенение, словно наблюдала за всем издалека. Кровь шумела в ушах, заглушая все мысли, кроме одной.

Она оказалась права. Это было слишком просто.

Нож соскользнул с нити и глубоко вонзился Шейн в большой палец. Она зашипела от боли.

— Я не понимаю, — сказала наемница, сунув палец в рот. — Зачем Пряхе все это устраивать? Если она хотела, чтобы они исчезли, не проще ли было просто всех убить?

Повисло долгое молчание, а затем принц ответил:

— Потому что она еще не закончила с ними. — Он склонил голову и нахмурился, будто от боли. — Пряха

всегда высасывает из чародеев магию перед тем, как убить. Но она не могла этого сделать, пока они были под защитой чар Грёзы.

Поэтому связала несчастных, приберегла на потом — как паук, заворачивающий добычу в удушающий кокон, чтобы потом сожрать на досуге. Теперь обитатели замка не могли помочь принцу, но по-прежнему принадлежали ей.

Мир словно покачнулся. Мысли Фи помчались вскачь, пытаясь наверстать упущенное. Она гордилась тем, что учитывала каждую деталь, всегда имела запасной план. На сей раз у нее не было ничего. Они оказались одни в замке, в Терновом лесу, без могущественных союзников-ведьм и без плана побега.

Угодили прямиком в ловушку Пряхи, и Фи догадывалась, что худшее еще впереди.

— Что же нам теперь делать? — озвучила Шейн то, о чем думали все.

Фи оглянулась на принца. Но тот не смотрел ни на нее, ни на Шейн. Он не сводил глаз со спящей под окном чародейки, лихорадочно следя за ее лицом, вдруг все же проснется.

Филоре слотнула.

— Шиповник...

— Не знаю, — прохрипел он, наклонился вперед и вцепился в волосы. — Не знаю, — отчаянно повторил принц. — Так не должно было случиться. Спасение королевства, победа над Пряхой — вот как все задумали Великие ведьмы. Я не знаю, как закончить их план самостоятельно.

Задыхаясь, он склонился над спящей.

— Ты должна проснуться, — умолял принц, пытаясь распутать золотые нити с ее шеи, пока не изрезал пальцы. — Пожалуйста! Я больше не должен быть один!

Эти слова будто отрезвили Фи. Она опустилась на колени рядом с Шиповником, притянула его к себе и взяла руки принца в свои.

— Ты не одинок! — Фи заставила его посмотреть на нее, переплела их пальцы, и его кровь испачкала ее ладони. — Я все еще здесь, Шиповник, и мы вместе во всем разберемся. Обещаю.

Отчаянный взгляд, который принц на нее бросил, едва не разбил Фи сердце.

— Что бы мы ни собирались делать, надо пошевеливаться. Смотрите. — Шейн стояла, прислонившись к окну и глядя на Терновый лес.

Фи шагнула к ней. Сначала она подумала, что по небу несется гигантская грозовая туча. Затем поняла, что это была стая ворон, они летели вместе, как мощный шторм.

Рассказы о падении Андара всплыли в памяти Фи:

«Ведьмы бежали и в отчаянии падали на колени, а небо закрывали черные крылья, ярость ворон затмевала только сила и жестокость ведьмы, что мчалась среди них. Страшная буря. Предвестник гибели Андара».

Сюда летела Пряха.

Шейн отвернулась от окна.

— Что-то мне подсказывает: не стоит их дожидаться. Как быстрее всего выбраться отсюда? Шиповник! — рявкнула она, когда принц не ответил, все еще пребывая в оцепенении.

Он встремхнулся.

— Розовые плети в моей башне достигают земли. Мы могли бы вылезти по ним, но... — Шиповник посмотрел на спящих. — Нельзя бросить их здесь. Мы должны спасти людей. Мой брат, Шалфей, в тронном зале...

— Мы не успеем, — перебила Шейн. — А даже если бы смогли, думаешь, мы втроем вынесли бы его отсюда?

Фи знала, что напарница права. Даже если бы они каким-то образом смогли вытащить брата Шиповника, то никогда бы не сумели протащить его мимо патуков, через Терновый лес и пустоши за его пределами. Самим бы выбраться.

Принц, похоже, тоже это знал. Он уставился на свои руки, будто не был уверен, для чего они нужны.

Северянка потянула Шиповника за плащ.

— Ты спасешь своего брата — всех их, — если выживешь и сможешь сражаться дальше. А теперь пошевеливайся.

Противоречивые чувства раздирали принца: гнев, отчаяние, тревога, мучительная боль. В конце концов он решился.

— Верно, — сказал Шиповник, сжав губы. — По одному сражению за раз. Сначала мы сбежим.

Шейн удовлетворенно кивнула, а затем взлетела по лестнице обратно на башню. Фи последовала за принцем, глядя в спину напарнице и задаваясь вопросом: не увидела ли сейчас мельком ту Шейн, которая в другой жизни могла бы стать Военным вождем?

Когда они достигли вершины лестницы, Фи бросилась к подоконнику. От высоты кружилась голова, но розы, которые защищали принца, густой и пышной завесой спускались вниз по стене до самой земли.

— Принцы вперед, — велела наемница, подталкивая Шиповника к окну. — Мы все еще тебя спасаем.

— Она права. Иди, — настояла Фи.

Принц перелез через подоконник, а затем на мгновение замер и коснулся руки Фи среди роз. Она даже

представить не могла, о чём он думал, глядя на неё снизу вверх.

— Не падай, — только и сказал Шиповник.

«Это не я тут сто лет без движения провалаюсь», — подумала Фи.

Туча ворон почти достигла Тернового леса. Филоре видела, как птицы во дворе взлетают, чтобы присоединиться к драке, и яростно хлопают крыльями.

— Давай, давай, давай! — закричала Шейн, практически выталкивая подругу в окно.

Фи мельком увидела землю далеко внизу, а затем, благодаря «помощи» северянки едва не рухнула ей навстречу. Шейн бросилась следом, с воплем ухватившись за плеть, чтобы смягчить падение.

Они мчались вниз по башне рука об руку, пробираясь сквозь розы к черным шипам. Густые ветви скрывают от ворон, но путешественники снова окажутся во власти Тернового леса.

Глава 32

Шейн

На колючки Шейн нагляделась на всю оставшуюся жизнь. Она виляла по чаще, полагаясь только на чутье.

Напрямую им не проскочить, но дорога отсюда должна была быть легче, чем сюда. Да и неважно, куда они бежали, главное — подальше от замка.

Судя по мрачному виду, напарница думала иначе — Фи была пессимисткой. Несмотря на всю свою гениальность, она имела дурную привычку слишком легко сдаваться, словно если не видела ответа, значит, его вовсе не существовало. Тут-то в дело и вступала Шейн. Она на своем опыте поняла, что пока продолжаешь бороться, всегда есть шанс все изменить.

Наемница перепрыгнула через колючую ветку и бросила взгляд на небо. Ворон они больше не видели, но на ветвях болтались нити потрепанной паутины, значит, бдительность лучше не ослаблять.

Беглецы выскочили на поляну. Шейн приостановилась, обдумывая следующие действия. Темная лощина, глубокая и длинная, как туннель, тянулась вглубь леса на дальней стороне поляны, но минимум в трех метрах маячили боковые тропинки. Любая из них могла

вывести беглецов на свободу — или запутать еще сильнее.

Фи согнулась, тяжело дыша, а Шиповник вообще едва не терял сознание. Права на ошибку не было.

По дороге к замку им пришлось изрядно попетлять по лесу, но северянка все равно чуяла, откуда они пришли. Надо довериться интуиции. Шейн посмотрела на темный туннель.

Жуткий вой разорвал тишину. Наемница тихо выругалась. Вопль эхом разлетелся по терновнику, ему ответил другой, третий, а затем колючки затряслись, будто что-то неслось в сторону путешественников, проламываясь сквозь окостеневшие ветви. Что именно — Шейн не видела, но уловила движение слева. Среди деревьев мелькнула тень.

Пауки не воют. Возникла новая напасть — та, что пряталась в Терновом лесу и выжидала своего часа.

— Встаньте за мной, — велела северянка спутникам, вынимая топор.

По чаще прокатился новый вопль, долгий и зловещий. Шейн вспомнились волки родных островов. Тоскливые голоса хищников разносились над глубокими снегами и ледяными просторами. Вопль оборвался — и остальные тоже. От внезапной тишины стало не по себе.

— Думаешь, они ушли? — прошептала Фи.

— Нет. — Шейн крепче перехватила топор. Большинство хищников замолкало перед атакой.

Палки и ветки полетели в стороны. Первые твари прорвались сквозь густые заросли, следом выскочили еще двое. Через несколько секунд беглецы были окружены.

Шейн втянула воздух сквозь зубы. Она ошибалась. Это были не волки — а настоящие чудовища.

Наемница достаточно побродила по лесам и видела волков вблизи. То были величественные животные с мягким мехом, ловкие и умные. Серых волков Айсферна даже считали как предвестников удачи. Эти же больше походили на жутких монстров из бабушкиных рассказов о привидениях, неуклюжих тварей, ощетинившихся грубым спутанным мехом.

Они были как минимум вдвое больше обычных волков, из спин торчали острые уродливые отростки. Огромное белое существо, явно вожак, раздробило ветку зубами.

Шейн не смогла даже царапину оставить на проклятом кустарнике, а монстры разнесли его точно хворост. Это были обитатели Тернового леса — приспешники Пряхи.

Фи достала лассо, стиснув потрепанный шнур. Шиповник наклонился вперед.

— Может, лучше убежим? — пробормотал он.

Шейн стиснула зубы.

— Не получится. В чаще они нас убьют.

Четверо зверей рыскали по поляне, но еще несколько теней бродило среди шипов, отрезая путь к бегству.

Чуяла же, что слишком легко мы из замка выбрались.

Беглецы угодили именно туда, куда и хотела Пряха, — в зубы ее жутких питомцев.

Шейн и белый вожак смерили друг друга взглядами. Остальные волки разошлись по поляне, и наемница завертела головой, стараясь уследить за всеми разом. Затем посмотрела на Фи и тихо сказала:

— Придется пробиваться. Я задержу их, сколько смогу. Вы с принцем только не помрите, ладно? Я не затем сюда забралась, чтобы лишиться партнера.

Глаза Филоре расширились.

— Шейн...

— Берегись! — крикнул Шиповник.

Один из волков бросился на Фи, но зубы клацнули в воздухе. Принц схватил ее за локоть и дернул в сторону. Шейн молниеносно взмахнула топором. Удар пришелся прямиком по ребрам, и тварь улетела назад в кусты. Белый вожак воспользовался моментом и кинулся на северянку, метя в горло.

Шейн едва увернулась. Зубы монстра задели косу, и та размоталась. Ничего удивительного, если урод ей вдобавок и волосы укоротил.

Перехватив топор обеими руками, она с силой опустила лезвие на шею твари. Отдача была такой, словно Шейн врезала по стволу дерева. Чудовищная голова мотнулась в сторону, из пасти полетела слюна, — а секунду спустя вожак снова бросился на северянку, рыча и щелкая зубами. Он врезался в нее массивным плечом и сбил с ног.

Шейн упала в грязь. Ее топор оставил волку глубокую рану, но та даже не кровоточила. Ни одна струйка не потекла по облезлой шерсти.

Зверь развернулся следом за наемницей. Шейн успела схватить оружие и заблокировать страшные челюсти топорищем. Но она сама видела, как эти зубы раздробили костяную ветку, и знала, что протянет всего несколько секунд.

Действовать надо было быстро.

Ребра ныли, руки тряслись. Шейн изогнулась и врезала чудищу сапогом по горлу.

Вожак отлетел и попятился, мотая головой. Северянка заставила себя подняться.

Избитые бока красноречиво намекнули больше такого не делать.

— Шиповник! — закричала Фи.

Наемница обернулась. Один из волков вцепился в сапог принца и тащил добычу к терну. Еще несколько секунд — и все. Задыхаясь, Шейн бросилась на тварь и врезалась плечом в ее впалый бок. Кости протестующе хрустнули, а они оба кувырком покатились по грязи. Принц отполз назад, тяжело дыша.

— Шейн, сзади!

К наемнице несся вихрь из пожелтевших зубов, разлетающейся слюны и взъерошенной шерсти. Затем что-то дернуло его назад — Фи поймала волка за заднюю лапу и попыталась оттащить. Шейн оценила решимость напарницы, но смелый поступок быстро показал, насколько он глупый. Волк зарычал, изо рта у него пошла пена, и он повернулся к Фи.

— Зажмурьтесь!

Вероятно, Шиповник обращался все-таки не к тварям.

Наемница заслонила лицо рукой. Вспыхнул яркий свет, такой яркий, что под веками заплясали пятна. Монстры завизжали. Шейн вслепую нашупала топорище, резко развернулась, замахнулась и вонзила лезвие ближайшему волку в брюхо.

Из прогнившего горла вырвался вой. Веревка Фи упала, волк метнулся к деревьям и уставился оттуда на путешественников прищуренными желтыми глазами.

Ребра Шейн горели. Она приподнялась на локтях, собираясь с силами, чтобы встать, — но тут подскочила Фи и протянула руку.

— Неплохо вышло, — выдохнула Шейн.

Подруга убрала волосы с лица.

— Я тоже не хочу терять партнера, — призналась она, позволяя себе редкую улыбку.

Жаль, не было времени насладиться зрелищем. Волки уже перегруппировались, и их было слишком много. В любую секунду твари снова могли напасть.

Северянка, тяжело дыша, вытерла губы. Руки тряслись под весом топора. Такими темпами она долго не продержится, как и ее спутники.

Шейн не сдавалась, но не могла придумать ничего дельного. Как сражаться с тем, что не истекает кровью?

Из глубины чащи донесся свист. Волки мгновенно навострили уши. Высокий и пронзительный звук повторился еще дважды. Затем в проеме, через который пробился вожак, появилась фигура. Яркий плащ казался малиновым пятном на фоне темного леса.

Шейн только рот открыла. На поляну вышла Рэд.
Что она здесь делает?

На этот раз ведьма облачилась в простое платье с просторными рукавами, облегающим лифом и длинной многослойной юбкой. Опустив руку, Рэд внимательно посмотрела на Шейн.

— Осторожно! — закричала северянка, когда гигантский белый волк понесся к ведьме. Шейн отчаянно вскинула руку — и замерла. Существо резко остановилось и ткнулось мордой в открытую ладонь Рэд. Та застенчиво улыбнулась.

— Ты, — изумленно выдохнула Шейн.

— О, да. Я, — подтвердила ведьма, почесав изуродованного волка за ушами. Он вывалил язык из костявой челюсти.

— Эти монстры... — выдавила Шейн. В глубине души она понимала, что происходит — почему Рэд могла спокойно стоять рядом со зверем. Но до последнего не хотела верить в худшее.

— Мои маленькие питомцы, — проворковала Рэд. — Не нужно их бояться. Они очень хорошо выдрессированы.

Сердце Шейн глухо стучало в голове. Она чувствовала, как Фи и Шиповник нерешительно переминаются за спиной. Затем что-то коснулось плеча — напарница тронула северянку, без слов говоря: «Я тебя понимаю, и я предупреждала». Шейн не знала, от чего ей хуже.

— Почему ты напала на нас?

Рэд поджала губы.

— Я не нападаю на тебя, Шейн. Я вообще ничего против тебя не имею. Даже давала шанс уйти.

И ведьма предлагала сбежать вместе.

Никакого «после» нет — не для нас.

Рэд знала, точно знала, что произойдет. Может, поэтому выглядела такой опустошенной, как будто уход причинял ей боль.

Шейн чувствовала то же самое прямо сейчас, пока перед глазами неслись воспоминания: дерзкая улыбка Рэд, когда они вместе бежали по рынку, сладкая колыбельная, мягкое тело в объятиях, жар прощального поцелуя. Неужели все это было ложью?

Ведьма склонила голову, изображая насмешливую улыбку.

— Не стоит так обижаться. Ничего личного. Я просто выполняю приказы.

— Ты помогаешь Пряхе, — понял Шиповник.

Рэд чуть пожала плечами, но отрицать ничего не стала.

Последние надежды Шейн рухнули.

— Но ты же помогла нам попасть сюда. Если Пряха пыталась нас остановить...

— Остановить? — развеселилась ведьма. — Тогда вы бы сгинули задолго до того, как сумели бы добраться

до замка. Ей очень хотелось, чтобы принц проснулся. У нее на вас большие планы, ваше высочество. — Рэд повернулась к Фи. — Потому она и послала меня приглядывать за вами, шпионить и докладывать. Чтобы принц непременно получил свой маленький поцелуй.

На лице Филоре читались ужас и понимание.

— Пряха не могла достать Шиповника во сне. Ей требовалось, чтобы я его разбудила.

— Молодец, — похвалила ведьма. — Наверное, поэтому она хочет твоей смерти, Фи. Пряха очень четко обозначила задачу. Убить тебя и привести принца назад живым.

— Как насчет меня? — спросила Шейн и спрятала подругу за собой, надеясь, что у той хватит здравого смысла не высовываться.

Рэд погладила белого волка по спине.

— Не думаю, что Пряха вообще знает о твоем существовании, Шейн. Наверное, оно и к лучшему? — спросила она, выгнув бровь.

Невыносимое ощущение, будто видишь знакомого — и в то же время чужака. Прежняя дразнящая улыбка стала острее, какбитое стекло. Неужели это та самая девушка, которая танцевала с Шейн на балу, умоляла не влюбляться в нее, иначе будет больно? Нужно достучаться до нее.

— Рэд, ты сейчас не настоящая, — взмолилась Шейн. — Я это знаю, и ты в глубине души тоже.

— Настоящая я. — Ведьма глухо рассмеялась. — Я даже не знаю, кто это. Пряха приняла меня, когда все остальные отвернулись, и оказала мне услугу, за которую я никогда не смогу расплатиться. Я ее кладоискательница. Вот кто я, Шейн. — Глаза Рэд горели в слабом свете. — Но в одном ты права. Я действительно хотела, чтобы между нами все закончилось по-другому.

На секунду Шейн показалось, что она увидела отблеск настоящей Рэд: ведьма дрогнула и протянула руку ладонью вверх.

— Даю последний шанс. Уходи сейчас же, и я пощажу тебя.

То же отчаяние, та же трещина в идеальной маске, как в ночь расставания.

— Я уже сказала тебе, что остаюсь, — тихо прорычала северянка. — Теперь твоя очередь выбирать. — Она подняла топор на плечо. — Я не знаю, что с тобой случилось. Не знаю, чем ты обязана Пряхе. Но понимаю, что еще не поздно. Я все еще могу тебе помочь.

Рэд усмехнулась.

— Да брось. Ты даже себе помочь не можешь. — Все тепло исчезло без следа.

Шейн постаралась выразить чувства одним взглядом.

— Если бы я могла пройти через все это еще раз — даже если бы знала правду с самого начала, — все равно попыталась бы тебя спасти.

— Я знаю, — пробормотала Рэд. — Поэтому так легко и получилось.

Она поднесла пальцы ко рту, готовясь свистнуть.

— Ты пожалеешь, что связалась с Пряхой, — сказал Шиповник, то ли грозя, то ли предупреждая.

Пальцы ведьмы замерли у самых губ, по лицу пробежала тень страха.

— Если перейду ей дорогу, пожалею еще больше. — Рэд изобразила жестокую улыбку. — Кроме того, мне нужно убить только одного из вас. — Она глянула на Фи и резко свистнула.

Новый волк вырвался из зарослей прямо за напарницей. Должно быть, подкрадывался, пока Рэд говорила.

Шейн выругалась. Она должна была догадаться!

Осколки шипов полетели во все стороны. Фи вскинула руки. Обломок дерева ударил ей по голове, и на глазах Шейн подруга рухнула на землю, закрыв глаза. Огромный волк встал над ней и торжествующе зарычал.

— Нет! — крикнула северянка, но не успела сделать и шагу.

Вся поляна погрузилась в тень, словно кто-то сорвал с неба солнце. Колючие деревья будто корчились в странном свете.

Шиповник молниеносно подскочил к Рэд и схватил ее за горло. Та ахнула, но притихла, когда принц крепче сжал руку.

Шейн оставалось лишь смотреть. Пальцы Шиповника удлинились и превратились в костяные когти.

Золотые локоны распрямились, он источал какую-то силу. Шейн поежилась, увидев выражение лица принца. Он улыбался и презрительно рассматривал потрясенную Рэд. Там, где коготь впился в кожу, выступила капля крови.

От Шиповника расходились тени. Даже волки заскулили и распластались на животе в грязи.

— Отзови их, — велел принц, таща Рэд к шипам.

Сердце Шейн стучало в ушах. Перед ней стоял Шиповник Розоцвет, любимый принц Фи, он только что спас ей жизнь. Но чутье вопило: что-то не так.

Рэд слабо закашлялась и быстро дважды свистнула. Ее питомцы с опаской встали и бочком попятались в лес. Последним ушел вожак. Он задержался на самой границе, поглядывая на хозяйку.

— Я сделала, как ты просил, — начала Рэд и попыталась ухватиться за руку Шиповника. — Отпусти меня, иначе...

— Иначе что? — переспросил принц бархатным и опасным тоном.

Он повлек ее назад, все дальше и дальше, едва не насаживая на колючки. Рэд всхлипнула.

— Пожалуйста, — умоляла она сквозь слезы, но смотрела не на принца. Ее взгляд был прикован к Шейн.

Мир будто замедлился. Губы Шиповника скривились, тело напряглось. Он собирался насадить Рэд спиной на бритвенно-острый кустарник. Ведьма погибнет, и только Шейн в состоянии ее уберечь.

Если захочет. Разве это не судьба?

Шейн так и не поняла, когда сорвалась с места. Она действовала на чистом инстинкте. Стало ли виной пепротугоное лицо Рэд, или Фи не захотела бы, чтобы ее принца поглотила тьма, или сама Шейн продолжала любить изменницу, несмотря на предательство. Просто знала, что не может допустить ее смерти.

— Стой! — Шейн замахнулась топором, целя тугою стороной по рукам Шиповника. Ей было плевать, если она сломает ему оба запястья.

Принц отрыгнулся, и Рэд свалилась на землю. Его пылающие глаза впились в северянку.

— Уходи отсюда! — велела Шейн ведьме, заслонив ее собой.

Рэд удивленно посмотрела на наемницу. Затем повернулась и побежала вслед за своими волками. Красный плащ развевался за спиной. Наконец Рэд исчезла в темноте. Очень хотелось верить, что раскаиваться за такой порыв Шейн не придется. Однако на данный момент у нее были проблемы посеребренее.

Она повернулась к принцу, не зная, чего ожидать. Его лицо искало ярость. У Шейн возникло дурное предчувствие, что он может разорвать ее на части

и если о чем и пожалеет, так это об испачканном плаще. Она крепче сжала топор, собираясь с силами.

Вдруг раздался стон — Фи пошевелилась, медленно приходя в себя. Шиповник повернулся к ней, убийственный взгляд пропал, и на смену ему пришло потрясение. Принц уставился на свои когтистые руки и попятился, будто мог убежать от того, чего едва не натворил.

Он встярхнул кисти, тени и когти исчезли, и осталася только прежний Шиповник в синем плаще. Северянка не спешила опускать топор.

Принц одарил ее натянутой улыбкой, но смотрел серьезно.

— Не волнуйся. Я опять стал собой.

Это «опять» ей не понравилось.

— Что сейчас произошло? — спросила она.

— Я на мгновение потерял контроль над своей магией. Но все позади. Этого больше не повторится. — Принц говорил твердо, словно давал обещание самому себе, но если контролировал ситуацию так же, как Фи, то грош цена его обетам.

Шейн могла понять, что жизни подруги грозила опасность. Она могла даже понять, что Шиповник сорвался. А вот чего наемница не могла забыть, так это его улыбки, с которой он собирался убить Рэд, явно упиваясь происходящим.

— Шиповник? Шейн? — Фи медленно села, схватившись за голову.

Принц направился к ней, но северянка преградила дорогу, уперев ему в грудь блестящее лезвие топора.

— Если ты для нее опасен...

— Нет, — отчаянно заверил Шиповник. — Я бы в жизни не навредил Фи. Ты мало меня знаешь, но прошу, поверь. Пожалуйста. Чем дольше мы здесь сидим, тем больше времени у Пряхи, чтобы остановить нас.

Под «остановить» он имел в виду «убить». Что до «нас» — как минимум Фи и Шейн действительно грозила опасность.

Наемница неохотно опустила топор.

— Ладно. Но мы с тобой еще хорошенько побеседуем.

Шиповник кивнул, обошел ее и бросился к Фи.

Напарница выглядела изрядно помятой, с виска по лицу стекала алая струйка. Смотрелось ужасно, но Шейн по личному опыту знала, что раны на голове вечно кровят.

Парень, который помогал Фи встать на ноги, совсем не походил на того кошмарного призрака, который чуть не размозжил Рэд о шипы. Но внешность бывает обманчива.

Шейн оглянулась на рощу, представляя, как ведьма бродит где-то в темном лесу в окружении своих волков. Наемница сомневалась, что поступила правильно, отпустив Рэд, но точно знала: между ними еще не все кончено.

Глава 33

Фи

Фи вытерла кровь с глаза. Ветки мелькали над головой. Опять пришлось бежать. Впереди тянулся темный туннель, но Фи едва видела его очертания. Голова болела так, будто по ней били молотом.

Ноги ослабли, колени грозили подломиться в любой момент.

Туман перед глазами, наконец, начал рассеиваться, но, видимо, она ударила головой сильнее, чем думала. Когда Фи только пришла в себя, ей показалось, что Шейн сражается с принцем. Но это же невозможно. Верно?

Тени становились все гуще, туннель смыкался вокруг беглецов, как ловушка. Фи старалась не представлять чудовищных волков, прорывающихся сквозь колючки. Она не видела впереди дороги — только бесконечную темноту. Возможно, это очередной тупик. Фи остановилась, принц замер рядом с ней, и Шейн едва не врезалась в них сзади.

— Мы уже близко, я чувствую, — сказала наемница, хотя, конечно, подтвердить свои слова ничем не могла.

Прохладный ветерок коснулся лица, словно мягкая рука, скользнув в зазор между ветвями. Фи зажмурилась, пытаясь уловить знакомое чувство. Затем вновь распахнула глаза. В воздухе танцевали клочки бумаги, одни уже сгорели дотла, а другие все еще тлели, как крошечные угольки, метались вокруг, словно стайка рыбок.

Бумага.

Глаза Фи расширились. Конечно, она знала эту магию.

Именно с ней когда-то познакомилась впервые — с силой, исполняющей скромные пожелания.

Шейн громко рассмеялась, хватая обрывки.

— Невероятно! Колдун решил показать нам, где выход!

Сердце Фи распухло до такой степени, что стало больно. Бумага, казалось, задрожала в воздухе, а затем полетела прочь, освещая путь в темноте.

— Бежим! — крикнула Шейн.

Фи собрала последние силы и поковыляла за клочками, что сияли, точно звездная дорожка. В какой-то миг она не думая схватила принца за руку. Ладонь оказалась влажной, даже чуть липкой от крови, зато осязаемой, настоящей. Фи не понимала, что это значит для него, — даже не понимала, что чувствует сама, — главное, после всего случившегося он остался рядом.

Обрывки растаяли, в воздухе закружилась одинокая искорка. Фи рванулась за ней, и шипы впились в кожу. Вдруг в глаза ударили свет. Впереди возник яркий, залиятый солнцем круг, а прямо за ним стоял Письмовник. Его белые одежды сияли, как маяк.

Фи с принцем продрались сквозь последние кусты. Колдун поймал ее за плечо, не давая упасть.

— Ты пришел, — прохрипела она.

Письмовник казался миражом — светлые волосы, колокольчик и белоснежный наряд без пятнышка черной пыли.

— Филоре. — Голубые глаза Письмовника блеснули. — Я так рад тебя видеть.

— А меня? — спросила Шейн, согнувшись вдвое и упираясь ладонями в колени.

— Ты же не хочешь сказать, что мне стоило волноваться на *твой* счет, — усмехнулся колдун. Затем повернулся и подарил мягкую улыбку последнему из компаний. — Принц Шиповник Розоцвет. — Письмовник отвесил низкий поклон. — Позвольте мне первому из вашего народа поздравить вас с возвращением.

— Благодарю, — хрипло отозвался Шиповник.

Фи видела, как много для обоих значит этот миг. Рассматривая след веретена на ее пальце, колдун сказал, что *потомки Андара ждали этот миг долгие годы*. Фи решила оставить мужчин и повернулась к подруге.

Та стояла поодаль, скрестив руки на груди. Лицо блестело от пота, пепельно-каштановую косу трепал ветер. Фи подошла к наемнице.

Вместе они посмотрели на громадный лес в поисках затерянного среди шипов белого замка. Гигантское облако ворон накрыло его, точно саван, одни кружили вокруг высоких башен, а другие сидели на стенах и крепостных валах.

— Отличная история, — заметила Шейн, качая головой.

Фи поняла, что имеет в виду подруга. Всего на секунду она представила, как о них бы написали в детских сказках, картинку, где сама Фи, Шейн и принц стоят на фоне карминно-красных роз. Судя по ухмылке на парнице, Шейн представляла, как пересказывает их

приключения какой-нибудь красивой девушки, жела-
тельно в таверне.

— Мы едва не погибли, — напомнила ей Фи.

— И все же не умерли, — возразила Шейн, явно
не слишком переживая.

Филоре скрестила руки, борясь с улыбкой.

— Мы не нашли никаких сокровищ.

— Мы достали принца. А принцы много стоят.

В смысле за них дают хороший выкуп? Потому что
именно так это прозвучало из уст Шейн. Фи невольно
хмыкнула.

— Пряха никуда не делась.

— Ладно, тут у нас проблемка, — поморщилась
северянка.

— Как ни крути, мы провалились.

Шейн пожала плечами.

— Ну, если на этом закончить, то да. Лично я не
люблю бросать дело на полпути. Мы пробрались через
весь Терновый лес — а говорили, что это невозможно,
— сняли проклятие с принца Андара, улизнули
от самой могучей злой ведьмы всех времен и народов
и еще и Письмовника заставили из его норы вылезти.
Как по мне, хорошее начало, партнер.

Ну если так на все посмотреть... Фи улыбнулась
наемнице.

— Но это по-прежнему одноразовая сделка, да,
партнер?

Шейн буквально просияла.

— Верно.

Эпилог Шиповник

Шиповник прислонился к обломкам рухнувшей башни, в тени которой они разбили лагерь, и уставился на звезды, что мигали среди вихрей черной пыли. Ночь плащом накрыла королевство Андар. Впервые в жизни Шиповник видел закат вне стен замка.

Он протянул ноги к маленькому костру, вздрогнув, когда щелкнули колени. Принц сотню лет мечтал вернуться в свое настоящее тело, но о многом забыл или вообще никогда не знал. Руки после пробежки через лес испещряли алые царапины. Ноги скрипели, словно деревянные, и он бы сейчас не двинулся с места даже под угрозой смерти. Принц отчаянно чихал, когда пыль попадала ему в нос. Но было что-то приятное в каждом укусе, синяке и боли — потому что Шиповник их чувствовал. Он мог чувствовать всё.

Принц посмотрел на свои пальцы, вспоминая золотые нити. Колдун перемотал ему раны тонкими полосками белой бумаги, исписанными изящными буквами Священной Розы. Этот язык Шиповник знал. В ту же секунду, когда бинты закрыли раны, боль исчезла.

Письмовник примостился напротив, готовя новые повязки. Фи и Шейн заснули несколько часов назад. Первая свернулась калачиком рядом с огнем, а вторая раскинулась рядом. Если Шейн вытянется еще дальше, то попадет Фи кулаком в лицо.

Письмовник ласково покачал головой. Грудь принца сжало: он вспомнил такую же полуулыбку на другом лице.

Она появлялась у его сестры Камелии всякий раз, когда Шиповник приносил ей выдернутый с корнем цветок или подсовывал глупое стихотворение в один из гримуаров Великих ведьм, просто чтобы проверить, заметят ли они. Так было всегда.

Теперь, присмотревшись, принц заметил куда больше общего: гибкая фигура, длинные серебристые волосы, многозначительный блеск голубых глаз и замысловатая хрустальная серьга с красным огоньком внутри. Только вблизи становилось понятно, что это роза. Шиповник откинула голову на каменную стену.

— Я должен был понять, что ты правнук Камелии.
Письмовник покачал головой.

— Как? Заклинания, разрушающие проклятия, очень специфичны — я не мог вмешаться без риска изменить результат.

— Я был бы не против, если бы ты его изменил. Хоть немного. — Принц на секунду закрыл глаза, пытаясь не представлять, как его брат с обмотанной золотыми нитями шеей сидит на троне. Шалфей и все прочие обитатели замка еще спали, а Шиповник просто бросил их там.

Письмовник мягко коснулся локтя принца.

— Ты больше ничем не мог им помочь. По крайней мере пока. — Шиповник удивленно вскинул голову,

Принц тяжело сглотнул. Именно это сказала бы Камелия, сиди она тут. Просто вместо клочков бумаги были бы цветы. Боль утраты по-прежнему грызла сердце, но стала чутьтише. Теперь Шиповник знал, что кусочек магии сестры живет в Письмовнике, — и, может, есть другие чародеи, целая череда королевских потомков с голубыми глазами и понимающими улыбками. Может, однажды он их встретит, раз больше не лежит под гнетом проклятья.

Пламя костра заметалось, будто захотело убежать. Принц не думая протянул руку и уже хотел призвать искорки, но Письмовник перехватил его запястье, вдруг посеръезнев.

— Я бы не злоупотреблял этими чарами.

Шиповник отдернул руку:

— Почему?

Колдун склонил голову набок.

— Магия бывает непредсказуемой. Ты очень долго связан с Пряхой. Боюсь, тряся силы, ты становишься более уязвимым. Помни, Шиповник, Великие ведьмы не дали забрать тебя на шестнадцатилетие, но пока Пряха жива, тебе от нее не освободиться.

Принц сглотнул, глядя на свои ладони. Они были мягкими и человеческими, чувствительными там, где в них врезались нити. Но Шиповник до сих пор помнил, как потерял себя, как его костлявые когти сжимали горло Рэд. Он ни за что не хотел снова стать таким.

Письмовник серьезно кивнул.

— Вижу, ты представляешь, что стоит на кону. — Еще мгновение чародей наблюдал за Шиповником, а затем встал подкинуть дров и на миг коснулся плеча принца. — Постарайся запомнить. Магия — особенно твоя магия,

Шиповник, — лучше всего подходит для исполнения скромных пожеланий.

Принц вспомнил фразу. Именно для исполнения «небольших пожеланий» и предназначалась магия, по мнению Камелии, — похоже, эту мысль она передала своим потомкам.

Письмовник отошел. Шиповник взял палку и принялся ворошить костище, обугленные куски половиц и перил, которые они собрали в полуразрушенных зданиях вокруг башни. В детстве он безоговорочно верил в философию сестры, но теперь невольно задался вопросом: а достаточно ли ему скромных желаний?

Карие с прозеленью глаза широко распахнулись, когда принц наклонился над Фи, — точно так же, как они смотрели друг на друга в башне, только тогда лежал он.

Шиповник быстро сел.

— Сейчас полночь, — сказал он. — Засыпай.

— Ты ведь не спишь, — заметила Фи и приподнялась на локте. Плащ Шиповника съехал с ее плеча, и она дернулась, чтобы его поймать.

Принц тихо рассмеялся.

— Я выспался на всю жизнь вперед. Даже на несколько жизней. Если продолжу отдохнуть, стану слишком хорошеньkim и больше не буду тебе нравиться.

Шутка вылетела сама собой. Принц резко вдохнул, и боль стиснула сердце в кулак. Сидя рядом с Фи в темноте, глядя, как отражается в ее глазах пламя, он почти забыл, что всего несколько часов назад она его отвергла. Те слова эхом отдались в голове.

Это невозможно.

— Фи... я... — пробормотал Шиповник, не зная, как извиниться.

— Нет, — сказала она, качая головой. — Ты прав. Вряд ли я захотела бы путешествовать с таким краставчиком.

Уголки ее рта приподнялись, и принц с облегчением рассмеялся, напряжение ослабло. Он потерял шанс завоевать сердце Фи, но не хотел отказываться от надежды стать ее другом.

Однако ему необходимо было кое-что ей сказать.

— Тебе больше не нужно путешествовать со мной, — произнес он, а затем вздрогнул, когда Фи удивленно заморгала. — Прости, неудачно выразился. Я только имел в виду, что связь между нами разорвана.

Он медленно размотал бинты и поднес руку к огню. Никакая красная полоска больше не вилась вокруг его пальца, никакая мерцающая нить не связывала ее с ним. Метка веретена на руке Фи тоже исчезла.

— Если ты покинешь Андар, у Пряхи не останется причин тебя преследовать. Я найду способ спасти свое королевство и победить ее раз и навсегда. Но...

— Ты имеешь в виду, мы найдем, — перебила Фи. Она сказала это так легко, с такой уверенностью, что сердце Шиповника пропустило пару ударов. — Мы победим.

— Ты уверена? — нерешительно спросил он, хотя меньше всего хотел с ней расстаться.

Фи бросила на него нечитаемый взгляд.

— Только попробуй избавиться от меня — или от Шайн, если на то пошло. Она уже решила, что ты ее лучшая возможность добыть невообразимое богатство и снискать славу. — Ее лицо смягчилось, она толкнула его локтем, и принц подпрыгнул от легкого прикосновения. Фи улыбнулась. — Я обещала, что мы разберемся с этим вместе, помнишь? — Она протянула руку Шиповнику. — И не отступимся, пока не одолеем Пряху и не освободим Андар.

— Пока не освободим Андар, — повторил принц, уже чувствуя себя легче.

Шиповник едва дышал, боялся, вдруг это сон, а потом он проснется и окажется один. Но рука Фи была теплой и настоящей. Эта самая рука схватила его и вывела из Тернового леса к свету. Однажды принцу пообещали, что его спасет девушка, так и произошло. Остальное они сделают вместе.

Благодарности

Создание книги — это сложное, чудесное, удивительное и пугающее путешествие. Так много людей помогло этой мечте исполниться, и я так благодарна каждому из них!

Спасибо моим замечательным агентам, Кэрри Ханниган и Эллен Гофф, которые разглядели потенциал этой книги и неустанно работали, чтобы найти для нее идеальный дом. Я и мечтать не смела о лучших партнерах! Также большое спасибо Рее Лайонс, Сумейе Робертс и всем замечательным людям из HG Literary.

Спасибо Арианне Левин, самому лучшему редактору, о котором только может мечтать автор-дебютант. Ваше понимание и советы бесценны. Вы подтолкнули меня и эту книгу выйти далеко за пределы изначальной задумки, и я просто поражена, какими стали Фи и Шейн под вашим чутким руководством!

Спасибо моей замечательной команде в Патнэме: Элизе ЛеМассена, Анне Хойслер, Джессике Дженкинс и всем, благодаря кому эта книга вышла в свет. Также спасибо Фернанде Суарес за невероятную обложку — вы вдохнули жизнь в Фи и Шейн!

Спасибо Крису Лупо и Верв. Вы заразили меня своим энтузиазмом, и я до сих пор в восторге.

Спасибо Розарии Мунда и Акшайе Раман, замечательным авторам, которые связались со мной в те первые безумные дни после того, как я получила контракт на книгу. Эдриенн Тули и Александре Овери, вы были так добры и дали мне столько советов, а также написали невероятно вдохновляющие книги!

Спасибо Эмили Тиде, Мег Лонг, Лилли Лэйнофф и всему сообществу 22Debutс. Быть частью такой замечательной группы авторов очень важно — вы так многому меня научили!

Большое спасибо Кайлу, Кристи, Саре, Дженнике, Натали, Клэр и всем первым читателям, чей энтузиазм вдохновил меня именно тогда, когда я больше всего в этом нуждалась. Ваши отзывы и поддержка очень много для меня значили.

Спасибо всей моей семье — родителям, привившим мне любовь к чтению и фантастике; сестре, которая до полуночи смотрела со мной аниме; и бабушке, которая читала все мои книги, хотя она фанатка детективов! Также большое спасибо Доттерам, особенно моему тестю, он стал одним из первых читателей и оказал невероятную поддержку.

Спасибо моим двум избалованным кошкам. Службе доставки еды. Огромному количеству кофе. И ферме по спасению животных, куда я всегда ходила, когда хотела немного отдохнуть душой.

Наконец, спасибо моей любимой Мишель, которой и посвящена эта книга. Ты пережила миллион правок. Ты ходила со мной по парку, пока мы не придумывали диалог, над которым бы обе рассмеялись. Ты была рядом со мной, когда я загоняла себя в тупик и не спала до полуночи, пытаясь найти оттуда выход.

Ты мой первый читатель, мой самый большой по-
клонник, мой редактор и моя коллега по перу. Как
и Алинор, ты супер!

МИФ Проза

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

**НОВЫЕ ИМЕНА МИРОВОГО
МАСШТАБА**

ПРОБЛЕМАТИКА ХХI ВЕКА

РОМАНЫ ВЗРОСЛЕНИЯ

КНИЖНЫЙ КЛУБ

#mifproza

Подписывайтесь
на полезные книжные письма
со скидками и подарками:
mif.to/proza-letter

Вся проза
на одной странице:
mif.to/proza

mifbooks

*Литературно-художественное издание
Red Violet. Темный ретеллинг*

Веддер Лесли

Костяное веретено

Руководитель редакционной группы *Анна Неплюева*

Ответственный редактор *Дарина Андреянова*

Литературные редакторы *Елена Музыкантова, Елена Николенко*

Арт-директор *Вера Голосова*

Верстка *Владимир Снеговский*

Корректоры *Лилия Семухина, Надежда Лин*

В макете использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock.com

ООО «Манн, Иванов и Фербер»
123104, Россия, г. Москва, Б. Козихинский пер.,
д. 7, стр. 2

mann-ivanov-ferber.ru
vk.com/mifbooks

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ РЕТЕЛЛИНГ «СПЯЩЕЙ КРАСАВИЦЫ»

Как в старой сказке, все начинается
с веретена. Темное проклятие
заставляет молодого принца уколоть
палец и уснуть беспробудным сном.
Чтобы спасти королевство от чар,
на опасную тропу выходят
искательница сокровищ Фи
и воинственная наемница Шейн. Вот
только Терновый лес — наименьшая
из проблем на пути к их цели...

«Это не типичное фэнтези, где один
спасает другого, а скорее история
о вере в себя и поиске своего счастья.
Невозможно оторваться от книги
до последней страницы, а финал даст
намек на то, что не все решается так
просто и проходит бесследно».

@anaswon

9 78500 1956372 ^

#yamif

МИФ mann-ivanov-ferber.ru @mifbooks